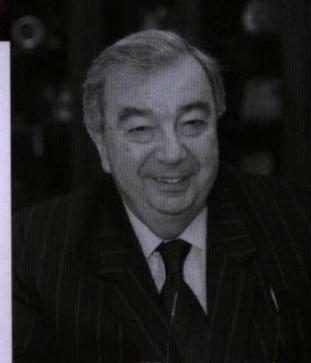

ЛЕОНИД МЛЕЧИН

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

31000035304289

ЕВГЕНИЙ ПРИМАКОВ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СПАС РАЗВЕДКУ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ РАЗВЕДЧИКОВ

ЛЕОНИД МЛЕЧИН

**ЕВГЕНИЙ
ПРИМАКОВ**

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СПАС РАЗВЕДКУ

Москва
алгоритм
2018

УДК 929(470) Примаков Е.
ББК 63.3(2Рос)-8 Примаков Е.
М72

Млечин, Леонид Михайлович.

М72 Евгений Примаков. Человек, который спас разведку / Леонид Млечин. — Москва : Алгоритм, 2018. — 288 с.

ISBN 978-5-906995-80-3

Академик Евгений Примаков — одна из самых ярких фигур российской политической жизни. Примаков был главой Службы внешней разведки, министром иностранных дел, председателем Совета министров. Невероятно популярный, он даже считался самым вероятным кандидатом в президенты страны.

В книге Леонида Млечина рассказывается о тайных миссиях Евгения Примакова на Ближнем Востоке. Это и встречи с лидером Народного фронта освобождения Палестины Жоржем Хабашем, прославившимся громкими терактами, и посредничество между лидером курдов Мустафой Барзани и правительством Ирака, и его неофициальные визиты в Израиль после разрыва дипломатических отношений СССР с этой страной, и подготовка переговоров между Сирией и Ираком, между Египтом и Израилем.

Возглавив российскую разведку, Примаков не только воспрепятствовал ее вливанию в общую структуру госбезопасности, но и вернул элитной спецслужбе былую мощь, не только сформулировал новую доктрину, отменявшую борьбу с «мировым империализмом на всех фронтах» и сводившуюся к приоритету национальных интересов, но и модернизировал СВР, сделав основную ставку на аналитику.

УДК 929(470) Примаков Е.
ББК 63.3(2Рос)-8 Примаков Е.

ISBN 978-5-906995-80-3

© Млечин Л., 2018
© ООО «ТД Алгоритм», 2018

«Я ГОТОВ ПОДПИСАТЬ ЭТОТ УКАЗ»

В один из последних дней декабря 1991 года автомобиль президента России в сопровождении машин охраны выехал из Кремля и на большой скорости помчался на юго-запад столицы. Президента ждали в большом комплексе зданий, которые не нанесены на карту города и не имеют почтового адреса.

Борис Ельцин пожелал посетить разведывательный городок, расположившийся в столичной окраине Ясенево. Решалась судьба внешней разведки страны и ее нового начальника академика Евгения Максимовича Примакова.

Советский Союз еще не прекратил свое существование. Табличка с именем Михаила Сергеевича Горбачева висела на двери главного в Кремле кабинета, хотя власти у него почти не осталось. Людям трудно было себе представить, что через несколько дней повесят новую — «Президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин». И не только у нас в стране, во всем мире с трудом будут привыкать к тому, что на политической карте больше нет такого государства — СССР, а появилось много новых республик.

Еще всем было не ясно — какой станет Россия? Как сложатся ее отношения с ближними и дальними соседями? Какие органы управления ей понадобятся? И нужна ли, в частности, внешняя разведка? Некоторые страны вполне без нее обходятся и процветают. Помощники российского президента, молодые и динамичные, формировали органы государственного управления и подбирали в правительство новых людей. Старый аппарат собирались разгонять.

Формально существовал Российский республиканский комитет госбезопасности. Он появился 6 мая

1991 года, когда председатель КГБ Владимир Александрович Крючков и председатель Верховного Совета РСФСР России Ельцин подписали совместный протокол. Но дальше бумаги дело не пошло. В российском комитете служило несколько десятков человек, никакой власти у них не было, все областные управления по-прежнему подчинялись союзному КГБ.

Председателем российского КГБ стал произведенный в генерал-майоры Виктор Валентинович Иваненко, профессиональный чекист, до этого заместитель начальника инспекторского управления союзного комитета госбезопасности. Начальником разведывательного управления КГБ РСФСР утвердили генерал-майора Александра Титовича Голубева. В конце 1991 года теоретически генерал Иваненко и его коллеги рассчитывали принять под свое руководство союзные органы госбезопасности.

4 сентября последний председатель КГБ СССР Вадим Викторович Бакатин издал приказ, которым передал в подчинение российскому комитету все областные и краевые управления КГБ по России. За собой Бакатин оставил координацию работы республиканских комитетов.

26 ноября Ельцин подписал указ о преобразовании КГБ РСФСР в Агентство федеральной безопасности России. Его возглавил генерал Виктор Иваненко. Теперь уже шел раздел центрального аппарата госбезопасности. Иваненко достались наиболее жизнеспособные подразделения старого КГБ, включая службу наружного наблюдения и управление оперативной техники.

Но Иваненко, человек открытый и откровенный, оказался плохим царедворцем. Он не принадлежал к личной команде Ельцина. Его оттеснили очевидные фавориты Бориса Николаевича, которые в штыки встретили чужака. В результате Иваненко быстро потерял должность. Министром безопасности стал Виктор Павлович Баранников, милицейский генерал, который во время августовского путча активно поддержал Ельцина.

18 декабря 1991 года Ельцин подписал указ о создании самостоятельной российской Службы внешней разведки,

которая выделялась из состава первого главного управления КГБ СССР. Начальник первого главка Примаков позвонил Борису Николаевичу и задал резонный вопрос:

— Кто будет осуществлять указ?

— Это не телефонный разговор. Приходите, поговорим.

Примаков приехал к президенту России, который еще сидел на Старой площади, а не в Кремле.

— Я вам доверяю, — сказал Ельцин, — пусть у вас не будет на этот счет сомнений, но в коллективе к вам относятся очень по-разному.

Примакова задело, что Ельцину кто-то наговорил о плохом отношении к нему в разведке:

— Знаете, Борис Николаевич, если б вы сказали, что не доверяете, разговор, естественно, на этом бы и закончился. Ни главе государства не нужен такой руководитель разведки, которому он не верит, ни службе, да и мне самому это абсолютно не нужно. Но меня задело то, что вас информировали о плохом отношении ко мне в самой разведке. Признаюсь, я этого не чувствую, но нельзя исключить, что ошибаюсь.

— Хорошо, — согласился Ельцин, — я встречусь с вашими заместителями.

Примаков предложил:

— Некоторых замов я уже сам назначил. Картина будет объективной, если вы встретитесь со всем руководством — это сорок-пятьдесят человек.

Ельцин столь же неожиданно согласился:

— Заезжайте завтра в десять утра и вместе поедем к вам в Ясенево.

Ясенево — московский район, куда в семидесятых годах перебралась с Лубянки внешняя разведка; здесь для нее построили целый городок.

Евгений Максимович Примаков тогда не знал, что Ельцин уже почти твердо решил назначить другого начальника разведки.

Академик Александр Николаевич Яковлев, недавний член политбюро, участвовал в последней беседе Горбачева и Ельцина в декабре 1991 года, когда первый и последний

президент СССР передавал дела первому президенту России. Воспользовавшись тем, что Горбачев на минуту вышел, Яковлев завел разговор о Примакове. Ему кто-то передал, что Ельцин собирается поставить во главе разведки своего человека. Яковлев прямо спросил об этом Ельцина. Тот неохотно ответил, что, по его сведениям, Примаков склонен к выпивке.

— Не больше, чем другие, — заметил Александр Николаевич. — По крайней мере, за последние тридцать лет я ни разу не видел его пьяным. Может быть, вам стоит съездить в разведку и посмотреть своими глазами?

Ельцин несколько удивленно посмотрел на Яковлева, но ничего не сказал. Видимо, он запомнил этот совет. Разговор о пристрастии Примакова к выпивке был всего лишь неуклюжим предлогом. Во-первых, в глазах Ельцина злоупотребление горячительными напитками никогда не было особым грехом. Во-вторых, он легко мог навести справки и убедиться в том, что Евгений Максимович, как человек, выросший в Тбилиси, любит застолье, но, как тбилисский человек, никогда не теряет голову...

В тот день в 10:40 утра в кабинете Примакова в Ясеново собрались руководители всех подразделений разведки. На них появление Ельцина произвело большое впечатление. Он был первым главой государства, который приехал в разведку. Еще вполне здоровый, решительный и жизнерадостный Ельцин в своей привычной манере рубил фразы:

— Раз создается новая организация... А будем так считать... Раз страна другая... То заново должен быть назначен и директор разведки... А будет ли это Примаков... Или кто другой... Это вы сейчас должны решить сами... Одни говорят — Примаков на месте. Другие говорят — он некомпетентен, здесь нужен профессионал... Посоветуемся...

Борис Ельцин не скрывал того, что некоторые люди — из его окружения или имевшие к нему прямой доступ — считали, что Примакова нужно менять, он человек старой команды и плохо впишется в новую — и даже предлагали президенту другие кандидатуры. Но Ельцин, чье слово тогда на территории России было решающим, намеревал-

ся поступить демократично. Пусть сотрудники разведки сами скажут, какой начальник им нужен.

— Словом, вот как вы сейчас скажете... Так и будет, — пророкотал Ельцин. — Прошу высказываться. Кто начнет?

Я спрашивал потом, что же было написано на лице Примакова в тот момент, когда Ельцин предложил его подчиненным решить судьбу своего начальника? Напряженность? Волнение? Фаталистическое спокойствие? Деланное равнодушие?

Говорят, что он держался очень достойно. К тому времени он проработал в разведке меньше трех месяцев. Горбачев-то ценил Примакова, но мнение бывшего президента теперь могло ему только повредить.

Взаимная нелюбовь бывшего первого президента СССР и первого президента России не угасла и после отставки Горбачева. Никакой горбачевец не мог в принципе нравиться новым обитателям Кремля. Ельцин не забыл и не хотел забыть, что и как в течение нескольких лет, начиная с февральского (1988 года) пленума ЦК КПСС, на котором он был выведен из состава кандидатов в члены политбюро, а затем и снят с должности первого секретаря московского горкома, делал с ним генеральный секретарь. Горбачев был уже поверженным, но все еще врагом. Людей Горбачева воспринимали как перебежчиков из вражеского лагеря, доверять которым нельзя. Наверное, был и циничный расчет — чем больше горбачевцев убрать, тем больше высоких должностей освободится.

Примаков занял место начальника разведки достаточно неожиданно. Хотя говорили, что Евгений Максимович всю жизнь носит погоны под штатским костюмом — в этом уверены не только за рубежом, но и в нашей стране. Считается, что Примаков начал карьеру разведчика на Ближнем Востоке под крышей корреспондента «Правды».

СЕКРЕТНЫЕ МИССИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Служба внешней разведки неустанно опровергает эти слухи, хотя и без особого успеха — просто потому, что публика не верит официальным опровержениям. Когда Примаков стал главой правительства, английские журналисты, не поленившись, пролистали старые подшивки «Правды» за те годы, что он работал корреспондентом на Ближнем Востоке, чтобы выяснить, как часто он печатался. Они увидели, что его статьи появлялись отнюдь не каждый день. Ага, решили англичане, тогда все ясно: он разведчик, поэтому у него просто не было времени писать в газету...

Дотошные англичане промахнулись, потому что плохо знают нашу жизнь. Это в западных газетах корреспондент из-за рубежа пишет каждый день. «Правда» держала корреспондентов по всему миру, газетной площади для всех не хватало, и пробиться на полосу было невероятно трудно. Писать из Египта каждый день не было никакой необходимости.

Понять, что Примаков не был сотрудником КГБ, можно еще и потому, что некоторое время он был просто «невъездным», за границу его не выпускали. И лишь Николай Николаевич Иноземцев, заместитель главного редактора «Правды», добился, чтобы он стал «выездным», что в то время было очень важным. Ездить за границу Примаков стал с 1965 года. Его хотели отправить в долгосрочную командировку в Кению в роли советника вице-президента. Уже состоялось решение ЦК КПСС, без которого советский человек не мог поехать за границу. Но в конце концов поездка не состоялась — изменилась обстановка в Кении, и Примаков не получил визы.

Зато вскоре он отправился корреспондентом «Правды» на Ближний Восток. Он побывал почти во всех странах Арабского Востока — в Египте, Сирии, Судане, Ливии, Ираке, Ливане, Иордании, Йемене, Кувейте. Уже потом, уйдя из «Правды» и работая в институте, он в первый раз поедет в Соединенные Штаты, побывает в Европе. Начнется другая жизнь...

Надо понимать, что не так уж сложно выявить кадрового сотрудника внешней разведки. Каждый из них должен был исчезнуть из поля зрения друзей и знакомых хотя бы на год, а чаще на два года — это время обучения в разведывательной школе. Через эту школу прошли все, кого брали на работу в первое главное управление КГБ СССР — внешнюю разведку.

В трудовую книжку начинающему разведчику вписывают какое-то благопристойное место работы, но в реальности человек буквально исчезает, потому что занятия в разведшколе идут с понедельника по субботу. Живут начинающие разведчики там же, на территории школы, домой их отпускают в субботу днем, а в воскресенье вечером или в крайнем случае в понедельник рано утром они должны быть в школе.

При таком обилии друзей многие бы обратили внимание на то, что Примаков куда-то исчез — да не на день-другой, а на целый год! Надо еще и понимать, что по своим анкетным и физическим данным студент института востоковедения Примаков вряд ли мог заинтересовать кадровиков министерства государственной безопасности (МГБ существовало до марта 1953 года, когда было создано единое министерство внутренних дел, а с марта 1954-го уже существовал Комитет государственной безопасности).

Могли Примакова, когда он поехал корреспондентом на Ближний Восток, привлечь к сотрудничеству с КГБ в качестве агента?

По инструкции, существовавшей в комитете госбезопасности, запрещалась вербовка сотрудников партийного аппарата. Что касается центрального органа партии —

газеты «Правда», то рекомендовалось воздерживаться от оформления сотрудничества с правдистами и использования корпунктов «Правды» в качестве крыши для разведывательной деятельности.

Виктор Григорьевич Афанасьев, которые многие годы был главным редактором «Правды», писал в своих воспоминаниях:

— Рассказни о том, что в «Правде» было много людей в синих погонах, не соответствуют действительности. За двадцать лет моей работы в газете был только один случай, когда корреспондента «Правды» выслали из страны пребывания за «недозволенную деятельность».

Другое дело, что практически каждый корреспондент, работавший за границей, поддерживал те или иные отношения с резидентурой советской внешней разведки — как минимум делился информацией. Иногда отношения с резидентурой не складывались.

Виктор Афанасьев:

— Стоило Владимиру Большакову, который был корреспондентом «Правды» в Австралии, сказать пару неслестных слов по адресу посольских гебистов, как в августе 1976 года он был отозван в Москву. Ему инкриминировали связь с женщиной — агентом ЦРУ. Допускаю, что «связь с женщиной» в далекой Австралии и могла, как говорится, иметь место, но абсолютно убежден, что Володя Большаков как агент ЦРУ — чушь собачья... Ровно десять лет я потратил, чтобы реабилитировать Большакова. Брал его в заграничные поездки, добился для него разовых командировок, но в каждом случае представлял в ЦК личное письменное поручительство...

Так был ли Примаков связан с разведкой, когда он работал на Ближнем Востоке?

Академик Яковлев, бывший член политбюро и бывший посол в Канаде, ответил мне так:

— Он был связан, как весь народ наш был связан. Когда я был послом в Канаде, это происходило так. Идешь на встречу с канадским министром, вернешься, обяза-

тельно резидент или оба (то есть еще и представитель военной разведки присоединяется) сразу начинают расспрашивать. Им хочется послать шифровку в Москву раньше, чем я свою телеграмму в МИД отправлю. И они, наверное, к моей информации свою присобачивают.

Мы с Примаковым на эту тему не говорили, но могу себе представить, как было дело, говорил Яковлев. Примаков был корреспондентом «Правды». Корреспондентов везде пускают, вот его после какой-то интересной беседы наши чекисты и расспрашивали... Вовсе он не агент, и не в кадрах. Но не хотел ссориться с резидентом, или вообще были товарищеские отношения. Резиденты народ неглупый. Это же не контрразведка, а разведка...

Как правило, журналисты-международники старались дружить с КГБ. Это давало какую-то гарантию. Стать невыездным было легко, а вернуть это право — невероятно трудно.

Я работал во внешнеполитическом журнале «Новое время», где в советские времена редакторы двух ведущих отделов были невыездные. Оба позволили себе в большой компании сказать что-то «политически незрелое», это разозлило чекистов, и в зарубежные командировки их не пускали. У обоих были высокопоставленные знакомые, у одного друг стал помощником самого председателя КГБ Юрия Владимировича Андропова, но никто не хотел рисковать собственной карьерой и просить за невыездного товарища.

Тесное общение с резидентурой имело свои плюсы. КГБ мог и помочь. Если были хорошие контакты с комитетом, то резидент получал указание встретить прилетевшего из Москвы человека, помочь ему, дать машину с водителем, переводчика. Например, приезжающим в социалистическую ГДР глава представительства КГБ или его заместитель разрешал съездить в капиталистический Западный Берлин — сходить в кино, что-то купить в хорошем магазине.

Иногда нужным людям, которые вовсе не являлись агентами, даже давали перед поездкой за рубеж в качестве добавки к командировочным небольшую неподотчетную сумму в долларах — личный подарок от председателя КГБ.

Словом, как и очень многие корреспонденты, Примаков, вероятно, помогал нашим разведчикам. Но в кадрах КГБ (до назначения в 1991 году начальником внешней разведки) он не состоял и среди «добровольных помощников» госбезопасности тоже не числился.

Почему же Примакову упорно приписывают службу в КГБ? Возможно, потому что он выполнял в семидесятые годы некоторые деликатные миссии за границей. Это действительно были особые задания, но не разведки, а ЦК КПСС.

«Я выполнял ответственные поручения политбюро, — пишет Примаков. — Как правило, меры безопасности и связь поручалось обеспечивать комитету госбезопасности».

О своем участии в тайной дипломатии Евгений Максимович рассказал в книге «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX века — начало XXI века)».

В 1970 году он ездил в Бейрут для встречи с лидером Народного фронта освобождения Палестины Жоржем Хабашем, который прославился громкими терактами. Это он придумал захватывать самолеты и превращать пассажиров в заложников. Это ему мир обязан таким количеством трагедий. Примакову поручили передать Жоржу Хабашу мнение советского руководства: захват самолетов нецелесообразен, потому что «сплачивает население вокруг по израильского правительства».

Такие же деликатные миссии Евгений Максимович исполнял в других странах. Он рассказал, как летом 1971 года его пригласил генеральный директор ТАСС Леонид Митрофанович Замятин и сказал:

— На заседании секретариата ЦК возник вопрос, почему нет информации от Примакова по Египту. Мне поручено направить тебя на месяц на Ближний Восток в качестве специального корреспондента ТАСС.

После смерти многолетнего главы Египта Гамалья Абдель Насера в стране происходили большие перемены. И Примаков увидел, что новый президент Анвар аль-Садат быстро расстается с наследием своего предшественника и отходит от тесных отношений с Москвой. Советский посол в Каире не согласился с выводами Евгения Максимовича:

— Вы приехали на несколько дней и делаете сногшибательные выводы, а я на неделе пять раз встречаюсь с Садатом и, поверьте мне, лучше вас знаю обстановку.

Посол отказался отправить написанные Примаковым шифровки в Москву:

— Я не хочу дезинформировать руководство.

Евгений Максимович улетел в Бейрут, и оттуда отправил свои шифротелеграммы.

Примакову благоволил влиятельный референт Брежнева Евгений Матвеевич Самотейкин, в прошлом сотрудник министерства иностранных дел. Самотейкин в меру возможности поддерживал самостоятельно мыслящих людей, заказывал им записки на самые деликатные внешнеполитические темы, что позволяло ему предлагать своему шефу оригинальные идеи. В июле 1971 года он попросил Примаков набросать новые предложения в отношении советской политики на Ближнем Востоке. Примаков в осторожной форме рекомендовал «некоторые инициативные шаги в отношении Израиля», с которым Советский Союз разорвал дипломатические отношения после шестидневной войны.

Разумеется, арабские страны были рады разрыву. Тем более, что они стали получать советское оружие в удвоенном количестве. Казалось, что Советский Союз приобрел себе на Арабском Востоке друзей на вечные времена. Но вскоре выяснилось, что Советский Союз не в состоянии

играть ключевую роль на Ближнем Востоке, потому что не имеет дипломатических отношений с Израилем.

Евгений Самотейкин передал записку Примакова Брежневу, который ее одобрил. Леонид Ильич сам считал, что разрыв отношений с Израилем был шагом эмоциональным и потому недальновидным. Но как их восстановить, если в Москве заявили, что это станет возможным только после полного ухода израильской армии с завоеванных во время войны территорий?

Сторонником налаживания секретного канала связи с еврейским государством был председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов. В аппарате КГБ не раз предпринимали попытки самостоятельно, в обход министерства иностранных дел, заниматься внешней политикой. Особые отношения КГБ установил с правительством ФРГ, когда канцлером был Вилли Брандт. Пытались наладить доверительный канал связи с государственным секретарем США Генри Киссинджером, но эту акцию сорвал министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко, который конкуренции не терпел и ревниво относился к любым попыткам вторгаться в его епархию. Что касается Израиля, то в данном случае Громыко не возражал против активности КГБ. Отсутствие дипломатических отношений исключало участие министерства иностранных дел.

Тайные контакты были поручены Примакову. Организационную сторону взял на себя КГБ. Миссия была важной, утвержденной решением политбюро от 5 августа 1971 года. Евгения Максимовича принимали и Андропов, и Громыко.

Евгений Максимович был заместителем директора академического института, то есть не занимал государственной должности, считался представителем общественности: это исключало демарши со стороны арабских стран, если бы сведения о тайном канале с Израилем стали достоянием гласности.

С августа 1971-го по сентябрь 1977 года Примаков тайно приезжал в Израиль или встречался с израиль-

скими представителями в столице Австрии. Его собеседниками были руководители страны — премьер-министр Голда Меир и министр иностранных дел Абба Эбан, потом новая команда — премьер-министр Ицхак Рабин, министр иностранных дел Игаль Алон, министр обороны Шимон Перес.

Израильтян, конечно, прежде всего интересовало, кого представляет Примаков, каковы его полномочия. Он отвечал, что «направлен в Израиль с неофициальной и конфиденциальной миссией советским руководством», но не имеет полномочий обсуждать вопрос о восстановлении дипломатических отношений.

Идея состояла в том, чтобы убедить еврейское государство покинуть занятые в ходе шестидневной войны 1967 года территории — сектор Газа и Западный берег реки Иордан. Взамен предлагались международные гарантии безопасности Израиля, но Примаков быстро понял, что израильтяне считают такого рода гарантии пустой бумажкой, которая не спасет их в случае нападения арабских стран. Премьер-министр Голда Меир напомнила Примакову, как легко в 1967 году были выведены с Синайского полуострова войска ООН, разъединявшие Израиль и Египет, когда этого потребовал президент Насер.

Андропов и Громыко предложили согласиться с идеей израильтян «расширить консульскую секцию посольства Нидерландов в Москве». Дело в том, что после разрыва дипломатических отношений интересы Израиля в Советском Союзе представляло голландское посольство. Имелось в виду, что в составе консульской секции посольства в Москве появятся израильские дипломаты и это упростит диалог. Но остальные члены политбюро отвергли предложение председателя КГБ и министра иностранных дел.

Слепая ненависть к еврейскому государству лишала Советский Союз возможности играть более важную роль на Ближнем Востоке. Понимая, что Москва не имеет возможности помочь ему договориться с Израилем, египетский президент Анвар аль-Садат обратился за содействи-

ем к Соединенным Штатам, которые и стали посредником в заключении мира между двумя странами.

Много лет Примаков был связным с иракскими курдами и даже участвовал в попытке нормализовать отношения между руководством курдов и правительством в Багдаде.

Но надо правильно понимать его тогдашнюю роль. Его отправили к курдам для того, чтобы создать прямой канал общения, узнать, что происходит у курдов, чего они хотят и можно ли их убедить сотрудничать с правительством. Этот канал связи шел через ТАСС. Только сообщения Примакова в Москву не печатались в газетах, а с грифом секретности поступали в ЦК, МИД и КГБ.

Курды, которые живут на территории четырех стран — Турции, Ирана, Ирака и Сирии, многие годы были для Москвы борцами за правое дело. Курдские восстания приравнивались к национально-освободительному движению.

В 1945 году в Советском Союзе нашел убежище лидер иракских курдов Мустафа Барзани — после того, как была подавлена попытка курдов создать свое государство на территории Ирана — Мехабадскую республику. Барзани был военным министром этой непризнанной республики. Барзани и его бойцы перешли советскую границу и двенадцать лет жили в нашей стране. В 1959 году Барзани вернулся из Советского Союза на родину — новые иракские власти обещали предоставить курдам равноправие. Барзани был даже назначен вице-президентом страны. Но уже в 1961 году иракские войска попытались подавить национальное движение курдов, что привело последних к решению начать партизанскую войну. Барзани обосновался на севере страны, откуда руководил борьбой против правительственных войск. Сменявшие друг друга иракские режимы высказывались за мирное решение курдской проблемы, но неизменно приходили к тому, что начинали курдов убивать.

В 1963 году власть в Ираке перешла к местному отделению всеарабской партии БААС («Возрождение»). Эта

партия, сыгравшая важнейшую роль в истории Ближнего Востока, была основана в Сирии весной 1947 года. В Советском Союзе события в Багдаде назвали «государственным переворотом, носившим ярко выраженный фашистский и проимпериалистический характер».

В Ираке арестовывали коммунистов, и ЦК КПСС заявил:

«Чудовищные злодеяния иракского режима потрясли прогрессивных людей во всем мире. Это свидетельствует о том, что иракские власти глумятся над элементарными принципами человечности и демократии, открыто бросают вызов иракскому народу, всей мировой прогрессивной общественности».

Когда правительственные войска атаковали курдов, Москва запротестовала и предложила всему миру осудить иракский режим. Курды составляли примерно треть иракской компартии. В конце того же года баасистов свергли, но в 1968 году партия БААС вновь пришла к власти. Президентом страны стал генерал Хасан аль-Бакр, один из самых кровавых диктаторов в истории Ближнего Востока; затем его сверг Саддам Хусейн.

На улицах Багдада публично казнили «врагов народа». Многотысячные толпы проходили мимо виселиц с качавшимися на них трупами. Но этот режим перестал быть в глазах Москвы фашистским. Название партии БААС перевели на русский язык. Название в Москве понравилось: Партия арабского социалистического возрождения. Ирак стал получать советскую помощь и кредиты, затем оружие.

Власть в 1966 году вступила в переговоры с курдами. Именно в этом году собственный корреспондент «Правды» Примаков получил указание отправиться на север Ирака. Евгения Максимовича привели в землянку Барзани. Тот обнял советского журналиста со словами:

— Советский Союз — мой папа.

Барзани был очень откровенен с Примаковым. Его сообщения высоко оценили в Москве и попросили вновь побывать в Иракском Курдистане. Постепенно его поезд-

ки превратились в посредническую миссию. Примаков встречался с Саддамом Хусейном, который еще не был в Ираке человеком номер один, но отвечал за отношения с курдами.

«С 1966-го по 1970 год, — вспоминал Примаков, — я был единственным советским представителем, который регулярно встречался с Барзани. Летом жил в шалаше, зимой — в землянке».

Курдам обещали предоставить автономию, право избрания собственных властей, участие в правительстве. Договорились, что вице-президентом Ирака станет курд. 10 марта 1970 года Мустафа Барзани подписал соглашение, рассчитывая на обещанную автономию. 11 марта президент Ирака Хасан аль-Бакр зачитал текст соглашения по радио и телевидению.

Но Барзани так и не дождался обещанного. В 1974 году лидеры курдов сочли, что их обманули, и вооруженная борьба возобновилась. На сей раз Москва не спешила поддерживать курдов, потому что заключила с Ираком договор о дружбе и сотрудничестве.

Попытка примирить иракское руководство с курдами не увенчалась успехом. Короткие периоды затишья сменялись новыми атаками на курдов. Президент Ирака Саддам Хусейн травил курдские деревни химическим оружием. Саддам, как и многие арабские лидеры, был непримирим и нереалистичен, поскольку влияние традиций и эмоций на него было сильнее доводов рассудка.

В 1983 году Юрий Владимирович Андропов, который стал генеральным секретарем ЦК КПСС, и министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко предприняли попытку помирить своих союзников — ненавидевших друг друга Ирак и Сирию.

В Багдаде и Дамаске по личному поручению Андропова побывал Евгений Максимович Примаков, тогда директор Института востоковедения Академии наук. Поручение оказалось практически невыполнимым.

Дело в том, что еще 28 июля 1979 года хозяин Ирака Саддам Хусейн объявил всей стране, что раскрыл заговор среди своего ближайшего окружения, причем заговорщики получали помощь от враждебной «иностранной державы». Выяснилось, что враждебная держава — это Сирия. Президент Сирии Хафез Асад протестовал и требовал представить доказательства. Он отправил в Багдад министра иностранных дел и начальника генерального штаба, чтобы доказать, что Сирия ничего не предпринимала против Ирака. Они вернулись, получив от иракских братьев кассету с записью показаний одного из арестованных. Других доказательств не было. Президент Сирии предложил передать спорное дело на рассмотрение Лиги арабских государств. Саддам Хусейн не захотел. Он не признавал чужих авторитетов.

Действительно ли сирийцы как-то пытались повлиять на иракские дела? Тут сложная и запутанная интрига.

Сторонники прежнего президента Ирака Ахмада Хасана аль-Бакра желали объединения с Сирией. Аль-Бакр должен был стать формальным главой союза двух государств. Хафез Асад — его заместителем и реальным главой единого государства. Саддаму Хусейну предназначалось кресло номер три — почетное, но безвластное.

Ясно было, что престарелый и не очень здоровый аль-Бакр не станет заниматься практическими делами, следовательно, вся власть в едином государстве окажется в руках Асада. Саддаму это не устраивало. Он с удовольствием наблюдал, как Сирию сотрясали религиозные волнения.

Шестьдесят процентов населения Сирии — сунниты. Хафез Асад был выходцем из небольшой общины алавитов, близких к шиитам. Если Саддам Хусейн доверял только своим родственникам и землякам из Тикрита, то Асад повсюду расставлял алавитов, многие из которых были связаны с ним родственными отношениями. Алавиты составляют всего процентов десять-двенадцать населения. Но именно алавиты занимали ключевые позиции в пра-

вящем аппарате, армии и спецслужбах. Две трети офицеров, все командиры дивизий были алавиты. Они же руководили политической работой в войсках и ведали закупками вооружений.

Радикально настроенные исламисты-сунниты не раз восставали против алавитского господства. В 1982 году в городе Хама они расстреляли представителей городского руководства и, по существу, захватили власть. Тогда в город вошли части специального назначения во главе с младшим братом президента Рифатом Асадом. Войска раздавили демонстрантов танками. Погибло, по разным источникам, около двадцати тысяч человек. Трупы утрамбовывались в землю бульдозерами.

Подозрительный Хафез Асад считал, что восстанию в Хаме помогали иракцы. Саддам действительно распорядился дать деньги и оружие организации «Братья-мусульмане», которая пыталась свергнуть Асада. Сирийские газеты писали, что обнаружено немалое количество иракского оружия и на границе с Ираком перехвачены транспорты с оружием. На допросах арестованные признавались, что получали указания из Багдада.

Асад публично сказал о Саддаме:

— Палачу иракского народа мало того, что он убил десятки тысяч собственных граждан. Он намерен и в Сирии заниматься любимым делом — убивать и взрывать. С тех пор, как он пришел к власти, он снабжает оружием сирийских преступников.

Сирия была главным партнером Советского Союза на Ближнем Востоке, но Саддама Хусейна в Москве тоже поддерживали. Решили помочь им помириться. В июле 1983 года директор Института востоковедения Примаков полетел сначала в Багдад, затем в Дамаск.

Саддам Хусейн и Хафез Асад не могли не откликнуться на предложение Андропова и прислали в Москву своих министров иностранных дел — Тарика Азиза и Хаддама. Переговоры при советском посредничестве проходили в

одном из гостевых особняков на Ленинских горах. Помирить братские государства оказалось труднее, чем усадить за стол переговоров Египет и Израиль. Два министра вообще не хотели беседовать друг с другом, разговоры шли через посредника — в этой роли чаще всего выступал Евгений Примаков.

Мириться не желали именно сирийцы. Примаков потом рассказывал коллегам, как он не выдержал и прямо спросил сирийского министра:

— Вы согласны, что необходимо обеспечить взаимодействие Сирии и Ирака? Пожалуйста, ответьте «да» или «нет».

— Нет! — сказал сирийский министр.

— Почему? — удивился Примаков.

— Потому что в Ираке диктатура, фашистский режим.

Так этот диалог описан в книге Олега Алексеевича Гриневского, который в ту пору руководил отделом Ближнего Востока в министерстве иностранных дел.

Сам Евгений Максимович пишет, что ему все-таки удалось посадить за стол переговоров Тарика Азиза и Хаддама: «Вечером я зашел к ним и увидел, как они мирно играют в бильярд. Казалось, что это неплохое предзнаменование».

Министры запросили о встрече с кем-то из советских руководителей. Побеседовать с ними мог бы министр Громыко. Но он отдыхал в Крыму и, судя по всему, не желал портить себе отпуск. Примаков считает, что с помощью Громыко можно было найти путь к соглашению... Тайные переговоры на Ленинских горах окончились полным провалом.

Так что все миссии Примакова на Ближнем Востоке были тяжелым испытанием. Спасало его то, что он не испытывал внутренней неприязни и брезгливости к арабским политикам, что сильно мешало и мешает другим европейским и американским дипломатам.

Работа Примакова с курдами породила много мифов, не только о его давнем сотрудничестве с КГБ. И все эти мифы ничего не стоят.

Осенью 1998 года разгорелся скандал вокруг лидера турецких курдов, главы рабочей партии Курдистана Абдуллы Оджалана, который вел настоящую войну против Турции с территории Сирии. Он вынужден был бежать в Россию.

Он просил политического убежища, и Государственная Дума проголосовала за то, чтобы Оджалан мог остаться. Но Примаков, в ту пору уже министр иностранных дел, этому воспротивился. Его личные отношения с курдскими лидерами не имели значения, когда шла о государственных интересах: нормальные отношения с Турцией важнее симпатий к курдам. Впрочем, симпатий уже тоже не осталось. Оджалану пришлось уехать в Италию. Вскоре он попал в руки турок, и его приговорили к смертной казни.

Но бывший президент Азербайджана Абульфаз Эльчибей уверенно заявлял, что именно Примаков был одним из тех, кто помогал создать боевую инфраструктуру Рабочей партии Курдистана. Нелепое предположение. В те годы, когда Примаков занимался курдами, он не имел никакой должности в государственном или партийном аппарате.

Считалось, что Примаков близок к верхам, что он днюет и ночует в ЦК, что он свой человек в КГБ. Но это далеко от истины. Взаимоотношения с властью не были слишком приятными. В партийном архиве сохранились и такие материалы:

«ЦК КПСС

К директору Института востоковедения АН СССР академику Е. М. Примакову обратился московский корреспондент газеты „Крисчен сайенс монитор“ с просьбой взять у него интервью.

Просим ваших указаний».

К обращению приколота записка международного отдела ЦК:

«Руководству Института востоковедения Академии наук СССР разъяснено о нецелесообразности данного интервью».

Академик Примаков, директор крупного института, занимавшегося международными делами, не имел права встретиться с корреспондентом влиятельной американской газеты и дать ему интервью без санкции партийного руководства...

Когда Александр Николаевич Яковлев был назначен заведующим отделом пропаганды ЦК КПСС, возник вопрос о новом директоре Института мировой экономики и международных отношений.

— Я предложил Примакова, — вспоминал Яковлев. — Но не все были согласны с его кандидатурой. Нет, не все. С некоторой настороженностью отнесся комитет госбезопасности. В то время все эти назначения согласовывались. Они в КГБ не то что были откровенно против. Они, скажем так, считали, что другие кандидатуры лучше...

Яковлев умел настоять на своем. Весной 1986 года Примаков был назначен директором института. Исторически и биографически Примаков до перестройки принадлежал к либеральному крылу истеблишмента. К этой группе относились и покойный Николай Иноземцев, и Георгий Арбатов. Они были вхожи в коридоры власти, но придерживались иных взглядов, чем партийное руководство. Для Евгения Максимовича то, что начал Горбачев, было очень близко.

Томас Анатольевич Колесниченко работал с Примаковым в «Правде» и дружил с ним всю жизнь:

— Я не могу сказать, что мы с Примаковым до перестройки были внутренние диссиденты на сто процентов, что мы хотели свергнуть это правительство... Этого не было, может быть, еще и потому, что мы много быва-

ли там, на Западе, и видели, что так просто перескочить отсюда туда и занять все сразу — не получится. Потому что все это не так просто. Мы честно работали, не переламывая себя. То, что он писал тогда... Думаю, он может и сейчас под этим подписаться. Если я писал о безработице в Америке — так она была, если писал о жутком одиночестве людей, о том, что отцы и дети расходятся, — все я там видел. Другое дело, что можно было много положительного писать об Америке, но шла война. Пусть это была холодная война, но война, а на войне как на войне. Они тоже не писали о чем-то хорошем у нас. Они долбали нас. И мы находили возможность прихватить американское правительство за Вьетнам, за все. Конечно, мы совершенно свободно говорили в дружеском кругу такие вещи, за которые можно было сесть. Ну, если не сесть в тюрьму, то потерять работу точно можно было. Мы же видели этот маразм цековский, бездарность верхов, этот партийный середняк. У того же Примакова не было никаких шансов подняться, потому что он не шел по комсомольской линии. А для карьеры надо было сначала в райкоме комсомола посидеть, затем стать инструктором райкома партии...

Институт, возглавляемый Примаковым, стал работать на политическую линию нового генерального секретаря. Причем эта работа делалась с удовольствием — Горбачев нравился научной интеллигенции. 26 февраля 1987 года на заседании политбюро Горбачев говорил о необходимости менять внешнюю политику, активно действовать по всем направлениям:

— От наших институтов потребовать — от Примакова, Арбатова — потребовать, чтобы они нам давали подробный объективный научный анализ раз в квартал, через каждые сто дней.

Горбачев не раз сетовал на отсутствие точных прогнозов. На заседании политбюро 6 августа 1987 года говорил:

— В Соединенных Штатах сто миллионов долларов тратят на экономическое прогнозирование. А у нас? Что у нас получается с анализом экономики? В Минфине — одно, а КГБ — другое, и все это разовое, нет системы. Вот встал перед нами вопрос о прогнозе экономики Соединенных Штатов. И выколачиваем из Арбатова и Примакова. Скорей, скорей...

Я спрашивал академика Яковлева:

— Почему вы привлекли Примакова к работе своего мозгового центра?

— Потому что он умный человек. Вот и все. Когда человеку доверяешь, знаешь: то, что тебе дадут, будет серьезным исследованием. Его анализы если почитать, они очень сухи. Факты, жесткие факты. Если вывод, то тоже очень сухой. Я бы не смог писать такие доклады, расцвятил бы.

Он человек, как говорят в деревнях, самостоятельный, обстоятельный, считал Яковлев:

— Я не отношу его к деятелям митинговой демократии. К числу тех демократов, которые свое «я» считают перво-степенным. Он никогда себя не выпихивал на первый план: смотрите, мол, я какой. Он человек в этом смысле сдержанный. Но твердых внутренних убеждений. Его сбить с какой-то точки зрения — возможно, но при больших усилиях и при серьезных аргументах. А так он мало поддающийся каким-то сиюминутным вещам, какой-то моде...

Примакова стали включать в роли эксперта в делегации, которые сопровождали Горбачева во время поездок за границу. Там были разные люди, писателей и деятелей культуры брали для представительства. Примаков не рассматривал такие поездки как форму отдыха и туризма. На узких совещаниях у Горбачева предлагал свежие и неожиданные идеи, но предпочитал держаться в тени. Примаков сознательно оставался незаметным для широкой публики и не жаждал громкой славы. Ему нравилось заниматься закулисной политикой.

— Во-первых, он профессионал, — говорил Александр Яковлев. — Во-вторых, он не лезет в друзья, не старается себя показать, подсуетиться. Другим кажется, если суетиться, на них быстрее внимание обратят. Глупости. Даже Брежнев, при всех своих ограниченных интеллектуальных ресурсах, и то морщился. Использовал таких людей, но морщился... Так вот, я не видел, чтобы Примаков суетился возле какого-нибудь начальника. Посмотрите телевизионную хронику, газеты — не найдете. Я не припоминаю, чтобы он сказал какое-то слово, которое можно было расценить как подхалимаж в отношении Горбачева.

Михаил Сергеевич заметил и оценил Примакова, но приблизил его отнюдь не сразу.

Александр Яковлев:

— Поначалу Горбачев относился к нему несколько настороженно. До обидного настороженно. Внешне все нормально, поручения институту давал, но что-то мешало... Михаила Сергеевича вообще трудно понять. Это вещь в себе. Добраться до души Горбачева невозможно — это человек-луковица. Может быть, все дело в том, что Примаков был близок ко мне, а Михаил Сергеевич к этим вещам настороженно относился. И на этом органы безопасности очень хорошо играли.

— Я однажды в выходной день поехал в Калужскую область, грибы собирал, — рассказывал Яковлев. Вдруг звонок в машину. Горбачев: «А почему с тобой Бакатин и Моисеев? Зачем собрались?». Генерал Моисеев был начальником генерального штаба, Бакатин — министром внутренних дел... А на самом деле никого рядом не было. Яковлев один за грибами ходил. Михаилу Сергеевичу заговоры снились. Не любил, чтобы в его окружении дружили... Горбачев долго сомневался насчет Примакова, присматривался, прикидывал, можно ли доверять этому человеку, продвигать его?

— В 1988 году был такой сюжет, — вспоминает Яковлев. — Подбирали заведующего международным отделом ЦК. Михаил Сергеевич попросил меня предложить две

кандидатуры. Я предложил Примакова номером один и Фалина номером два.

Валентин Михайлович Фалин — один из самых известных советских дипломатов. Он был послом в Западной Германии, потом работал в ЦК, очень нравился Брежневу. Но когда родственник Фалина совершил нечто недозволенное, его изгнали из ЦК, отправили обозревателем в газету «Известия».

— Я знаю точно, — продолжает Яковлев, — что выбрали Фалина, потому что комитет госбезопасности отдал ему предпочтение. Михаил Сергеевич сказал: вноси представление в политбюро на Фалина. При этом к Фалину я отношусь нормально, он ученый человек, знаток.

— А потом все-таки Горбачев расположился к Примакову?

— Потом все пошло нормально.

СМЕНА КАРАУЛА

В разведке Примаков сменил кадрового разведчика с очень хорошей репутацией.

Последние два года существования Советского Союза (с января 1989 года) первое главное управление КГБ, которое занималось внешней разведкой, возглавлял генерал-лейтенант Леонид Владимирович Шебаршин.

Шебаршин — один из самых известных разведчиков. Он окончил школу в 1952 году. Как серебряного медалиста его взяли без экзаменов на индийское отделение Института востоковедения, где на арабском отделении уже заканчивал курс Примаков. В 1954 году институт упразднили, студентов перевели в Институт международных отношений. Учился Шебаршин хорошо и на шестом курсе поехал в Пакистан на преддипломную практику. После окончания МГИМО его распределили в министерство иностранных дел. И сразу отправили в Пакистан. Начинал он с должности помощника и переводчика посла, которым был известный дипломат и будущий заместитель министра иностранных дел Михаил Степанович Капица. Под его крылом Шебаршин быстро получил повышение — атташе, третий секретарь. Осенью 1962 года он вернулся в Москву, стал работать в центральном аппарате МИД — референтом в Отделе Юго-Восточной Азии. И почти сразу подающего надежды дипломата пригласили в КГБ. Он принял это предложение с удовольствием.

«В комитете госбезопасности, — писал Шебаршин, — к первому главному управлению издавна сложилось особое, уважительное, но с оттенком холодности и зависти отношение. Сотрудники службы во многом были лучше подготовлены, чем остальной личный состав комитета.

Они работали за рубежом и, следовательно, были лучше обеспечены материально. Им не приходилось заниматься „грязной работой“, то есть бороться с внутренними подрывными элементами, круг которых никогда радикально не сужался.

Попасть на службу в ПГУ было предметом затаенных или открытых мечтаний большинства молодых сотрудников госбезопасности, но лишь немногие удостоивались этой чести. Разведка была организацией, закрытой не только для общества, но и в значительной степени для КГБ».

Леонид Шебаршин прошел курс подготовки в 101-й разведывательной школе, получил квартиру и в декабре 1964 года вновь отправился в Пакистан, теперь уже в роли помощника резидента внешней разведки. Третья командировка в Пакистан была бы приятнее, если бы не роковая слабость нового начальника.

«Резидент питал неодолимую тягу к спиртному, — вспоминал Шебаршин, — пил в любое время суток, быстро хмелел и во хмелю нес околесицу, густо пересыпанную матом... Дело кончилось тем, что резидент однажды свалился на приеме. Долго терпевший посол не выдержал и информировал Москву о хроническом недуге резидента».

Резидента отозвали.

После возвращения из командировки, летом 1968 года, Шебаршин прошел годичные курсы усовершенствования и подготовки руководящего состава первого главного управления КГБ — на факультете усовершенствования Краснознаменного института, что было необходимо для служебного роста. Программа повторяла учебный курс разведывательной школы, но с учетом, что в аудитории сидели профессионалы с немалым опытом. Оперативные офицеры уже состоялись как разведчики и чувствовали себя уверенно. Это была не столько учеба, сколько передышка.

Два года Шебаршин провел в центральном аппарате, и его отправили заместителем резидента в Индию — глав-

ный форпост советской разведки на Востоке. Шебаршин руководил линией политической разведки. В Дели была огромная резидентура, на которую не жалели денег, потому что в Индии можно делать то, что непозволительно в любой другой стране. Резидентом был Яков Прокофьевич Медяник, сыгравшую большую роль в судьбе двух будущих начальников разведки — Шебаршина и Трубникова.

Леонид Шебаршин проработал в Индии шесть лет. Но после возвращения домой желанного повышения не получил. В апреле 1977 года Шебаршин приступил к работе в Ясенево заместителем начальника отдела, то есть вернулся на ту же должность, с которой уезжал. Это было не очень приятно. Хотелось движения вперед. И он с удовольствием принял предложение поехать резидентом в Иран. Резидент — самостоятельная работа, открывающая перед энергичным и амбициозным человеком хорошую перспективу. Назначение состоялось в мае 1978 года.

Шебаршин вспоминал, как перед отъездом в Тегеран его пригласил к себе секретарь парткома КГБ Гений Евгеньевич Агеев (тот самый, который отличился в дни августовского путча девяносто первого). Гений Евгеньевич до перехода в госбезопасность был вторым секретарем иркутского горкома партии, считал, что умеет разговаривать с народом. Среди прочего строго поинтересовался:

— А в театр вы ходите?

Секретарь парткома хотел убедиться в том, что новый резидент обладает широким культурным кругозором. На этот ритуальный вопрос обыкновенно отвечали утвердительно, даже те, кто поражал своих коллег необразованностью и полным отсутствием интереса к литературе и искусству. К Шебаршину, литературно одаренному человеку, это никак не относилось. Леонид Владимирович честно ответил:

— Нет, не хожу!

Секретарь парткома понимающе кивнул:

— Времени не остается.

Шебаршин игры не принял:

— Время есть. Я не люблю театр.

Гений Агеев, который со временем стал первым заместителем председателя КГБ, возмутился и отчитал Шебаршина за отсутствие интереса к культурной жизни. Более того, Агеев не успокоился, позвонил тогдашнему начальнику разведки Крючкову и просил сделать внушение тегеранскому резиденту. Что происходит в охваченном революцией Иране, куда отправлялся Шебаршин, секретарь парткома не подозревал, каким испытанием окажется эта командировка — представить себе не мог, поэтому ни деловым, ни человеческим советом помочь был не в состоянии. Но партийную бдительность проявил. Благообразный Крючков попросил нового резидента быть осторожнее во взаимоотношениях с «большим парткомом» КГБ.

Председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов по своему напутствовал Шебаршина:

— Смотри, брат, персы такой народ, что мигом могут посадить тебя в лужу. И охнуть не успеешь!

Шебаршин руководил советской разведкой в Иране в самый сложный период исламской революции. Но в Тегеране резидентура была небольшой и неэффективной. Шебаршин сразу отметил и слабость аналитической работы, и отсутствие контактов среди тех, кто способен дать важную информацию о происходящем в стране. Но тут уже почти все зависело от него самого. Резидент — важнейший пост в разведке. Это самостоятельная должность. Конечно, он постоянно держит связь с центром, получает указания, отчитывается за каждый шаг. Тем не менее многие решения резидент принимает на собственный страх и риск. Есть проблемы, которые ни с кем не обсудишь. Как правильно строить отношения с послом? Как поступить с оперативным работником, совершившим ошибку? Или с офицером, который потихоньку прикарманивал деньги, выделявшиеся на агента?

Работу Шебаршина в Тегеране омрачил побег в июне 1982 года сотрудника резидентуры майора Владимира Андреевича Кузичкина, завербованного британской разведкой. Кузичкин был направлен в Тегеран из управления не-

легальной разведки и работал с немногочисленными нелегалами из находившейся в подполье партии Туде.

Шебаршин с женой отдыхали в ведомственном санатории, когда его подчиненный сбежал. Леониду Владимировичу пришлось прервать отдых и давать объяснения начальству. И спустя много лет Шебаршин не мог забыть эту историю, едва не сломавшую ему карьеру. В одном из интервью зло заметил:

— Мне говорили, что в Англии он стал сильно пить. Надеюсь, что он сдох.

Шебаршин прослужил в Тегеране четыре года, вернулся в Москву в феврале 1983 года. Обычно за побег подчиненного резидента сурово наказывают. Но обошлось. Симпатизировавший ему генерал Медяник посоветовал Шебаршину сидеть тихо и ждать, пока забудется побег Кузичкина. Пока что пришлось принять небольшую и незаметную должность, не подходящую для человека, который уже был резидентом в заметной стране. Несколько месяцев Шебаршин проработал заместителем начальника отдела в управлении «Р», которое обобщало опыт оперативной работы и выявляло ошибки в проведенных операциях. В управлении собрались оперативники, которые либо на чем-то прокололись, либо, как и Шебаршин, стали жертвой ухода недавнего коллеги на Запад.

Осенью 1983 года Шебаршина пригласил к себе начальник информационной службы первого главного управления генерал Николай Сергеевич Леонов, чья карьера в разведке сложилась благодаря тому, что он когда-то познакомился с молодым Раулем Кастро, который вскоре стал вторым человеком на Кубе.

— Предлагаю должность заместителя, — сказал Леонов. — Вам дается шанс проявить себя. Считайте, что работа у нас будет как бы испытанием для вас.

Шебаршину тон разговора не понравился, но предложение он принял с удовольствием. Информационную службу вскоре повысили в статусе, преобразовали в управление. Так что и Шебаршин из заместителей началь-

ника отдела стал замначальника управления. Он занимался афганскими делами. Летал в Кабул вместе с Крючковым, который обратил внимание на толкового молодого человека. В 1986 году они с Крючковым исполнили весьма деликатную миссию — заставили Бабрака Кармаля отказаться от власти и посадили в кресло хозяина Афганистана бывшего начальника госбезопасности Наджибуллу.

В апреле 1987 года ушел на пенсию по возрасту генерал-майор Яков Прокофьевич Медяник. Крючков сделал Шебаршина своим заместителем, отвечавшим за работу на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Африке. Так Шебаршин вошел в состав высшего руководства первого главного управления и переселился в дачный поселок разведки, что было одной из самых приятных привилегий его нового положения. На работу и с работы он отныне ходил пешком — несколько минут прогулки по лесу.

1 октября 1988 года Крючков ушел из разведки на повышение, став председателем КГБ. Вопрос о его преемнике решался долго. Несколько месяцев обязанности руководителя первого главного управления исполнял Вадим Кирпиченко. В иной ситуации он бы и возглавил разведку. Но генералу Кирпиченко уже исполнилось шестьдесят шесть лет. Горбачев же требовал выдвигать молодых.

У Крюčkова был очевидный фаворит — еще один заместитель начальника разведки Виктор Грушко. Ему еще не было шестидесяти. Но, видимо, эта кандидатура не прошла. В январе 1989 года Крючков передал Шебаршину свой кабинет в Ясенево и всю советскую разведку. 24 января Леонида Владимировича принял генеральный секретарь Горбачев с кратким напутствием. В пятьдесят три года Шебаршин оказался во главе огромной разведывательной империи. Численность первого главного управления в те годы, по некоторым данным, составляла почти двенадцать тысяч человек. Каждый год на первый курс Краснознаменного института имени Ю. В. Андропова принимали триста человек.

Достаточно молодой для своей высокой должности (на шесть лет моложе Примакова), он мог еще долго оставаться на своем посту. Участия в августовском путче 1991 года Шебаршин не принимал. Председатель КГБ Крючков таланты Шебаршина ценил, но у него были люди и поближе — их он и втянул в путч.

Шебаршин после ареста Крюčkова ровно одни сутки — с полудня 22 августа до двух часов дня 23 августа 1991 года — возглавлял КГБ. Произошло это так. 22 августа в девять утра в кабинете начальника первого главного управления и заместителя председателя КГБ генерал-лейтенанта Леонида Владимировича Шебаршина зазвонил аппарат спецкоммутатора, связывающего высшее начальство страны.

Начальник разведки уже был на работе. Он предполагал, что участие руководства КГБ в путче не пройдет безнаказанным. Открыв сейф, просматривал документы, решая, что можно сохранить, а что следует уничтожить. Одну бумагу, никому не доверяя, разорвал и спустил в унитаз личного туалета.

— С вами говорят из приемной Горбачева, — сказал женский голос. — Михаил Сергеевич просит вас быть в приемной в двенадцать часов.

— А где это? — поинтересовался Шебаршин.

— Третий этаж здания Совета министров в Кремле. Ореховая комната.

В ореховой комнате, где когда-то заседало политбюро, собралось множество людей. Появился загорелый и энергичный Горбачев. Шебаршин представился президенту. Михаил Сергеевич вывел Шебаршина в соседнюю комнату, чтобы поговорить один на один, и задал несколько вопросов:

— Чего добивался Крючков? Какие указания давались комитету? Знал ли Грушко?

Шебаршин коротко пересказал, что говорил Крючков на совещании 19 августа.

— Вот подлец, — не сдержался Горбачев. — Я больше всех ему верил. Ему и Язову. Вы же это знаете.

Горбачев сказал, что поручает Шебаршину временно исполнять обязанности председателя КГБ. В три часа дня позвонил и сказал, что подписал соответствующий указ. Возможно, генерал Шебаршин и мечтал когда-нибудь занять главный кабинет на Лубянке, но вовсе не при таких обстоятельствах, когда судьба КГБ была под вопросом. Шебаршин внес свой вклад в историю комитета — подписал приказ о департизации КГБ. Парткомы в комитете госбезопасности прекратили свою деятельность.

Из чужого кабинета на пятом этаже старого здания КГБ исполняющий обязанности председателя комитета поздно вечером бессильно наблюдал за тем, как снимают памятник создателю советских органов госбезопасности Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому. Никто из чекистов, укрывшихся за железными воротами, не посмел защитить основателя органов государственной безопасности, хранить верность которому клялись до последней капли крови.

В пятницу 23 августа утром Шебаршин засел в бывшем кабинете Крючкова. Он приказал вильнюсским чекистам, которых активисты литовского Народного фронта блокировали в райотделах, не применять оружия. Выпустил из Лефортовского следственного изолятора лидера Демократического союза Валерию Ильиничну Новодворскую. Приказал личному составу центрального аппарата покинуть здание, оперативную картотеку вывести за город. Больше он ничего сделать не успел. В разгар совещания, которое проводил Шебаршин с руководящим составом комитета, позвонил Горбачев:

— Появитесь у меня через полчаса!

К двум часам Шебаршин приехал в Кремль. Горбачев совещался с руководителями республик. Шло заседание Государственного совета. Вызвали Шебаршина.

Михаил Сергеевич объявил:

— Я назначаю председателем КГБ товарища Бакатина. Отправляйтесь сейчас в комитет и представьте его.

Для самого Вадима Викторовича Бакатина назначение было неожиданностью. Его так же без предупрежде-

ния пригласили в кабинет Горбачева в Кремле, где сидели президенты союзных республик. Горбачев сказал ему:

— Вот мы тут все вместе решили предложить вам возглавить Комитет государственной безопасности...

Бакатин, как это полагается в таких случаях, предложил вместо себя академика Юрия Алексеевича Рыжова, который в Верховном Совете СССР возглавлял комитет по безопасности. Но все уже было решено. Бакатин поехал на площадь Дзержинского принимать дела и проводить первое совещание коллегии комитета. Академик Рыжов вскоре стал послом во Франции. Начальник разведки Шебаршин вернулся к исполнению прежних обязанностей в Ясенево.

В три часа дня 23 августа Бакатин в первый раз приехал в новое здание КГБ на Лубянской площади. На площади шел митинг. Чекисты боялись, что толпа ворвется в здание и их всех выгонят, как выгнали сотрудников ЦК КПСС со Старой площади. Но обошлось — свергли только памятник Дзержинскому. Если бы бывшего партийного работника и министра внутренних дел Вадима Бакатина не назначили тогда председателем КГБ, московская толпа и в самом деле могла бы пойти на штурм здания. Или же российские депутаты могли потребовать вовсе распустить комитет. Появление на Лубянке популярного Бакатина, возможно, спасло комитет госбезопасности от полного разгрома.

Генерал Шебаршин, как и все остальные заместители председателя КГБ, по указанию Горбачева написал подробную справку о том, что он делал в дни путча. В его случае это была формальность. Шебаршина ни в чем не винули. Единственное, что он сделал, — переслал во все заграничные резидентуры разведки документы ГКЧП. Подчиненный ему спецназ — Отдельный учебный центр первого главного управления, который на случай войны готовили к диверсионным действиям в тылу противника, в штурме Белого дома участвовать отказался. Но и особого до-

верия к Шебаршину не было — его же выдвинул Крючков, путчист № 1, который к тому времени сидел в «Матросской тишине».

25 августа, в воскресенье утром Шебаршин написал председателю КГБ Бакатину первый рапорт:

«19–21 августа с. г. я оказался не в состоянии дать правильную оценку действий Крючкова и других участников заговора и не сумел правильно ориентировать личный состав первого главного управления — людей честных, дисциплинированных, преданных Родине. Прошу освободить меня от занимаемой должности и уволить...»

Рапорт остался без внимания. У Бакатина были неотложные проблемы, разведка к их числу не относилась. Шебаршин сразу сказал, что он сторонник выделения разведки в самостоятельную службу, чтобы избавиться от «хвоста» КГБ. Бакатин с ним согласился. Однако стать первым главой независимой разведывательной службы Шебаршину было не суждено. Между Бакатиным и Шебаршиным возникла личная неприязнь. Они были схожи характерами — самоуверенные, резкие — и не уважали друг друга.

Через три недели, в середине сентября, новое руководство КГБ назначило Шебаршину — против его желания — первым заместителем полковника (!) Владимира Михайловича Рожкова. Шебаршин возмутился и 18 сентября позвонил Бакатину. Бакатин недовольно ответил:

— Где вы были раньше? Я уже приказ подписал.

После короткого разговора на повышенных тонах Шебаршин сказал, что дальше так работать не может и просит освободить его от должности. Он, вероятно, рассчитывал, что новый председатель пойдет на попятный. Но разозлившийся Бакатин решил, что его шантажируют, и возражать против отставки Шебаршина не стал.

В результате Леонид Владимирович написал председателю КГБ новый рапорт:

«Мне стало известно, что на должность первого заместителя начальника главного управления назначен В. М. Рожков.

Решение об этом назначении было принято в обход первого главного управления и его начальника. Вы лично не сочли возможным поинтересоваться моей позицией в этом вопросе, оценкой профессиональной пригодности тов. Рожкова.

В прошлом, как вам известно, существовала практика назначения должностных лиц, в том числе и в первое главное управление КГБ, под нажимом аппарата ЦК КПСС или по протекции. В последние годы ценой больших усилий эту практику удалось прекратить. С горечью убеждаюсь, что она возрождается в еще более грубой и оскорбительной форме — на основе личных связей, без учета деловых интересов. Эта практика, уверен, может погубить любые добрые преобразования.

Судя по тону вашего разговора со мной по телефону 18 сентября с. г., вы считаете такую ситуацию вполне нормальной. Для меня она неприемлема».

Этот рапорт был принят. Генерал-лейтенант Шебаршин в пятьдесят шесть лет стал пенсионером. Бакатин начал искать ему замену.

При этом принципиальное решение о том, что разведка выйдет из состава КГБ и станет самостоятельной, уже было принято, так что подбирали не профессионала-разведчика, а политика.

Я спрашивал самого Бакатина: и кому же пришла в голову идея предложить этот пост Примакову?

— Я внес такое предложение, — ответил Вадим Викторович. — Я знал, что он не будет против. Ему эта работа подходила. По складу характера. Мы поговорили. Он согласился. Так что, когда Шебаршин ушел, первым кандидатом был Примаков.

— А как вы увидели в Примакове начальника разведка?

— А как во мне увидели председателя КГБ? Какой я чекист?

— Вы по крайней мере занимались чем-то сходным — были министром внутренних дел.

— Да это абсолютно разные вещи, — отмахнулся Бакатин. — Эти два ведомства даже рядом нельзя ставить.

— Но ведь Примаков не профессиональный разведчик! А это непростая специальность.

— Министр должен принадлежать к правящей партии и осуществлять политическое руководство, — отрезал Бакатин. — А вот все остальные служащие ведомства, начиная с его замов, должны быть профессионалами. Я думаю, что у Примакова просто был к этому интерес, — продолжал Бакатин. — Евгений Максимович всю жизнь занимался внешней политикой. Он глубокий человек с аналитическим складом ума. А разведка — это и есть информация. Получение информации из разных источников и ее сопоставление. Я думаю, эта работа ему как раз подходила.

— Как тогда встретили Примакова в разведке?

— Встретили его хорошо. А провожали еще лучше.

— Как это ему удалось? Ведь он был чужой для них?

— Он не чужой. Для нас для всех разведка родная. Все фильмов насмотрелись. Все грезили разведкой с детского возраста. Как все мы убедились, руководить разведкой — это совсем не плохо у него получилось. Хорошо получилось. И разведчики довольны. И разведка не развалилась. На ней все эти перипетии политические не сильно отразились.

Формально Примаков получал невысокую должность первого заместителя председателя КГБ, то есть переходил в прямое подчинение Бакатину, хотя еще недавно в Кремле, в команде Горбачева они были на равных.

— Но в первом же вашем с ним разговоре имелось в виду, что разведка станет самостоятельной? — переспросил я.

— Да. Это было решено до его назначения, — подтвердил Бакатин. — Сразу договорились, что Комитет государственной безопасности, этот монстр, будет демонтирован. Надо было это сделать хотя бы для того, чтобы сохранить разведку. Ведь в то время президенты всех рес-

публик претендовали на наследство СССР, хотя Советский Союз еще существовал. Разведка все-таки была сразу вынесена за скобки. Она осталась единой, обслуживающей все республики. А остальную часть комитета делили. Происходило перетаскивание людей из кабинетов в кабинеты. Примаков в этом не участвовал.

После провала августовского путча и возвращения Горбачева в Москву его команда, сохранившая верность президенту, получила новые важные назначения. Все крупные посты были поделены. Примаков остался, пожалуй, единственным из ближайшего окружения Горбачева, кто не получил реальной работы. Ему было тоскливо в Кремле без собственного практического дела.

Сам Евгений Максимович рассказывал так:

«Я настолько не был готов к такой крутой перемене в своей жизни, что вначале вообще несерьезно отнесся к предложению Бакатина. Начисто забыл о нем во время сентябрьской поездки по Ближнему Востоку, куда полетел с большой группой представителей союзных и российских органов власти с целью получить столь необходимые стране кредиты. Нам тогда это неплохо удалось сделать — сумма полученных только несвязанных займов составила более трех миллиардов долларов.

Прилетел в Москву, окрыленный успехом. Во время поездок в Саудовскую Аравию, Кувейт, Арабские Эмираты, Египет, Иран, Турцию в полной мере использовал и свои связи, но главное, конечно, было не в них, а в высоком авторитете нашей страны в арабском мире. Однако для личного доклада меня никто не вызывал.

Позвонил по телефону Горбачев и, не спросив ни слова о результатах поездки, предложил в условиях ликвидации Совета Безопасности стать его советником по внешнеэкономическим вопросам. Я понимал, что мне „подыскивается место“. Может быть, сказала в какой-то степени и обида — предложение делалось как бы мимоходом, по телефону, и я ответил:

— Михаил Сергеевич, мне как-то уже надоело советовать.

— Тогда соглашайся на работу руководителем разведки, мне Бакатин говорил об этом.

— Хорошо, — с ходу ответил я.

Прошло несколько дней — никто не возвращался к этой теме. Бакатин позже мне объяснил причину. Тогда уже ни одно назначение на сколько-нибудь крупный государственный пост не проходило без Ельцина, а он отдыхал на юге. Бакатин позвонил ему — Ельцин вначале колебался, но, по словам Вадима, он его уговорил.

У меня не было никаких оснований считать, что Борис Николаевич ко мне относится негативно, но причину его колебаний я понимал — был в „команде Горбачева“, не принадлежал к окружению Ельцина, а в то время на ведущие посты расставлялись люди, которые работали с ним раньше».

Виталий Никитич Игнатенко, тогда генеральный директор ТАСС, вспоминает:

— Назначение в разведку для самого Примакова было, мне кажется, неожиданным. Но для того времени оно было крайне необходимым. Для страны это было нужно. Ему так и представили: вы идете туда, потому что это нужно стране. Разведчики, которые этому сложному и опасному делу отдали много лет, в нем души не чаяли. Я слышал, что они самого высокого мнения о его уровне профессиональном и человеческом...

Академик Александр Яковлев тогда был ближайшим советником президента Горбачева. Он говорил в медленной своей манере, очень точно подбирая слова:

— Назначение Примакова было логичным. Михаил Сергеевич хотел, чтобы после Крючкова эта сфера была надежна, чтобы там обмана не было. Там многое строилось на обмане и на лжи. А Примаков врать не будет. Это Горбачев знал...

Примаков сказал друзьям, что воспринимает разведку как аналитическую работу и станет руководить службой так же, как он руководил академическим институтом.

— Это верно, — согласился Александр Яковлев. — Примаков привнес в разведку научный подход к анализу. В оперативном деле он мало что смыслил. Но как аналитик он в разведке оказался на месте.

В самой разведке об уходе Шебаршина сожалели, прежде всего, те, кто был с ним связан. Профессионалы говорят, что он был сильным информационщиком, то есть умел осмыслять и интерпретировать добытую информацию.

Евгений Максимович Примаков предложил Шебаршину вернуться первым замом, считая, что такой опытный человек должен продолжить работу в разведке. Но Леонид Владимирович отказался: ему не хотелось возвращаться в Ясенево вторым человеком — после того, как он столько лет был там хозяином. А полковника Рожкова, из-за которого ушел Шебаршин, обходительный Примаков переместил на должность простого заместителя, а потом отправил представителем Службы внешней разведки в Федеративную Республику Германию, где тот — уже в звании генерал-лейтенанта — служил до своей смерти в 1996 году.

После Шебаршина боялись варяга, неспециалиста, опасались появления нового Виталия Васильевича Федорчука — военного контрразведчика, который в 1982 году ненадолго возглавил КГБ СССР. После очередного побега на Запад советского разведчика, вспоминал Вадим Кирпиченко, Федорчук сказал руководителям первого главного управления, что их подчиненным не обязательно знать иностранные языки, на встречи с агентами можно ходить с переводчиком: так оно даже надежнее, вдвоем не убегут, будут контролировать друг друга.

— Я сам, — доверительно поделился председатель КГБ личным опытом, — когда служил в Австрии, приглашал к себе агентов из числа австрийцев и беседы проводил через переводчиков.

Когда Федорчуку что-то донесли о недовольстве разведчиков, председатель КГБ пренебрежительно бросил:

— Хрена ли они там в разведке выпендриваются. Я вот каждому пограничнику дам переводчика, так они еще лучше будут работать, чем ваши профессионалы.

Появление Примакова стало для обитателей Ясенево полной неожиданностью. Сначала насторожились. Но страха не было: учитывали его научный опыт, занятия внешней политикой — так что надеялись, что академик все-таки не вовсе чужой для них человек.

— Когда он сюда пришел, отношение к нему было сдержанно-выжидательное, хотя и доброжелательное, — вспоминает Татьяна Самолис, которая была пресс-секретарем директора Службы внешней разведки. — Хотя нет, сначала — просто сдержанно-отчужденное. И слово «академик» произносилось с сомнением, пробовалось на вкус, что оно значит. А потом... Здесь все очень быстро происходит, в разведке работают умные люди. Они знают цену информации и умеют ее получать. Информация о Примакове добывалась очень быстро.

Во-первых, внутри самой разведки были люди, которые его знали — кто-то в молодые годы, еще по институту — вместе учились, кто-то знал его всю жизнь — еще со времени работы в арабских странах, кто-то сталкивался потом, когда он работал в академических институтах и проводил симпозиумы, конференции, ситуационные анализы, в которых разведчики принимали участие... Кто-то знал Примакова по заграничным командировкам: когда Примаков приезжал в какую-то страну, резидентура ему помогала — давала машину, переводчика. И через короткое время разведчики пришли к выводу, что им повезло: в это революционное время он не даст их затоптать. А опасность такая была. КГБ делили, и разведку республики хотели растащить.

Примаков знал ответ на главный вопрос: а нужна ли вообще разведка?

Сейчас этот вопрос звучит как-то наивно. Но в то время горячие головы говорили — нас любит весь мир, зачем нам разведка? Надо ее сейчас же прикрыть. Да и денег на

это нет, бедноватая страна... Потом, лет через пять-семь, встанем на ноги — мы же думали, что быстро экономически укрепим, — и тогда откроем разведку.

Примаков хорошо понимал, что разведку нельзя, как дверь, то открывать, то закрывать. Она или есть, или ее нет. Если она когда-нибудь понадобится — хотя бы через двадцать лет, — она должна существовать сегодня. Вот это он точно знал: он сделает все, чтобы разведка существовала. И за это, когда Примаков уходил, люди его благодарили.

А как отнеслись тогда к неожиданному назначению Примакова президенты — тогда их еще было двое: Горбачев и Ельцин?

— Горбачев сразу согласился, — сказал Бакатин. — А Ельцин долго не хотел Примакова. Ельцина пришлось убеждать.

Бакатин на мгновение замолчал, показывая, что разговор с президентом России был непростым. В тот момент Вадим Викторович был куда более влиятельным политиком, чем Примаков. Бакатин был на виду, страна следила за каждым его шагом, газеты цитировали любое выступление, а Примаков ушел в «лес», как именовали штабквартиру разведки, и надолго исчез из поля зрения. Это и спасло его политическую карьеру.

Когда Вадима Викторовича Бакатина назначили председателем Комитета государственной безопасности СССР, обсуждались разные планы — от радикальной идеи распустить КГБ и создать совершенно новую спецслужбу с ограниченными функциями до осторожного предложения ограничиться косметической реформой комитета. Бакатин выбрал нечто среднее. Его реформа органов государственной безопасности оказалась вполне жизнеспособной.

Бакатин передал войска КГБ министерству обороны. Это были те несколько дивизий, которые с дальним прицелом — на случай чрезвычайного положения — забрал у армии Крючков (103-я Витебская воздушно-десантная,

75-я Нахичеванская мотострелковая, 48-я мотострелковая, 27-я отдельная мотострелковая бригада).

Пограничные войска тоже вышли из КГБ, создали самостоятельный Комитет по охране государственной границы. После распада СССР Ельцин включил пограничников в состав министерства безопасности России. В 1993 году они опять получили самостоятельность, и была образована Федеральная пограничная служба. А при Путине пограничников вернули в состав ведомства госбезопасности.

Службу охраны (бывшее девятое управление, которое заботилось о членах политбюро) подчинили непосредственно президенту Горбачеву. При Ельцине были созданы два ведомства — Служба безопасности президента и Главное управление охраны, которое охраняло остальных государственных чиновников. Затем обе службы объединили в единую Федеральную службу охраны Российской Федерации.

Управление правительственной связи, 8-е главное управление (обеспечение безопасности собственных секретных переговоров и расшифровка чужих) и 16-е управление (перехват радио- и телефонных переговоров) тоже изъяли из состава КГБ и объединили в Комитет правительственной связи при президенте СССР. С 1993 года это ведомство называлось ФАПСИ — Федеральное агентство правительственной связи и информации при президенте России.

Президент Путин расформировал ФАПСИ накануне второй иракской войны. Первоначально президент сказал, что ФАПСИ поделят Федеральная служба безопасности и министерство обороны. Однако Главному разведывательному управлению генштаба ничего не досталось. Бывшее третье главное управление (радиоэлектронная разведка) ФАПСИ поделили между собой Служба внешней разведки и ФСБ. В состав Федеральной службы безопасности вошли также войска радиоэлектронной разведки и быв-

шее второе главное управление (безопасность связи, дешифрование и криптография).

Основная часть наследства ФАПСИ перешла к Федеральной службе охраны, как ни странно это звучит. В нашей стране по давней традиции служба охраны не только обеспечивает безопасность высших чиновников, но и присматривает за ними. Поэтому генерал-лейтенант Властик при Сталине или генерал-лейтенант Коржаков при Ельцине были столь влиятельными фигурами, хотя формально ведали лишь охраной и материальным обеспечением руководителей государства.

Федеральная служба охраны, которая является самостоятельным ведомством, получила бывшее первое главное управление (правительственная связь) ФАПСИ, войска правительственной связи, главное управление информационных ресурсов (вся информация, которая циркулирует в закрытых сетях органов власти), главное управление информационных систем (изучение общественного мнения). В составе ФСО образовали Службу специальной связи и информации...

Бакатин упразднил бывшее пятое управление, которое занималось политическим сыском — слежкой за интеллигенцией, церковью, национальными движениями.

Назначенный после августовского путча министром обороны СССР маршал Евгений Иванович Шапошников просил передать в министерство третье главное управление КГБ — военную контрразведку. Бакатин согласился было, но быстро передумал. В Кремле не захотели, чтобы армейская контрразведка стала карманным ведомством министерства обороны. Контроль над армией остался в руках главы государства.

Осенью 1991 года я разговаривал с популярным тогда политиком, народным депутатом СССР Аркадием Николаевичем Мурашевым, молодым и жизнерадостным человеком. Его только что — совершенно неожиданно — назначили начальником главного управления внутренних дел Москвы. Я спросил Мурашева: раньше милиция кон-

тролировалась сотрудниками госбезопасности, люди КГБ были внутри милицейского аппарата. Как сейчас складываются отношения с комитетом?

— Людей КГБ у нас забрали еще до моего прихода в главк, — рассказал мне Мурашев. — Отношения с госбезопасностью у нас сейчас хорошие, рабочие, и мы в свою очередь расформировали подразделение, которое действовало против КГБ. Да работникам КГБ вовсе нечего делать, они переключаются на борьбу с преступностью...

Это сейчас ясно, как наивен был Аркадий Мурашев, а тогда вопрос, какие спецслужбы нужны стране и что они должны делать, еще не был решен.

После Мурашева я беседовал с начальником московской госбезопасности Евгением Вадимовичем Савостьяновым. Человек науки, соратник тогдашнего мэра Москвы Гавриила Харитоновича Попова, он был таким же чужаком для аппарата КГБ, как Мурашев для МВД. Генерала Савостьянова потом снимут с должности по требованию генерала Коржакова, а после увольнения Коржакова возьмут в администрацию президента Ельцина — заниматься силовыми структурами.

В каждом учреждении шутят по-своему.

— Введите арестованного! — этими словами дежурный адъютант с синими петлицами офицера госбезопасности разрешил сотруднику пресс-бюро московского управления госбезопасности пропустить меня к своему начальнику, который сидел в огромном полутемном кабинете.

Поднявшийся мне навстречу человек с седеющей бородкой и очаровательной улыбкой был символом перемен, наступивших в этом стеклобетонном здании без таблички.

Я спросил Савостьянова:

— Ваш друг и единомышленник Аркадий Мурашев уверен, что вашему ведомству попросту нечего делать. Вы согласны с вашим другом?

Ехидный вопрос не произвел никакого впечатления. Савостьянов ответил:

— Для нашей организации должно быть типичным, что люди со стороны не подозревают о том, чем мы тут занимаемся.

— А чем же?

— У нас есть официально сформулированные задачи: разведка, контрразведка, информационно-аналитическая работа, борьба с терроризмом. Что касается борьбы с преступностью, то, на мой взгляд, нам незачем за это браться. Это могло бы делать МВД. Зато нам следовало бы заниматься внутренней политической разведкой. Думаю, пройдет период кокетливых полупризнаний, и нам прямо скажут: как и в других государствах, нужно следить за политической температурой в обществе, знать, в каких слоях общества назревают настроения в пользу насильственного свержения правящих структур, изменения конституционного строя.

— А что делает ваша агентура?

— Агентура фактически заброшена или, скажем так, законсервирована.

— Как вы себя чувствуете на заседаниях, усаживаясь за стол вместе с людьми, которые лет двадцать прослужили в этом ведомстве?

— Я себя чувствую человеком, который понимает, о чем идет речь, и в состоянии изложить свою точку зрения. Со свойственной мне нескромностью должен заметить, что она часто разделяется другими.

— А вам не кажется, что здесь существует каста, которая пока вынуждена терпеть ваше присутствие, но на самом деле они предпочли бы поговорить без вас?

— То, что какие-то вопросы им бы хотелось обсудить без меня, это совершенно нормально. Но серьезного отчуждения я не замечаю.

— Вы не боитесь, что вам подставят ножку?

— Если бы мне хотели подставить ножку, вытолкнуть, давно уже могли это сделать.

— Вы считаете, что контролируете свое ведомство? Вы знаете, о чем думают ваши подчиненные?

— Основные настроения мне известны. Если вы думаете, что люди, работающие здесь, были бесконечно преданы коммунистическому режиму, то вы ошибаетесь. Они были хорошо осведомлены. Много видели, многое знали, многое понимали. Не надо представлять их идиотами, которые...

— Это вовсе не идиотизм. Это просто нелюбовь к свободомыслию.

— Такие люди есть. Мне приходится с ними сталкиваться.

— Вы стараетесь избавиться от них?

— Ни от кого я не пытаюсь избавиться. Можно было всех разогнать, как в семнадцатом году, а потом опять набирать профессионалов. Мы пошли по другому пути: поставили перед теми же людьми новые задачи...

Разговор закончился. Дежурный адъютант глянул на меня и снял трубку телефона внутренней связи:

— Уведите арестованного.

Главная задача, которую ставил перед собой Вадим Викторович Бакатин и узкий круг его единомышленников, — сделать ведомство госбезопасности безопасным для общества. Главная задача Примакова состояла в том, чтобы сохранить и модернизировать разведку. Противоположность задач определила и судьбу обоих политиков. Хотя было и нечто общее.

Евгений Максимович наотрез отказался аттестоваться на воинское звание, хотя сразу бы стал генералом, а это неплохо для пенсии (бывший председатель КГБ Александр Николаевич Шелепин в последние годы жизни горевал, что отказался от погон, потому что лишился возможности получать приличную пенсию).

Вадим Бакатин, придя в КГБ, отказался от присвоения очередного воинского звания — генерал-полковник — и остался генерал-лейтенантом (звание, полученное в бытность министром внутренних дел), хотя на этой должности мог быстро стать генералом армии, что и делали его предшественники и преемники.

Строитель по профессии, Бакатин быстро был замечен и переведен на партийную работу. По этой лестнице быстро продвигался вверх, стал первым секретарем Кемеровского обкома. Осенью 1988 года Горбачев назначил его министром внутренних дел. Бакатин сопротивлялся проведению жесткой линии, развязал руки республиканским МВД, дал самостоятельность прибалтийским министерствам, чем вызвал гнев сторонников консервативной линии. Они давили на Горбачева, требуя заменить Бакатина кем-нибудь потверже. В декабре 1990 года его без объяснения причин сместили с поста министра. Но Горбачев не хотел его терять и назначил членом президентского совета. В Кремле кабинет Бакатина находился рядом с кабинетом Примакова, но они были разными людьми. Примаков сторонился публичной политики, не выступал на митингах, избегал интервью, предпочитал тихую кабинетную работу.

Вадим Бакатин, темпераментный, резкий, жаждал активной политической деятельности, несомненно, видел себя на первых ролях. Он был человеком известным, заметным, хотя, возможно, переоценивал степень собственной популярности. Он выставил свою кандидатуру на первых президентских выборах в России, стал соперником Ельцина, но собрал мало голосов, потому что воспринимался как партийный аппаратчик, хотя им и не был. Примакова потом тоже станут называть партийным бонзой, хотя он и дня не провел в аппарате.

Бакатин продержался в КГБ очень недолго. Примаков остался в разведке надолго. Почему их судьба сложилась так различно?

Александр Николаевич Яковлев, который тогда знал все, что происходило в коридорах власти, вспоминал:

— Примаков тоже должен был быть освобожден. Но тут сыграло то, что он уже начал завоевывать свое положение во внешней разведке. Не стал никого особо разгонять.

Евгений Максимович оказался мудрым администратором. Интервью не давал, на трибуну не лез, объективов

телекамер избегал. Он получил свой пост не на волне выдвиженцев по случаю, которых быстро смыло. Он умело делал свое дело.

— Я знаю, он сразу привлек к себе наиболее думающую часть разведки, — сказал Яковлев. — Это люди, которым надоел обман, наговаривание всякое.

Я задал Бакатину личный вопрос:

— Против вас восстали в КГБ. А против Примакова не восстали. Люди разные в разведке и во внутренних управлениях КГБ, или у вас модели поведения были разные?

— Разведка всегда считалась элитой спецслужб. Там просто более мудрые люди, чем здесь, в контрразведке, где люди вечно чем-то недовольны, обижены. Мудрые люди в разведке поняли, что самостоятельно работать под руководством достаточно опытного политика им самим будет неплохо, так что чего им обижаться на Примакова? А в контрразведке тогда все шли споры — кому чего отдать — и бесконечные дискуссии о чекизме и чекистских традициях. Плюс ведомственные склоки. И при этом не могли понять, что деятели ГКЧП сами все развалили. Разве может так плохо спецслужба планировать даже путч? КГБ все проморгал — государство развалилось, а они не заметили. КГБ и не спецслужба вовсе. Потом, когда чеченская война началась, чекистов ругали: Дудаева поймать не могут! Да они не приучены ловить, не готовы к такой работе, какой профессиональные спецслужбы должны заниматься. Их работа была следить, что какой профессор где говорит. Или гадить ЦРУ в какой-нибудь африканской стране...

Чекисты возненавидели Бакатина после знаменитой истории с американским посольством. Примаков, более искушенный в политике человек, вел себя куда осторожнее и в подобные истории не попадал.

Скандал разгорелся задолго до назначения Бакатина в КГБ — еще в августе 1985 года, когда американцы заявили, что строящееся в Москве новое здание посольства Соединенных Штатов нашпиговано подслушивающими устройствами. В почти готовом здании были прекращены все

работы. Советских рабочих, которые ударно трудились на американской стройке, изгнали с территории посольства.

Американская служба безопасности выяснила, что советские мастера начинили стены таким количеством подслушивающих устройств, что здание превратилось в один большой микрофон. Сенат США пришел к выводу, что «это самая масштабная, самая сложная и умело проведенная разведывательная операция в истории». Эту операцию следовало бы назвать и самой бессмысленной, поскольку в конечном счете деньги были потрачены зря...

Посольство Соединенных Штатов давно нуждалось в улучшении жилищных условий. Советское посольство в Вашингтоне тоже жаждало расширения. Беседы о новом здании американцы начали вести с советскими чиновниками еще в шестидесятых годах. Решение было принято при президенте Ричарде Никсоне, который дважды приезжал в Москву и провозгласил вместе с Леонидом Ильичом Брежневым политику разрядки.

Для нового здания советского посольства подобрали неплохое местечко в Вашингтоне. А американцы получили право расширить свой городок. Смету на строительство составили в семьдесят два миллиона долларов. За шесть лет успели израсходовать двадцать три миллиона. Строительство началось в конце 1979 года. Операция КГБ СССР по оснащению нового здания посольства подслушивающей системой — тремя годами ранее, в 1976-м.

По взаимной договоренности несущие конструкции, стены, перекрытия сооружались из местных материалов. Облицовочные материалы и все, что необходимо для внутренней отделки, а также лифты, электрооборудование, оконные стекла и рамы американцы доставили с родины. Строили здание в основном советские рабочие, хотя некоторые специалисты и предупреждали правительство США, что это опасно.

Но государственный департамент торопился с завершением строительства. Всего несколько офицеров безопасности следили за рабочими и проверяли строитель-

ные материалы. Американские спецслужбы высокомерно полагали, что сумеют легко обнаружить и демонтировать все подслушивающие устройства. Они недооценили научно-технический уровень советских коллег.

Большая часть подслушивающих устройств, как выяснилось позднее, была вмонтирована в бетонные плиты еще на заводе. КГБ использовал технику, которой не было у США. В стенах здания находились микрофоны такой чувствительности, что они записывали даже шепот. Советские агенты умудрились встроить подслушивающие устройства и в пишущие машинки, чтобы можно было расшифровать их дробь и понять, какой текст печатается.

Американцы смиренно признали, что российские спецслужбы на этом направлении обставили и европейцев, и самих американцев.

— В искусстве подслушивания русские всех обошли, — утверждали американцы.

Советская спецтехника была снабжена собственными источниками энергии, что позволяло электронике годами передавать каждое слово, произнесенное в здании посольства. Американские контрразведчики пришли к выводу, что практически невозможно избавить здание от подслушивающих устройств. Президент Рональд Рейган рекомендовал снести здание и построить новое. Но американские конгрессмены и сенаторы пришли к выводу, что Соединенным Штатам это не по карману.

В декабре 1991 года председатель КГБ Бакатин сделал шаг, еще недавно казавшийся невысказанным: передал американцам «техническую документацию средств специальной техники для съема информации». Бакатин считал, что это докажет готовность Москвы к партнерству с Соединенными Штатами. Он объяснил, что девяносто пять процентов всей подслушивающей системы американцы уже выявили сами. Он принял это решение не в одиночку, а спросив мнение технических подразделений КГБ и получив санкцию Горбачева и Ельцина.

Но самое удивительное состояло в том, что американцы не поверили в искренность Бакатина. Они априори исходили из того, что всю правду им, конечно же, не скажут. Десять лет продолжались слушания в конгрессе, готовились экспертные заключения, заседали правительственные ведомства, это стоило десятки миллионов долларов. Столько же ушло на поддержание недостроенного здания в порядке и на выяснение, сколько же в нем электронных игрушек.

Учитывая соображения безопасности и финансовые проблемы, государственный департамент решил сохранить недостроенное здание посольства США, грандиозный восьмизэтажный памятник находчивости советских спецслужб и высокомерия американских. Здание не снесли, а достроили.

Когда в Вашингтоне, наконец, решили судьбу пустого и мрачного здания из красного кирпича, которое столько лет стоит в центре Москвы без всякого толка, я спросил в пресс-службе посольства США, нельзя ли побывать на заброшенной стройке. Это было поздней весной 1996 года. Мне разрешили, но приставили ко мне мило улыбающуюся хрупкую барышню с большим револьвером в черной кобуре.

Она провела меня вокруг здания, бдительно следя за тем, чтобы я не переступил через невидимую черту. Подходить близко к зданию иностранцам запрещалось. Барышня состояла во внутренней охране посольства, которую несет секретная служба США — она по традиции подчиняется министерству финансов и охраняет президента и других высокопоставленных лиц. Я поинтересовался потом в пресс-службе посольства, действительно ли милая барышня принадлежит к оперативному составу, или она все же работает с бумагами, а револьвер носит по обязанности. В пресс-службе мне сообщили, что в обычные дни барышня не расстаётся с любимым автоматом, который на сей раз оставила в сейфе, чтобы меня не испугать.

На задворках заброшенного здания играли дети сотрудников посольства, молодые мамы прогуливались с колясками. Всё как и в любом другом московском дворе, только чисто и никто ни на кого не кричит. На пыльных стеклах заброшенного здания крупными буквами было написано: «Боже, благослови Америку». Много лет к зданию никто не прикасался — за исключением американских контрразведчиков, которые с помощью радиоизотопных томографов с кобальтовой пушкой изучали новейшие образцы советской подслушивающей техники.

Вашингтонская архитектурная фирма предложила подходящий проект. Рабочие ободрали фасад, снесли два верхних этажа и надстроили четыре новых этажа, уже свободных от подслушивающих устройств. Здание стало десятиэтажным — то есть на два этажа выше, чем предполагалось первоначальным проектом. На верхних этажах, доложили строители, гарантируется полная секретность переговоров. Там и разместились кабинеты старших дипломатов. Нижние этажи сохранились, а с ними, видимо, и подслушивающие устройства, но на этих этажах ничто секретное не обсуждается.

Российских рабочих на сей раз не позвали и российскими строительными материалами тоже не воспользовались. Переделывали здание американцы, получившие специальный допуск к сведениям высшей категории секретности, то есть абсолютно благонадежные, — и только из американских же строительных материалов, которые тоже проверены специалистами. Все, что понадобится для посольства, включая строительные механизмы, доставляли в Россию морем.

Российские и московские власти согласились на перестройку здания в соответствии со специальным соглашением, которое было подписано в 1992 году. Поэтому данные о строительстве не были предоставлены, как это полагается, московским архитекторам, когда они принимали решение о строительстве. Государственный департа-

мент даже держал в секрете поэтажный план перестройки здания.

Американцы тогда не сомневались, что российская контрразведка тщательно изучила проект перестройки посольского здания и искало пути проникновения в строительную зону, чтобы запустить туда жучки нового поколения, ведь за прошедшие годы подслушивающие устройства стали еще чувствительнее и миниатюрнее. Американцы были уверены, что обслуживающий посольство пост российской контрразведки разместился в старой православной церкви на противоположной стороне улицы.

Американские строители сменили руководителям российского правительства вид из окна. Из нашего Белого дома они теперь любят новеньким зданием американского посольства. Возможно, они сталкиваются с не менее внимательным взглядом американских дипломатов, которые, правда, уверяли меня, что любят исключительно привольным столичным видом и Москвой-рекой.

Бакатина из-за этой истории его бывшие подчиненные называют предателем. Евгений Примаков такого бы никогда не сделал. Вадим Бакатин говорил мне, что не жалеет о передаче американцам информации о посольстве — это был правильный шаг. Но заметил, что был, пожалуй, наивен в отношении Запада, смотрел на мир сквозь розовые очки:

— А вот у Евгения Максимовича и тогда не было иллюзий в отношении Запада.

28 ноября 1991 года президент СССР Горбачев подписал указ «Об утверждении Временного положения о Межреспубликанской службе безопасности». Службу возглавил Вадим Бакатин. Через несколько дней, 3 декабря 1991 года, Верховный Совет принял закон «О реорганизации органов государственной безопасности», а Горбачев сразу же его подписал. Этот закон упразднял КГБ СССР. На переходный период на его базе создавались Межреспубликанская служба безопасности и Центральная служба разведки СССР.

Но указы Горбачева уже не имели практического смысла, а через несколько дней после встречи в Беловежской пуще президентов России Бориса Ельцина, Украины — Леонида Кравчука и председателя Верховного Совета Белоруссии Станислава Шушкевича утратили и юридический смысл.

Вадим Бакатин возглавлял комитет госбезопасности сто семь дней, начиная с 23 августа. На сто первый день, 3 декабря 1991 года, КГБ прекратил существование. 8 декабря в Минске Ельцин, Кравчук и Шушкевич подписали соглашение о создании Содружества независимых государств. Нужда в Межреспубликанской службе безопасности тоже исчезла. Каждая республика обзаводилась собственной специальной службой.

Борис Ельцин подписал 24 января 1992 года указ об образовании министерства безопасности Российской Федерации на базе упраздняемых Агентства федеральной безопасности РСФСР и Межреспубликанской службы безопасности. Министром безопасности стал Виктор Баранников.

А судьба Бакатина решилась месяцем раньше.

23 декабря Ельцин пригласил к себе Бакатина и предложил ему дипломатическую работу. Вадим Викторович, видимо, рассчитывал на большее и отказался. 24 декабря Бакатин собрал вещи и покинул Лубянку — за день до отставки Горбачева. Политическая карьера Бакатина закончилась. Политическая карьера Примакова еще не началась.

Я спросил у Бакатина:

— Что было главным для разведки в конце 1991 года?

— Примаков пришел в то время, когда надо было думать о новой концепции безопасности. Перед ним стояла задача обеспечить информацией новое руководство, чем он и занимался. Занимался и законодательством — закон о разведке появился, и созданием нового имиджа своей службы.

— А разведку новая власть хотела сохранить или разогнать?

— Спецслужбы в такой период очень нужны. Все мы наполовину в социализме, наполовину в капитализме. Выгнать старых профессионалов — значит разведку ликвидировать. Агент дается долгим временем. Только если кому-то идеология мешает служить государству, тогда от него надо избавиться.

Послеавгустовская гроза 1991 года обошла разведку стороной. Первое главное управление КГБ (внешняя разведка) отделили от остального аппарата государственной безопасности — и структурно, и в смысле ответственности за более чем семидесятилетнюю историю этого ведомства. Лишились своих должностей всего лишь несколько генералов из первого главка, близких к арестованному Крючкову. Но нависшая над бывшим КГБ угроза полной ликвидации (в конечном счете оказавшаяся мнимой) на разведку никогда не распространялась. А разведку спас Примаков, который никогда не думал, что окажется на этой службе.

А МОГ СТАТЬ АДМИРАЛОМ!

Евгений Максимович родился в Киеве 29 октября 1929 года. Но на Украине юный Примаков прожил считанные дни. Его перевезли в Тбилиси (тогда по-русски город назывался Тифлис), где он вырос и жил до 1948 года, пока не уехал в Москву учиться.

Его появлению на свет сопутствовали непростые семейные обстоятельства. Что заставило его мать срочно покинуть Киев? Можно только предполагать, что за решением Анны Яковлевны, взяв грудного младенца, проехать почти через всю страну и обосноваться в Тбилиси стояла непростая жизненная драма.

Практически ничего не известно о его отце. Самые близкие друзья утверждают, что Евгений Максимович об отце никогда не заговаривал. Считалось, что его отец стал жертвой сталинских репрессий и погиб. Расспрашивать его даже в своем кругу было не принято.

В автобиографии Примаков писал:

«Отец умер, когда мне было три месяца (к этому времени мы уже переехали в Тифлис). Воспитывался матерью, проработавшей последние тридцать лет своей жизни врачом в поликлинике Тбилисского прядильно-трикотажного комбината. В 1972 она умерла в Тбилиси».

Совсем недавно в мемуарной книге Евгений Максимович уточнил:

«Фамилия моего отца Немченко — об этом рассказала мне мать. Я его никогда не видел. Их пути с матерью разошлись, в 1937 году он был расстрелян. Я с рождения носил фамилию матери — Примаков».

Работая в Кремле или будучи начальником Службы внешней разведки, Евгений Максимович мог, наверное,

узнать больше о судьбе отца. Какие-то сведения остались даже о тех, кто пропал в годы сталинской мясорубки. Но если Примаков что-то и выяснил, то рассказывать не пожелал.

Семейные дела Евгения Максимовича, разумеется, исключительно его личное дело. Они представляют общественный интерес только в одном смысле: как детство без отца повлияло на его дальнейшую жизнь, на его отношения с людьми, на его характер, взгляды и образ действий?

В Тбилиси Примаковы жили в двух комнатах на Ленинградской улице в доме номер 10. К его матери — Анне Яковлевне, которая всю жизнь лечила людей, в городе хорошо относились. Акушер-гинеколог Анна Примакова трудилась в Железнодорожной больнице, потом в женской консультации Тбилисского прядильно-трикотажного комбината. Милая, добрая, скромная, интеллигентная женщина, она многое передала сыну. Но растить его в одиночку ей было наверняка непросто.

Нет сомнений в том, что Примаков, как и любой мальчик в столь незавидных обстоятельствах, тосковал и страдал от того, что рос без отца. Рассказывают, что родители его друзей были особенно к нему внимательны, и это несколько компенсировало невосполнимую утрату.

У его матери были братья и сестры, но они погибли один за другим. Дядю-врача, который жил в Баку, арестовали и расстреляли в тридцать седьмом. В Тбилиси у Примаковых тоже были заметные родственники. Они помогали молодой женщине, оставшейся одной с ребенком. Сестра Анны Яковлевны вышла замуж за известного медика, профессора Михаила Давидовича Киршенבלата, директора Тбилисского института скорой помощи. В период массовых репрессий и его уничтожили.

Примакову повезло в том, что он оказался именно в Тбилиси, замечательном городе с особым теплым и душевным климатом. Тбилиси тех лет был одним из немногих городов, где в какой-то степени сохранились патриар-

хальные нравы и человек не чувствовал себя одиноким, а был окружен друзьями, приятелями, знакомыми, соседями и тем самым принадлежал к какой-то группе, клану, сообществу.

Здесь было принято помогать друг другу. Потом все знающие Примакова будут восхищаться его умением дружить и верностью многочисленным друзьям. Это качество было заложено тогда, в Тбилиси. Он понял, как важно быть окруженным друзьями, и научился дорожить близкими людьми.

В Тбилиси он оказался в кругу талантливой молодежи. Кое-кто из тех, с кем он учился в одной школе, с кем гулял по улицам вечернего города, с кем ходил на танцплощадку, добился с годами мировой славы. Рядом жил будущий глава Союза кинематографистов СССР режиссер Лев Кулиджанов. Выдающийся грузинский философ Мераб Мамардашвили (он был на год младше Примакова, но рано ушел из жизни) позже, шутя, говорил:

— Мы с ним за одними и теми же девочками бегали.

Там же, в Тбилиси, рос выдающийся кардиохирург Владимир Иванович Бураковский. Позднее, уже в Москве, они станут с Примаковым близкими друзьями.

Вдова Бураковского, Лилиана Альбертовна, выросшая в Сухуми, рассказывала:

— Воспитание у них с Бураковским было одно — тбилисское. У них был один кодекс чести, очень достойный. В старом Тбилиси люди доброжелательно относились друг к другу. Никого не интересовала национальность соседей и друзей — это было неважно. Тбилиси был интернациональным городом, многоголосым, разноплеменным. Рядом жили грузины, мегрелы, курды, много армян, евреи, турки — очень смешанный город. Было важно другое — как человек относится к жизни, к друзьям, умеет ли он защитить свою честь и не уронить свое достоинство, вести себя как положено мужчине. Вот это были критерии, по которым оценивались люди...

Леон Аршакович Оников, который почти всю жизнь проработал в аппарате ЦК КПСС, был знаком с Примаковым шестьдесят лет. Оников тоже учился в Тбилиси:

— Мы познакомились, когда он учился где-то в третьем классе, а я постарше был. Но поскольку я переехал из периферийной школы и год потерял, то разница между нами стерлась. Вот с этих пор мы друг друга знаем.

Юный Примаков похож был на маму. Полным он еще не был, средней комплекции. Его иногда называли самураем: глаза раскосые, лицо худое, тонкие усики.

— Тбилиси — это кузница дружбы, там высока культура дружеских отношений, — рассказывал Лев Оников. — Многонациональность Тбилиси — это достоинство города. Грузинам присуща большая деликатность в личной жизни, рафинированность. Русские, живущие в Тбилиси, в дополнение к своим качествам — твердости, открытости — вбирали замечательные грузинские черты. А кроме того, в городе кто только не жил — и греки, и персы, пока их Сталин не выслал. Это делало нас интернационально мыслящими людьми.

А вот в Москве Примаков столкнется с непривычной для него практикой делить людей по этническому признаку.

Его друзья не любят говорить на эту тему. Отделяются общими фразами насчет того, что «в нашем кругу его национальность никого не интересовала». В этом никто не сомневается, порядочные люди не могут вести себя иначе. Но Москва не состоит из одних только друзей Евгения Максимовича.

В архивах ЦК КПСС, открытых после августа 1991 года, сохранились письма бдительных ученых, сигнализировавших партийному руководству о неарийском происхождении Примакова в надежде сместить неудобного директора:

«Коммунисты Института востоковедения АН СССР просят вас принять самые строгие меры против произвола, беззакония, взяток, злоупотребления служебным по-

ложением, которые насадил в нашем институте „академик“ директор Примаков Е. М., настоящая фамилия Киршинблат.

Махровый делец, руководитель сионистской мафии в институте, злоупотребляет служебным положением, почти целый год в году пребывает в загранкомандировках, собирая взятки со своих сотрудников, живущих за границей, и на нетрудовые доходы выстроил себе дачу-дворец на „Малой земле“. Не брезгуя ничем, крупной мощной разбазаривает Примаков-Киршинблат государственную казну для своего обогащения, алчности, наживы.

Он полностью развалил институт, разделив сотрудников на угодных ему евреев и неугодных остальных прочих...»

Это малограмотное письмо — не анонимное, а с подписями конкретных людей — было написано уже в горбачевские времена и поступило в ЦК КПСС в октябре 1985 года. Поскольку Примаков взяток не брал, государственное имущество не разбазаривал и дачу-дворец не строил, то письмо трудящихся практических последствий не имело. Но с такими письмами знакомили высшее руководство, устраивались проверки, и в аппарате сладострастно шушукались: у академика-то, оказывается, не все ладно по пятому пункту...

— В первые годы перестройки, — вспоминал бывший член политбюро академик Александр Николаевич Яковлев, — на митингах лидер «Памяти» Дмитрий Васильев распространял листовки, где говорилось, что в Советском Союзе существует сионистский заговор. Кроме меня, как главного советского еврея, там обязательно фигурировал Евгений Максимович Примаков — под другой фамилией. Забыл, какая. Потом и Ельцина включили в этот список.

Озабоченные еврейским вопросом не сомневаются в том, что русская фамилия Примакова — не настоящая, а придуманная, что не только его мать, но и отец — еврей. Работая над мемуарами, он счел необходимым рассказать о своем происхождении.

«Антисемитизм всегда был инструментом для травли у тупых партийных чиновников, — пишет Евгений Максимович. — Мне всегда были чужды как шовинизм, так и национализм. Я и сегодня не считаю, что бог избрал какую-либо нацию в ущерб другим. Он избрал нас всех, которых создал по своему образу и подобию...

С моей бабушкой по материнской линии — еврейкой — связана романтическая история. Обладая своенравным характером, она вопреки воле моего прадеда — владельца мельницы — вышла замуж за простого работника, к тому же русского, отсюда и фамилия Примаковых».

Эта тема заслуживает внимания опять же с одной только точки зрения: в какой степени это обстоятельство повлияло на жизнь Примакова?

В Тбилиси национальный вопрос не имел значения. Судя по всему, в юношеские годы ему и в голову не приходило, что он чем-то отличается от окружающих его грузинских ребят. Когда Примаков приехал в Москву, то он говорил так, как принято произносить слова в Тбилиси, то есть как бы с сильным грузинским акцентом. Потом его речь очистилась, и он стал говорить очень интеллигентно, чисто по-московски. Но и сейчас в минуту крайнего душевного волнения в его словах могут проскользнуть характерные грузинские интонации.

Антисемитизма в Грузии никогда не было. Евреев не отличали от грузин, и многие грузинские евреи сами себя считали в большей степени грузинами, чем евреями.

От анонимок и чьей-то злобы это, разумеется, не спасало. Но, работая в «Правде» и в Институте мировой экономики и международных отношений, Примаков был под надежной защитой своего руководителя академика Николая Николаевича Иноземцева, который, как это свойственно русскому интеллигенту, к антисемитам относился безразлично и даже с нескрываемым отвращением.

Собственно политическая карьера Примакова началась уже в перестроечные времена, когда пятый пункт анкеты утерял прежнее значение. Для первого президента

России Бориса Ельцина, насколько можно судить по его кадровой политике, национальность сотрудников вовсе не имела значения. Что касается националистов, которые строят свою предвыборную стратегию на лозунге засилья евреев в правительстве, бизнесе и средствах массовой информации, то Примаков сумел поставить себя так, что к нему не смеют цепляться по этому поводу.

В известных кругах, озабоченных чистотой крови, в его еврейском происхождении никто не сомневается. Но к нему подчеркнуто хорошо относятся даже те, кто не любит евреев. В подметных листовках его обвиняли в сионизме, когда он еще был в горбачевском окружении. Когда Примаков стал министром иностранных дел России, а затем и премьер-министром, левая оппозиция, вне зависимости от того, что она думала на самом деле, публично высоко оценивала его патриотическую позицию — в противостоянии Соединенным Штатам, в борьбе против расширения НАТО, в критике экономистов-либералов и готовности поддерживать отечественного производителя.

Как выразился в ту пору один из губернаторов:

— Евгения Максимовича Примакова мы считаем истинным российским патриотом.

Когда главой правительства был назначен Сергей Кириенко, сразу стали говорить и писать, что его настоящая фамилия — Израитель и поэтому понятно, что ничего хорошего он для России не сделает... Примакову таких претензий не предъявляли.

Евгений Примаков выбрал профессию военного моряка. Наверное, на него, как и на многих юношей, произвела впечатление романтика морских путешествий. Тбилиси город сухопутный, до ближайшего моря далеко. Оказалось, что и расстояние не помеха, было бы желание. Пятнадцатилетний Примаков в первый раз надолго уехал из дома, отправился в Баку, чтобы стать морским офицером. В 1944 году он был зачислен курсантом Бакинского военно-морского подготовительного училища министерства обороны.

Морские подготовительные училища были созданы с той же целью, что и артиллерийские спецшколы, — для подготовки старшеклассников к службе в Рабоче-крестьянской Красной армии. Это был, так сказать, советский кадетский корпус. Курсанты одолевали учебный курс последних трех классов средней школы — восьмого, девятого и десятого, параллельно изучали ряд военных дисциплин и «оморячивались», то есть плавали, осваивали морское дело на Каспии.

«В Баку поехали целой компанией, — вспоминает Примаков. — Все, кроме меня, вернулись домой через несколько месяцев. Я провел в училище два, скажем прямо, нелегких года, прошел практику на учебном корабле „Правда“».

Моряком Евгений Максимович не стал: когда в сорок пятом война закончилась, все изменилось. Одно дело готовить себя к фронту, другое — выбрать военную карьеру в мирное время, когда началась демобилизация и солдаты и офицеры, сняв погоны, стали возвращаться домой. Желание служить Родине у Примакова было всю жизнь, а морского призвания не оказалось. С учетом дальнейшей истории это явно к лучшему. Боевых офицеров отечественному флоту всегда хватало, а осенью 1998 года в России нашелся только один человек, который смог возглавить правительство и вывести страну из опасного политического кризиса.

Между прочим, один из курсантов Бакинского военно-морского подготовительного училища, с которым Примаков вместе постигал азы морского дела, сделал блистательную морскую карьеру. Речь идет об адмирале флота, Герое Советского Союза Владимире Николаевиче Чернавине.

Адмирал Чернавин всего на год старше Примакова, но карьеру делал быстрее. В 1985 году он был назначен главнокомандующим военно-морским флотом и заместителем министра обороны СССР. Вершина примаковской карьеры была еще впереди. Они встретятся через много

лет. Чернавин пригласит Примакова на свое семидесяти-пятилетие и с сожалением скажет:

— А ведь тоже мог стать адмиралом.

В 1946 году Примакова отчислили из училища по состоянию здоровья. Евгений Максимович пишет, что у него обнаружили начальную стадию туберкулеза. В Баку примчалась заботливая мама-врач и забрала его домой. Он вернулся в Тбилиси и благополучно закончил школу. Сомнений в дальнейшем пути не было — ехать в Москву и получать высшее образование.

Он выбрал Московский институт востоковедения. Надеялся, что именно в этот институт поступит. Так и получилось. Примаков сдал экзамены и был зачислен. Его определили изучать арабский язык. Тогда это был не самый популярный язык. В первые послевоенные годы советское руководство еще мало интересовалось арабским миром.

Юный Примаков был увлечен Москвой и столичной жизнью. Учеба давалась ему легко. Он зубрил арабский язык (хотя, как человек от природы способный, зубрежку ненавидел), а заодно учил и английский, что потом ему очень и очень пригодилось.

В институте востоковедения у Примакова появились новые друзья и множество знакомых. На курс старше учился Вадим Алексеевич Кирпиченко, будущий заместитель Примакова в Службе внешней разведке. В книге воспоминаний «Разведка: лица и личности» генерал-лейтенант Кирпиченко вспоминал, что Примаков поставил рекорд по количеству друзей:

— Через несколько недель пребывания в институте его уже знали все, и он знал всех. Быть все время на людях, общаться со всеми, получать удовольствие от общения и не уставать от этого — здесь кроется какая-то загадка. Скорее всего, это врожденное качество, помноженное на кавказское гостеприимство и южный образ жизни...

Среди его институтских приятелей — Юлиан Семенов, автор популярных романов (и сценария фильма «Семнадцать мгновений весны»), Герой Советского Союза

Зия Бунятов, в будущем академик Академии наук Азербайджана. Академик Бунятов станет активной фигурой в конфликте вокруг Нагорного Карабаха и полностью отдастся борьбе со своими армянскими оппонентами. О Бунятове Евгений Примаков вспомнит через много лет, когда в январе 1990 года Горбачев отправит его в Баку, куда введут войска для того, чтобы прекратить армянские погромы и попытаться восстановить порядок. Анализ ситуации покажет, какую провокационную роль сыграла в этой трагической истории националистически настроенная интеллигенция.

В 1951 году, на третьем курсе, Примаков женился на девушке из Тбилиси. Свадьбу, как положено, отмечали и в Москве, и в Тбилиси. Потом Примаков привез жену в Москву, и они не расставались до самой ее смерти. Они прожили вместе тридцать шесть лет.

Его жена Лаура Васильевна Харадзе училась тогда в Грузинском политехническом институте, после свадьбы ее перевели в Москву, в химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева. Лаура выросла в артистической семье. Ее тетья, Надежда Васильевна Харадзе, профессор тбилисской консерватории, была известной оперной певицей.

Но и сам Примаков не был чужд искусствам. Он писал стихи, о чем тогда знали только близкие люди, и участвовал в студенческой самодеятельности, пел забавные куплеты. Примаков занимался в научном кружке и не забывал о необходимой в ту пору общественной работе. Герман Германович Дилигенский, который со временем станет профессором и главным редактором академического журнала «Мировая экономика и международные отношения», помнил Примакова совсем молодым:

— Он стал одним из руководителей лекторской группы при московском обкоме комсомола. Тогда много было молодых людей, студентов и аспирантов, которые по комсомольской путевке ездили в трудовые коллективы читать лекции. Он руководил международной секцией. И видно

было, что он действительно руководит, командует. Он делал это очень умело. Он прирожденный лидер. Он стремится к этому, и он способен быть лидером...

В 1953 году Примаков окончил институт, специальность — «страновед по арабским странам». После института его взяли в аспирантуру экономического факультета МГУ, а это большое достижение для провинциального студента. Жилья своего не было, жил в общежитии, маленького сына Сашу они с Лаурой отправили к матери в Тбилиси.

Счастливые аспирантские годы пролетели быстро, но по истечении положенных трех лет диссертацию он не защитил. Зато написал первую свою книжку — «Страны Аравии и колониализм». Он стал кандидатом экономических наук в тридцать лет, уже работая на радио. Тема диссертации: «Экспорт капитала в некоторые арабские страны — средство обеспечения монопольно высоких прибылей».

Окончив аспирантуру, в сентябре 1956 года Примаков нашел работу на радио. Первая должность — корреспондент. Поступив работать на радио, Примаков вовсе не был уверен, что поедет когда-нибудь на Арабский Восток. В те времена за границу пускали немногих. Он уже видел немало профессоров-востоковедов, которые никогда не были в странах, о которых они так увлеченно рассказывали.

В сентябре 1953 года Примакова взяли в комитет по телевидению и радиовещанию и определили в главное управление радиовещания на зарубежные страны. Иновещание существует и по сей день, находится в том же здании на Пятницкой улице и называется сейчас «Голос России». Примаков, как многие международники, аспирантом подрабатывал на иновещании, в арабской редакции. Здесь для него и нашлась вакансия.

Иновещание было частью советской внешнеполитической пропаганды. Работавшие там журналисты писали комментарии на нужные темы, показывали текст начальству, после чего комментарий переводился на иностранный язык, и дикторы зачитывали его благодарным слуша-

телям в далеких странах. Работа на иновещании считалась хлебной, но неблагодарной. Там всегда неплохо платили, даже столовая в здании на Пятницкой была известна на весь город, но журналисты в определенном смысле были лишены плодов своего труда. То, что они писали, нельзя было прочитать или услышать на русском языке. Их творениями наслаждались неведомые люди где-то на другом конце света.

На иновещании начинали очень многие известные журналисты, но со временем они находили себе другую работу. За исключением, пожалуй, одного Валентина Сергеевича Зорина, который стал и доктором наук, и профессором, и известным тележурналистом, оставаясь сотрудником иновещания.

Примаков проработал на радио почти девять лет и постепенно рос в должности. Возглавил вещание на страны Арабского Востока, потом его сделали заместителем главного редактора. Его приняли в партию в 1959 году, и он мог рассчитывать на дальнейшую карьеру.

В годы службы на радио Примаков приобрел еще одного близкого друга, с которым они сблизятся, когда оба окажутся в «Правде», — это Томас Колесниченко:

— Мы познакомились где-то в 1956 году. Он работал на радио, в арабской редакции, а я в журнале «Современный Восток». Я писал ему на радио, он писал нам в журнал, и мы на этой, можно сказать, деловой почве познакомились и сразу подружились. Когда мы у него получали гонорар, шли в ресторан «Балчуг» рядом с радиокомитетом, не нынешний пятизвездочный отель, а был такой ресторанчик «Балчуг», заброшенный, маленький, и мы могли там посидеть, отметить приятное событие. А когда у меня гонорар получали — мы уже ходили куда-то в центр.

В роли министра иностранных дел и особенно главы правительства Примаков недолюбливал журналистов, считая, что многие из них пишут недостоверно и неточно. Но когда-то сам Евгений Максимович был очень заметным журналистом.

В те далекие времена молодой Примаков, как человек с Кавказа, был вспыльчив и горяч. Он был утонченно внимателен к женщинам и был готов драться, если ему казалось, что кто-то бросил косой взгляд на его женщину.

Как выяснилось, Примаков нравился отнюдь не всем. В 1958 году его включили в группу журналистов, которые освещали визит Никиты Сергеевича Хрущева в Албанию. Поездка за границу, да еще в свите Никиты Сергеевича, была большой честью. Но после Албании Примаков попал в «невыездные». Было такое понятие — люди, которым запрещался выезд за границу. Причем официально это не признавалось, и невозможно было получить объяснение: почему меня не пускают? Просто говорили: поездка нецелесообразна. «Невыездной» — значит, неблагонадежный....

Валентин Зорин:

— Были мы молодые, были мы уверенные в себе. Основные черты характера были заложены тогда, что и привело к изгнанию Примакова из системы инновещания. Он стал неуютен сектору радиовещания идеологического отдела ЦК КПСС, потому что отстаивал то, что считал правильным, а не делал то, что ему говорили. Так что жизнь далеко не всегда ему улыбалась...

Эта история не красит инновещание. Изгнали Примакова, потом Виталия Владимировича Журкина, еще одного будущего академика и директора Института Европы.

— Примаков всегда умел ладить с начальством. А что тогда произошло?

— Это тоже миф, что Примаков подходит под каждое руководство. Он подошел тому руководству, которое взялось за серьезную ломку старого. Ему не нужно подстраиваться ради карьеры. Он может отстаивать только то, во что он сам верит. Его карьера на радио была сломана после выступления на партсобрании, когда кураторы из ЦК решили, что человек с такими взглядами не может занимать пост в Госкомитете по телевидению и радиовещанию...

«Я весьма осязаемо почувствовал скверное отношение ко мне заведующего сектором ЦК, — пишет Примаков. — Может быть, ему не понравилось мое выступление на партсобрании, может быть, были какие-то другие причины, но я фактически оказался „невыездным“. „Рубили“ даже туристические поездки.

Тогда же была запущена легенда о моем происхождении. Мне даже приписали фамилию Киршенблат. Позднее я узнал, что в других „файлах“ мне приписывают фамилию Финкельштейн — тут уж вообще разведешь руками, непонятно откуда».

Ведь как забавно бывает в жизни. Человек, который выставил Примакова с иновещания, заведующий сектором радио, со временем уступил свое место в аппарате ЦК Александру Николаевичу Яковлеву, который станет другом Примакова и приведет его к Горбачеву в Кремль. Но тогда Примакова буквально заставили уйти из Гостелерадио. Формально Евгения Максимовича не уволили, он ушел сам и даже без выговора. Его просто вызвали и сказали: вам лучше подумать о другом месте. В те времена это было равносильно приказу.

Примаков фактически лишился работы. И вот счастливый случай. Валентин Зорин позвонил своему однокашнику — Николаю Николаевичу Иноземцеву. Он был тогда заместителем главного редактора газеты «Правда» и занимался как раз международным разделом.

Зорин сказал:

— У нас есть талантливый парень, остался без работы.

— Приводи, — ответил Иноземцев. — Только попозже, когда я полосы подпишу.

Полосы в «Правде» в те времена подписывались часов в двенадцать ночи. Зорин и Примаков приехали в редакцию в полночь. Просидели до двух часов ночи. Примаков понравился Иноземцеву. Николай Николаевич сказал:

— Я вас беру. Но поскольку вас заставили уйти с радио люди из отдела пропаганды, то сразу принять на работу в «Правду» я не в состоянии. В агитпропе прицепят

ся и помешают. Вам надо несколько месяцев где-то переждать.

— Где?

— В Институте мировой экономики и международных отношений, — придумал Иноземцев. — Вы же кандидат наук. Я позвоню директору — Арзуманяну и договорюсь.

Иноземцев пришел в «Правду» с должности заместителя директора этого института. Но еще не знал, что через несколько лет сам вернется в институт уже директором, и это будут его звездные годы.

Заодно Иноземцев вызвал заведующего отделом кадров «Правды»:

— Запросите соответствующие органы о возможности использовать Примакова в качестве нашего собственного корреспондента в одной из капстран.

Такой запрос отправлялся в отдел ЦК КПСС по работе с иностранными кадрами и выездам за границу. Этот отдел решал, кому можно ездить, а кому нельзя. На каждого выезжающего, кроме высших чиновников государства, отдел ЦК в свою очередь посылал запрос в комитет госбезопасности. Чекисты, покопавшись в архиве, давали два варианта ответа: в благоприятном случае — «компрометирующими материалами не располагаем», в неблагоприятном, напротив, сообщали о наличии таких материалов, ничего не уточняя.

В принципе окончательное решение принимали в отделе ЦК. Они имели право пренебречь мнением КГБ и разрешить поездку за рубеж. На практике в аппарате ЦК никому не хотелось принимать на себя такую опасную ответственность. Спрашивать КГБ, какими именно «компрометирующими материалами» они располагают, в отделе тоже не решались. И люди становились «невъездными», не зная, в чем они провинились...

— Все, — твердо сказал Иноземцев, — ты идешь на три месяца научным сотрудником к Арзуманяну. За это время ты перейдешь из ведения агитпропа ЦК в отдел науки, и я беру тебя в «Правду».

Таковы были номенклатурные правила. Взять изгнанного напрямую не рисковал даже заместитель главного редактора «Правды»...

Иноземцев сдержал слово. В сентябре 1962 года Примакова приняли в Институт мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР на должность старшего научного сотрудника только что созданного сектора экономики и политики слаборазвитых стран. Сектор был идеологизирован, не столько изучал, сколько проповедовал принятые тогда нелепые догмы. Ничего из того, что писали сотрудники сектора, не имело ни малейшего отношения к реальности... Когда выяснилось, что у КГБ нет претензий к Примакову и он является «выездным», то в декабре того же года его оформили в центральный орган ЦК КПСС — газету «Правда».

— А что касается этого деятеля из сектора ЦК, — сказал довольный Иноземцев, — то «Правда» вне пределов его влияния.

Примаков за эти несколько месяцев не успел вжиться в институтские дела. Он тогда не представлял, что эта временная пересадочная станция станет большим куском его судьбы и что он многие годы будет связан с Николаем Иноземцевым, который отправит его работать корреспондентом на Ближний Восток, потом возьмет к себе в институт и вообще сыграет в его жизни важнейшую роль.

В декабре 1962 года Евгений Примаков приступил к работе в «Правде» сначала обозревателем, а вскоре — заместителем редактора отдела стран Азии и Африки.

ОН ЗНАЛ ВСЕХ АРАБСКИХ ЛИДЕРОВ

В пятидесятые годы в редакции «Правды» существовали два иностранных отдела — собственно международный и отдел социалистических стран. Потом, в соответствии с веяниями времени, выделили еще и отдел стран Азии и Африки. В это время в редакцию «Правды» как раз и пришел Евгений Максимович. В его отделе трудились всего четыре-пять человек, чуть меньше, чем насчитывалось корреспондентов за рубежом, причем была ротация: поработав несколько лет за границей, корреспондент возвращался в редакцию, а на его место отправлялся кто-то из сотрудников отдела.

И Примаков, и другие правдисты-международники были молодыми людьми, которые много работали, но одновременно и наслаждались открывшейся перед ними увлекательной жизнью.

Всеволод Владимирович Овчинников проработал в «Правде» несколько десятилетий:

— В свободную минуту мы ходили через дорогу в Дом культуры, где продавали пиво и бутерброды с кильками. Конечно, в нашем буфете спиртное было табу. Но существует известный анекдот о том, как среди ночи кто-то с девятого этажа в «Правде» бросил пустую бутылку. Она упала на голову милиционеру, который ходил вниз. Приехал наряд из дежурной части. Они стояли внизу и ко всем выходящим из редакции принимались, чтобы выяснить, кто выбросил бутылку. Выяснилось, что от всех пахло водкой, только от тети Паши, лифтерши, пахло портвейном...

Примакова привел в газету Иноземцев. Но это не было назначением по знакомству. Евгений Максимович был настоящим специалистом по Арабскому Востоку.

Всеволод Овчинников пришел в газету раньше Примакова. Пока работал в Японии, Примаков был его начальником в отделе. Когда Овчинников вернулся из Японии, а Примаков, напротив, уехал на Ближний Восток, начальником стал Овчинников, возглавив отдел стран Азии и Африки.

Всеволод Овчинников:

— В редакции существовала некая кастовость: дальневосточники и ближневосточники держались отдельно. Ближневосточники считали, что никто, кроме них, профессионалов-арабистов, не в состоянии понять, что там происходит, и в то же время особого интереса к другим регионам не проявляли, считали, что они пуп земли. У Максимыча не было ни этой фанаберии, ни этой ограниченности. Он с большим интересом расспрашивал меня о Японии, о Китае, интересовался всякими параллелями, парадоксальными противоречиями между Японией и Китаем. И, рассказывая ему об этом, я чувствовал, что как бы в коня корм. Когда слушатель хороший, то по характеру дальнейших вопросов понимаешь, что он действительно интересуется и разбирается. И главное — хотя он был моим начальником, он не считал зазорным проявить свое незнание в чем-то, спросить, причем по делу спросить. Он умеет слушать. Это очень ценное качество. Одно дело, когда говоришь и чувствуешь, что у человека в одно ухо вошло, в другое вышло. А можно так реагировать на услышанное, что говорящему приятно и он понимает, что не зря сотрясает воздух. Вот Евгений Максимович как раз очень хороший, тонкий слушатель и умелый, говоря миллионским языком, раскалыватель людей. Он умеет разговорить человека, помочь ему раскрыться. Или заставить его раскрыться. Потом, когда я вернулся из заграничной командировки в редакцию, а он уехал, я чувствовал себя в ближневосточной тематике как на минном поле. Для меня все это было совершенно ново. Теперь я его подробно обо всем расспрашивал, когда он приезжал в Москву на короткое время. И многому у него научился. Потом мне

пришлось и государственные визиты освещать — в Египет, Сирию, Ливан, и я даже спекулировал именем Примакова в этих арабских странах, потому что когда имел дело с арабскими журналистами, с государственными чиновниками, одно его имя открывало многие двери и вызывало доверие...

Когда Примаков в 1965 году приехал в Египет, Арабский Восток бурлил. Этот мир был как кипящая лава, богатый материал для журналиста. Освободившись от чужой власти, арабский мир все никак не мог оформиться. Государства соединялись и раскалывались. Делился Йемен. В феврале 1958 года Сирия и Египет объединились и образовали Объединенную Арабскую Республику. Это было сделано с далеко идущими целями. Президент Гамаль Абдель Насер провозгласил, что в новое государство могут вступить все арабские страны. В Советском Союзе объединению двух стран не порадовались. В Сирии набирала силу коммунистическая партия по главе с Халедом Багдашем, поэтому открывались возможности для влияния на политику Сирии. Насер хотел управлять единым государством единолично, а кончилось это тем, что сирийские офицеры совершили переворот, и Сирия вышла из Объединенной Арабской Республики.

Переворот в Сирии и отказ сирийцев от объединения с Египтом был сильнейшим ударом по политике и престижу Насера. Впрочем, мало кто сомневался в том, что объединение было искусственным и отвечало только страстному стремлению Насера руководить всем арабским миром. Но пока Насер был жив, Египет назывался Объединенной Арабской Республикой. Гамаль Абдель Насер сохранял это название, потому что не мог признаться ни себе, ни другим в провале своей идеи.

Арабские политики в результате кровавых переворотов свергали предшественников, с которыми только что обнимались, и новые люди появлялись у власти. Они ненавидели друг друга и время от времени воевали между собой. Смена лидера, как правило, влекла за собой рез-

кую перемену политического курса. Арабский мир не мог решить, каким путем ему идти. Консервативные режимы тянулись к богатому Западу, к Соединенным Штатам в первую очередь. Молодые и радикально настроенные лидеры, напротив, искали помощи у Советского Союза. Во-первых, они не хотели иметь дело с западными странами, бывшими колонизаторами. Во-вторых, со стороны социалистическая система казалась им более справедливой. В-третьих, Советский Союз был готов помогать им на безвозмездной основе и снабжать оружием.

Приехав в Каир, Примаков погрузился в этот бурлящий мир, где традиционная восточная экзотика смешивалась с еще более экзотической политикой.

Президентом Египта был самый знаменитый в те годы ближневосточный политик Гамаль Абдель Насер, о котором Примаков будет много и часто писать — с симпатией и уважением. Насер был главным партнером и любимцем Советского Союза на Ближнем Востоке. Он пытался построить арабский социализм и этим был более чем важен для Москвы.

Примаков видел триумфальные выступления Насера перед египтянами, которые восторженно встречали своего вождя, и его трагедию, когда Египет потерпел сокрушительное поражение в шестидневной войне 1967 года. И в 1967 году, и позднее Примаков писал антиизраильские статьи и книги. Израиль тогда неизменно именовался агрессором. Современная история трактует события тех лет иначе.

Корреспонденции в «Правде» были далекими от истинного положения дел, но Примаков видел, что для Египта поражение в войне обернулось еще и тяжелыми экономическими проблемами, в том числе и потому, что был закрыт Суэцкий канал. Египет потерял нефтяные скважины на Синайском полуострове, которые давали шестьдесят процентов всей необходимой ему нефти.

Зато Примаков чувствовал, как египтяне благодарны Советскому Союзу за то, что Москва встала на сторо-

ну арабов и разорвала дипломатические отношения с Израилем. Это усилило влияние Советского Союза в третьем мире и на Ближнем Востоке.

Египет еще в большей степени стал зависеть от Советского Союза, потому что Насер начал бешено перевооружаться. Все его мысли были только о военном реванше. Армия съедала все деньги. Но Гамаль Абдель Насер уйдет из жизни раньше, чем увидит, как египетские вооруженные силы впервые смогут успешно противостоять израильской армии в октябре 1973 года... После его смерти в сентябре 1970 года политические симпатии Советского Союза постепенно перешли на Сирию. Она получала советскую помощь по полной программе. Но холодно-расчетливый президент Хафез Асад ничем не походил на горячего и искреннего Насера.

Впрочем, к этому времени Примаков уже вернется в Москву и из «Правды» перейдет в Институт мировой экономики и международных отношений.

Арабский мир, живой и непосредственный, нравился Примакову. Среди дружелюбных и гостеприимных людей, он чувствовал себя вполне уютно. И симпатии к арабскому миру останутся у Примакова навсегда.

Осенью 2006 года издательство «Российской газеты» выпустило его объемную книгу «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX века — начало XXI века)». Я воспринял ее как итоговый труд, это историческая и одновременно мемуарная книга. Евгений Максимович излагает историю современного Ближнего Востока, которая совершалась не только на его глазах, но и с его участием.

От каких-то оценок прежнего времени он отказался. Но в основе своей взгляды Евгения Максимовича на причины ближневосточного конфликта, мне кажется, не изменились. Характерно, что если Примаков пишет об «ошибках и заблуждениях» арабских властителей, то в отношении Израиля тон его куда суровее — «кровавые рас-

правы над арабским населением», «кровавая война израильской военщины»...

Его арабские собеседники описаны доброжелательно, с неизменным сочувствием, хотя некоторые из них запятали себя расправами с собственными согражданами. Израильских политиков он судит более строго. А такой известный и уважаемый в мире израильский политик, как лауреат нобелевской премии Шимон Перес, вообще вызывал у Примакова только отрицательные эмоции. Возможно, потому, что познакомились они еще в семидесятые годы, когда Перес спрашивал, как совместить слова советских представителей о стремлении к миру с поставками оружия арабам, которые не признают право еврейского государства на существование и сулят «сбросить израильтян в море»?

Может быть, Евгению Максимовичу больше импонируют жесткие и даже супержесткие политики. Во всяком случае, подходящими партнерами для переговоров он считал не либералов вроде Шимона Переса, а занимавших в разное время пост главы правительства Менахема Бегина и Беньямина Нетаньяху, которые в Европе, Соединенных Штатах и в самом Израиле считались крайне правыми и неуступчивыми.

Когда Примакова назначили министром иностранных дел России, его политические симпатии и антипатии оказались предметом тщательного изучения. Его взгляды трактовали упрощенно: враг Запада, друг Востока.

Томас Колесниченко:

— Когда он вернулся из Каира и мы вместе стали работать в редакции, то придумали серию небольших фельетончиков, которые подписывали псевдонимом Прикол — сокращение от Примаков-Колесниченко. Мы писали фельетоны чуть ли каждую неделю. Они стали популярны, их заметили. Все закончилось в один день, когда один из заместителей главного редактора, который был откровенным антисемитом, вдруг заявил:

— Что это за Прикол такой появился в «Правде»? Что за еврей? Убрать!..

С тех пор наши фельетоны перестали печатать.

Примаков, Колесниченко и еще один журналист-ближневосточник Игорь Петрович Беляев втроем написали книжку о шестидневной арабо-израильской войне. Дружеские отношения в молодости переплелись с творческими.

Примаков сначала жил в коммунальной квартире, потом получил квартиру в доме хрущевской постройки. Один раз Томас Колесниченко встречал его из командировки. И они попали в другой дом — совсем как в фильме «Ирония судьбы». Стояли рядом два дома одинаковых. Подъехали к подъезду, поднялись на этаж, видят, не туда попали... Забыли, в каком доме он живет. Потом Евгений Максимович получил небольшую, но приличную квартиру на Ленинском проспекте. Позвал на новоселье практически всех международных из «Правды». Многие в первый раз оценили, какой он умелый тамада. Впредь на всех неофициальных встречах редакционный коллектив единодушно избирал его тамадой.

Сирия — первая из арабских стран, попавших под власть военных: с тех пор, как в сорок девятом году последовали один за другим несколько военных переворотов. Франция в подмандатной Сирии поощряла набор в армию представителей национальных и религиозных меньшинств. Основная часть населения, арабы-сунниты, не хотели, чтобы их сыновья шли в армию и служили колонизаторам. Значительную часть офицерского корпуса составили алавиты и друзья. Они постепенно заняли высокие посты и принимали своих единомышленников в военные академии.

В марте 1963 года алавитские и друзские офицеры вместе с активистами сирийской ветви партии БААС совершили переворот. Они привели к власти генерал-лейтенанта Мохаммада Амина Хафеза, надеясь, что он будет номинальной фигурой.

Но генерал одолел молодежь и сконцентрировал в своих руках всю власть. Он стал главой государства, военным губернатором, председателем Национального во-

енного совета и премьер-министром Сирии. В сентябре 1965 года он сместил алавита генерал-майора Салаха Джадида с поста начальника генерального штаба. Но генерал Джадид не смирился с отставкой. Вместе с молодыми и честолюбивыми офицерами-алавитами он 23 февраля 1966 года сверг Хафеза. Пролилось много крови. К власти пришли молодые люди, выходцы из сельских районов, враждебно относившиеся к Насеру. Генерал Джадид был против союза с Египтом, боялся, что сирийская армия опять окажется под контролем египтян-суннитов.

Насер сразу же сказал советским дипломатам, что переворот — дело рук его врагов, правых сил. В Дамаск срочно командировали собственного корреспондента «Правды» на Ближнем Востоке Евгения Примакова. Аэропорт был закрыт. Попробовал на машине пересечь границу со стороны Ливана. Сирийцы не пропускали иностранцев. Примаков сел на чехословацкий самолет, который летел из Бейрута в Багдад через Дамаск, хотя его предупредили, что остаться в сирийской столице ему не удастся. И верно: из Дамаска его немедленно хотели отправить назад. Но счастливую роль сыграло примаковское умение заводить друзей. Он попросил разрешения позвонить одному из своих сирийских знакомых. Оказалось, что тот только что стал руководителем спецслужб Сирии. За Примаковым немедленно прислали машину.

Примаков первым из иностранцев встретился с главой правительства Сирии Юсефом Зуэйном.

«Во время баасистской демонстрации, — вспоминал Примаков, — я был приглашен на трибуну, где познакомился с Хафезом Асадом, в то время командующим военно-воздушными силами страны. Асада окружала группа прибывших с ним автоматчиков, которые напряженно вглядывались в шеренги проходивших мимо демонстрантов, — новая власть, судя по всему, еще не чувствовала себя в безопасности».

Примаков сообщил, что не надо бояться новых людей в Дамаске. Его вызвали в Москву, и в ЦК он подробно из-

ложил свои впечатления. Евгений Максимович не ошибся. После восьми лет изгнания вернулся на родину руководитель компартии Сирии Халед Багдаш. Он принадлежал ко второму поколению сирийских коммунистов, которые выдвинулись в результате «арабизации» партии, где прежде было слишком много армян. Спасаясь от турецких погромов, они нашли приют на территории Сирии и Ливана, прежде всего в Бейруте. Политика «арабизации» привела к почти полному вытеснению армян из компартии.

Один сирийский коммунист вошел в новое правительство, стал министром. Это было приятное, знаковое событие для Москвы. В других арабских странах коммунистов в основном сажали. В апреле 1966 года сирийская делегация во главе с премьер-министром Юсефом Зуэйном приехала в Москву. Сирия становилась не менее важным партнером, чем Египет. В сближении с Сирией Примаков сыграл заметную роль.

И с председателем исполкома Организации Освобождения Палестины Ясиром Арафатом Примаков был знаком со стародавних времен. Он мог запросто сказать Арафату:

— Помнишь, как мы сидели в Дамаске в маленькой комнате на твоей походной кровати накануне «черного сентября» в семидесятом году?

Глубокие познания и широкие связи в арабском мире помогут Примакову и в академической карьере, и в государственной.

Примаков много публиковался и помимо «Правды». Он писал книги для издательства Агентства печати «Новости» и для Политиздата — «Кто стоит за спиной Израиля» (1959), «Советский Союз — верный друг арабских народов» (1969), «Ближневосточный кризис — угроза миру» (1969), «Политика США на Ближнем Востоке» (1978, издано в Бейруте на арабском языке).

Главную свою книгу тех лет — «Египет: время президента Насера» — Примаков написал в сотрудничестве с правдистом Игорем Беяевым.

Томас Колесниченко рассказывал забавный эпизод. В «Правде» работал тогда еще заместителем главного редактора Виктор Григорьевич Афанасьев, доктор наук, профессор, приехавший из провинции. Потом он станет главным редактором «Правды» и академиком — на два года позже Примакова. Как-то спускается по лестнице Примаков, а навстречу идет Афанасьев, несет большую стопку книг. Увидел Примакова, говорит:

— Помоги мне донести книги.

Дал ему книги и спрашивает из вежливости:

— Ну, как дела?

Примаков весело рассказывает:

— Да вот, завтра диссертацию защищаю.

— Кандидатскую? — одобрительно спрашивает Афанасьев.

— Нет, докторскую.

Афанасьев немедленно перешел на «вы» и тут же забрал у него книги:

— Дайте, пожалуйста.

Евгений Максимович Примаков стал доктором наук в сорок лет, для гуманитария это очень рано.

Он человек с сильной волей. Кто защищался, знает, что перед защитой докторской диссертации не спишь, не ешь, масса дел, последние приготовления, волнуешься. А что Примаков? Он потом рассказывал:

— В одиннадцать защита. Я знал, что в десять мне надо быть в институте. Я в девять утра лег поспать и думаю — через полчаса надо проснуться. Прилег, заснул, ровно через полчаса проснулся и поехал защищать диссертацию...

Когда Примаков вернулся из командировки в Каир, заместитель главного редактора «Правды» Николай Николаевич Иноземцев уже ушел из газеты и возглавил Институт мировой экономики и международных отношений. Примаков приехал к нему повидаться.

Иноземцев решительно сказал:

— Хватит тебе сидеть в «Правде». Тебе надо переходить в науку. Иди ко мне заместителем.

Не каждый мог решиться уйти из «Правды». Работа в первой газете страны сулила как минимум постоянные командировки за рубеж. Каждая публикация в «Правде» была заметной. Но Иноземцев сделал Примакову предложение, от которого тот не мог отказаться. Как выяснилось потом, это был верный шаг. Евгений Максимович рассказывал, что его приглашал заместителем и Георгий Аркадьевич Арбатов, бывший работник ЦК и директор только что созданного в системе Академии наук Института США и Канады. Примаков выбрал более крупный Институт мировой экономики и международных отношений. Тем более что с Иноземцевым он уже работал.

30 апреля 1970 года Примаков был назначен заместителем директора Института мировой экономики и международных отношений Академии наук. Ему было всего сорок лет, для его возраста это была прекрасная научная карьера. ИМЭМО считался самым влиятельным и солидным институтом в сфере общественных наук.

Николай Иноземцев был самый молодой в ту пору академик. Примакова стал де-факто его первым заместителем. Иноземцев дорожил Примаковым. Они проработали вместе практически двадцать лет.

ИМЭМО пытался заниматься политическим и экономическим прогнозированием. Здравые оценки развития западной экономики, ясное дело, не совпадали с партийной пропагандой, которая обещала на политзанятиях скорый крах мирового капитализма. В 1971 году заместителя директора института Примакова вызвали в ЦК — объясняться на сей счет.

«Один из читателей нашего журнала, — вспоминает Примаков, — отставной генерал НКВД, пожаловался в ЦК на то, что во всех сценариях развития экономики до 2000 года фигурирует „еще не отправленный на историческую свалку“ капиталистический мир. Нас обвинили в ревизионизме, и пришлось писать объяснительную записку в отдел науки ЦК».

Иноземцев и Примаков верили в научно-технический прогресс. Думали — это рычаг, который двинет страну вперед. Институт писал записки в правительство с предложениями дать предприятиям свободу, отменить монополию внешней торговли, позволить производителям самим выйти на внешний рынок, но эти идеи не воспринимались.

К директору Примаков относился с пиететом, обращался исключительно на «вы» и по имени-отчеству: Николай Николаевич. Иноземцев много раз предлагал перейти на «ты»:

— Да брось ты, Женя, эти церемонии.

Примаков соблюдал политес. Это восточное воспитание.

Когда он только пришел, академические коллеги настоящим ученым его не признали, считали всего лишь умелым журналистом. Пренебрежительно говорили, что Примаков защитил докторскую диссертацию по книге — причем одной на двоих с журналистом Игорем Беляевым. Примаков и Беляев, тоже правдист, написали толстую книгу «Египет: время президента Насера» и решили на ее основе защитить докторские диссертации. Но это была тактическая ошибка: докторские диссертации — в отличие от книг — в соавторстве не пишутся. Ученый обязан продемонстрировать творческую самостоятельность.

Вспоминает один из сотрудников ИМЭМО:

— Они с Игорем Беляевым, два арабиста, принесли в институт совместную работу и хотели защититься. Им, как полагается, устроили так называемую предзащиту — это обязательное широкое обсуждение. Накидали множество замечаний, народ даже хихикал по поводу этого соавторства. Примаков и Беляев все правильно поняли, разделили свой труд, представили диссертации в новом виде и оба успешно защитили докторские...

Когда Примаков пришел в институт, достаточно было скептических настроений:

— Да кто он такой? Журналист (это слово научные работники произносили с оттенком пренебрежения)? А что он понимает в настоящей науке?

Но эти разговоры быстро закончились. Все увидели, что Примаков умелый организатор, а в академическом институте это редкость, потому что, как мне говорили его коллеги, «гениев много, а работать никто не умеет и не хочет». Он знал ближневосточный конфликт во всех его подробностях, во всех его скрытых и открытых сторонах, понимал подводные течения и взаимосвязи, со многими политиками, игравшими ключевую роль на Ближнем Востоке, был знаком лично.

Важно было и то, что Примаков пришел в институт, имея за спиной несколько лет работы за границей, причем в разных странах. В советские времена далеко не все ученые-международники видели страны, о которых писали. Многие доктора наук из Института мировой экономики и международных отношений за границей никогда не были. Во-первых, тогда вообще мало ездили, во-вторых, хватало и невыездных ученых, которых КГБ по анкетным причинам или же из-за «сомнительных» высказываний не разрешал выпускать из страны.

В Институте мировой экономики и международных отношений работал Георгий Ильич Мирский, один из лучших знатоков исламского мира. Они с Примаковым вместе учились. Евгений Максимович называл его «самым большим авторитетом». Мирский был у Примакова тамадой на банкете по случаю защиты докторской диссертации.

Мирский был невыездным тридцать лет. Писать об исламских странах ему позволяли, а посещать их — нет. Пускали его только в социалистические страны. Во время совместной поездки в Будапешт Примаков объяснял ему:

— У нас выезд в капстраны — это привилегия, ты же знаешь, и она дается только лояльным людям.

Желая помочь, опытный Примаков советовал Мирскому присмотреться к друзьям:

— Кто-то из близких к тебе людей стучит на тебя.

Мирский ответил:

— Женя, я не буду гадать, не буду даже об этом думать, иначе как я смогу жить?

Люди, которые работали с Примаковым в институте, называли его «Эжен». За глаза, разумеется. В глаза — по имени-отчеству, или «Женя» — кто поближе. А за глаза — «Эжен». Это не панибратство. Это отражало и теплое отношение коллег, хотя он бывал и строг. В институте быстро оценили его личные качества.

Когда после арабо-израильской войны в октябре 1973 года на Западе разразился энергетический кризис, Примаков возглавил работу по его изучению. Этот труд вышел под названием «Энергетический кризис в капиталистическом мире». Ситуационные анализы узловых проблем современности проводились в ИМЭМО постоянно.

Примаков был автором и редактором закрытых работ — то есть докладов и справок, снабженных грифом секретности и предназначенных исключительно для сведения начальства. Сотрудники института, опираясь на западные оценки состояния советской экономики, рисовали близкую к истине картину. Сила института состояла в том, что мировые дела сравнивались с нашими, и тогда становилось ясно, почему страна живет так плохо. Когда Примаков перешел в академический институт, он рассказывал друзьям:

— Знаешь, я за полгода узнал больше, чем за всю жизнь.

Иноземцев и Примаков превратили институт в мозговой центр для ЦК КПСС. Примаков стал видной фигурой в среде партийной интеллигенции, которая пыталась подтолкнуть руководство страны к разумному курсу. Работа в институте нравилась Примакову. Но в какой-то момент он почувствовал, что ему тесно в кресле заместителя директора. Он стал подумывать об уходе из института. Ему хотелось развернуться.

В конце 1976 года в институте заговорили, что Примаков уходит. Генеральный директор ТАСС Леонид Митро-

фанович Замятин, входивший в брежневское окружение, предложил ему должность своего заместителя. С номенклатурной точки зрения это было немалое повышение — должность приравнивалась к заместителю союзного министра, да еще в таком идеологически важном учреждении, да еще под крылом Замятина.

Вспоминает нынешний директор ИТАР-ТАСС Виталий Игнатенко:

— Примакова пригласили работать в ТАСС, и он почему-то решил со мной посоветоваться, стоит ли ему идти. Он пришел ко мне — я был тогда заместителем генерального директора — и спросил в лоб: как ты считаешь, надо мне сюда идти? Я представил себе, как такой блестящий ученый, душа общества — он был красивый, представительный — придет сюда, сядет, начнет с утра до вечера читать ленты информационных сообщений, быстро-быстро постареет... Может быть, он станет когда-нибудь генеральным директором, но зато не будет ученого Примакова. И я очень деликатно ему сказал: «Наверное, все-таки наука лучше».

— Я помню, как ему предложили пойти заместителем генерального директора ТАСС, — рассказывал Колесниченко. — Мы все, его товарищи, были в таком восторге.

А Иноземцев твердо сказал:

— Я против. Я не отпущу. Вот если бы его позвали директором ТАСС, тогда да.

Прятели удивлялись:

— Да вы что, Николай Николаевич, как его можно директором?

— А что? — теперь уже удивлялся Иноземцев. — Женя — готовый директор.

Иноземцев даже был обижен, что Примаков вроде бы готов принять предложение Замятина. Он вызвал Евгения Максимовича:

— Как же так? Неужели ты намерен уйти? Зачем тебе это? Ты должен стремиться в академики — это тебе на всю жизнь надежный тыл. Я поддержу тебя.

Назначение в ТАСС не состоялось. Зато Примаков стал директором Института востоковедения Академии наук. Когда Примаков в первый раз приехал в институт, его встречало все начальство. Ловили его взгляд, следили, как поведет себя новый хозяин, вычисляли, какие у него слабости. При его предшественнике установилось восточное почитание директора. Ждали чего-то подобного. Но Примакову это было не нужно. Когда он зашел пообедать в институтский буфет, это произвело сильнейшее впечатление на коллектив. Буфет академического института по тем временам был лучше вокзального, но хуже школьного...

— Исследования ислама, Ближнего Востока — это при нем все пошло вверх, — вспоминает доктор исторических наук Алексей Всеволодович Малашенко. — Надо еще иметь в виду, что это были восьмидесятые годы — агитпроп бдит, атеистическое воспитание еще существует. И при этом мы получили возможность достаточно объективно изучать ислам. Примаков выделил средства, ставки. Именно в эти годы наше исламоведение получило сильный импульс. Мы и сейчас вкушаем плоды того, что мы тогда еще затеяли. Он эти исследования поощрял, патронировал, покрывал, словом, давал возможность работать. При нем не было никаких скандалов. В те времена писать об исламе было сложно, но необходимо — сначала исламская революция в Иране, затем революция в Афганистане.

В 1982 году Примаков как директор Института востоковедения выступал на коллегии министерства иностранных дел, рассказывал о сложной и запутанной внутренней ситуации в Афганистане, не очень понятной и дипломатам. Обращал внимание на то, что в результате вторжения в Афганистан выросла роль исламского духовенства. В апреле 1983 года ЦК КПСС примет постановление «О мерах по идеологической изоляции реакционной части мусульманского духовенства». Но это уже не помогло. Те, кто ввел войска в Афганистан, поссорились с мусульманским миром, способствовали возрождению религиоз-

ных чувств мусульманского населения Советского Союза и стремлению исповедующих ислам народов к государственной самостоятельности.

В 1979 году Примаков стал по совместительству профессором Дипломатической академии, еще через десять лет — профессором Московского университета. 15 марта 1979 года его избрали действительным членом Академии наук. Это было ключевым событием в его жизни. Это пожизненное звание — вершина научной карьеры, свидетельство высокого социального статуса и некая гарантия материальных благ. Со временем он вернется в ИМЭМО — директором.

ПЕРВЫЙ ОПЫТ ТАЙНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Евгений Максимович Примаков сыграл свою роль в приходе Горбачева к власти. Сын покойного министра иностранных дел Андрея Андреевича Громыко — Анатолий Громыко, член-корреспондент Академии наук, лауреат Государственной премии, в 1985 году был директором Института Африки.

Громыко-младший вспоминает:

— Примаков обладал аналитическим умом и тонким чутьем, я бы даже сказал, невероятным нюхом на аппаратные игры не только в академии, но и на Старой площади. Мы с ним встречались часто. Я всегда помогал Евгению, он — мне...

По словам Анатолия Громыко, в последние дни жизни Черненко к нему в институт приехал Примаков. Разговаривать в служебном кабинете не стал, предложил прогуляться. На Патриарших прудах Евгений Максимович взял быка за рога:

— Анатолий, дело приобретает серьезный оборот. Черненко долго не протянет. Нельзя допустить, чтобы ситуация развивалась сама по себе. Кто придет после Черненко?

Громыко-младший рассказывал, что сразу понял: Примаков пришел к нему не просто так, а выяснить, намерен ли Громыко-старший бороться за пост генерального секретаря. Потом в эти разговоры был вовлечен будущий член политбюро Александр Николаевич Яковлев как близкий к Горбачеву человек.

Есть другая версия. В ней активной стороной выглядит сам Громыко.

Андрей Андреевич исходил из того, что человек — сам кузнец своего счастья, ничего не пускал не самотек

и до старости не позволяя себе расслабляться. Громыко сделал ставку на Горбачева. Закулисные переговоры взялся вести его сын Анатолий. Он по-товарищески обратился к Примакову, а тот передал конфиденциальную информацию Александру Николаевичу Яковлеву. Младший Громыко говорил Яковлеву, что отец с уважением относится к Горбачеву, а сам уже устал от МИД и мог бы поработать в Верховном Совете. Намек был понятен.

Горбачев передал через Яковлева — а тот дальше по цепочке Примаков — Анатолий Громыко, что высоко ценит Андрея Андреевича и готов сотрудничать. Иначе говоря, Горбачев принял условия старшего Громыко. После этого они встретились.

Анатолий Громыко утверждает, что в результате этих закулисных переговоров Горбачев и Громыко-старший достигли некой договоренности: после смерти Черненко Громыко выдвигает Горбачева на пост генерального секретаря, а сам не только не уходит на пенсию, как другие члены брежневского руководства, а, напротив, получает почетный пост председателя Верховного Совета СССР, то есть формально становится президентом страны. Должность безвластная, но она чудесно увенчала бы его блистательную карьеру.

Вот почему на заседании политбюро после смерти Черненко первым неожиданно для многих взял слово именно Громыко и предложил кандидатуру Горбачева на должность генерального секретаря. Этого оказалось достаточно: в политбюро не было принято спорить и называть другие имена. Члены политбюро единодушно проголосовали за Горбачева.

Потом Громыко, уйдя на пенсию, будет ругать Горбачева. Но Михаил Сергеевич честно выполнил свои обязательства перед Громыко. Он сохранил престарелого Андрея Андреевича в политбюро и сделал председателем президиума Верховного Совета СССР. Благодаря этому Громыко еще три года провел на Олимпе, тогда как остальных членов прежней команды Горбачев сразу разогнал.

Возможно, впрочем, что Громыко-младший, как это нередко случается с мемуаристами, несколько преувеличивает роль и отца, и собственную в приходе Горбачева к власти...

Михаил Сергеевич хотел отправить Примакова послом в Индию. Евгений Максимович наотрез отказался — индийский климат был противопоказан его жене Лауре Васильевне, страдавшей тяжелым сердечным заболеванием. Тогда в мае 1989 года Горбачев предложил Примакову куда более важный пост — возглавить одну из палат только что избранного парламента. Это был, конечно, большой поворот в его жизни.

10 июня 1989 года новый Верховный Совет начал работу с избрания председателей палат. Горбачев предложил на роль председателя Совета Союза Евгения Максимовича Примакова, ставшего народным депутатом по списку КПСС (сто партийных депутатов получили свои мандаты безальтернативно, посему именовались «красной сотней»).

Примакову задали много вопросов. Отвечал он толково, уверенно. Избрали его почти единодушно при трех воздержавшихся. Горбачев уступил ему председательское место, и Примаков повел заседание дальше.

Евгений Максимович неохотно согласился на пост председателя Совета Союза. И быстро убедился в том, что был прав в своих сомнениях. Несколько раз говорил друзьям, что был бы рад поскорее избавиться от этой должности. Повторял:

— Это не мое.

Основные заседания Верховного Совета проводились совместно, их вел или сам Горбачев, или его первый заместитель Анатолий Иванович Лукьянов, общение с которым было лишено приятности. Председатели палат должны были присутствовать при сем, сидеть в президиуме и в случае необходимости ассистировать, то есть в основном помалкивать. Но и когда палаты заседали отдельно и для председателя Совета Союза находилось занятие, эта работа вовсе не вдохновляла Примакова. И многие депутаты

были недовольны его манерой ведения заседаний, обижались, говорили, что мрачный спикер их поучает.

Вот как об этом периоде своей жизни рассказывал мне сам Примаков:

— Мне в Верховном Совете знаете из-за чего не нравилось работать? Из-за телевизионщиков. Я сидел за трибуной, за выступающим. А тогда был всплеск интереса к работе Верховного Совета, так что когда я потом смотрел телевизионный отчет о заседании, то все время видел себя засыпающим... А действительно иногда хотелось заснуть. Это очень трудно — высидеть целый рабочий день, не вставая, и слушать. словно летишь на самолете из Москвы в Токио. Но в самолете можно журнал почитать, тебе виски наливают. Или водки — это еще лучше... А здесь только сидишь. Когда я пришел в Верховный Совет, началась его демократизация. Мне казалось, что я могу вести заседание, как в Академии наук: приглашать выступить, затем сделать резюме сказанного и предложить другим обсудить эти идеи. Мне сразу сказали: кто ты такой? Ты должен предоставлять депутатам слово и больше ничего... Вот такая была моя должность на виду — беспрерывное сидение. Кроме того, конечно же, была и серьезная законодательная работа, которая проходила без присутствия телекамер. Но я все равно взмолился, сказал: не могу больше! Хотя это была почетная должность...

В роли председателя Совета Союза Примаков возглавил парламентскую комиссию по привилегиям. Депутаты и пресса требовали покончить с привилегиями партийно-государственного начальства.

В сентябре 1989 года его избрали кандидатом в члены политбюро. Евгений Максимович отнесся к этому на диво спокойно, хотя это было вознесением на политический олимп. Когда он после пленума ЦК вышел на улицу, его уже ждала не «волга», а «ЗИЛ» с охраной.

Один знакомый профессор встретил его после пленума. Искренне пожал ему руку:

— Поздравляю, Евгений Максимович!

Тот недоуменно переспросил:

— С чем?

— Как с чем? С избранием в Политбюро!

Примаков пренебрежительно махнул рукой:

— Фигня все это.

И пошел дальше.

Как положено по номенклатурным правилам, Примаков полетел в отпуск уже не обычным рейсом «Аэрофлота», а спецсамолетом в сопровождении охраны. Собственный самолет полагался всем членам и кандидатам в члены политбюро. Но газета «Рабочая трибуна» написала именно о том, что на спецсамолете летает официальный борец с привилегиями Евгений Максимович Примаков. Эта история не улучшила его отношения к газетам и журналистам. Он решил, что эта акция организована кем-то из его «доброжелателей»...

На сессии Верховного Совета Примаков подробно доложил депутатам, какие именно привилегии существуют и кто ими пользуется. Речь шла об охране, государственных дачах, медицинском обслуживании и снабжении продуктами. Тогда депутаты требовали все это отменить, уравнять начальство с простым народом.

Самое тяжкое испытание на долю Примакова-политика выпало в январе 1990 года. Он впервые должен был принимать решения, когда речь шла в буквальном смысле о жизни и смерти людей.

События вокруг Нагорного Карабаха повлекли за собой кровавые последствия: исход армян из Азербайджана, азербайджанцев из Армении. Вслед за армянской резней в Сумгаите, которая осталась безнаказанной, 13 января 1990 года начались армянские погромы в Баку. Они переросли в настоящий бунт, в восстание против слабой и неумелой власти. Выплеснулось долго копившееся недовольство. Это был не только национальный, но и политический, и социальный конфликт.

Руководство республики не могло справиться с происходящим. Горбачев отправил в Баку кандидата в члены политбюро Примакова и нового секретаря ЦК КПСС по

национальным делам Андрея Николаевича Гиренко, профессионального партийного работника с Украины. Гиренко прежде руководил Крымским обкомом, а там проблема с крымскими татарами, так что он считался специалистом по национальным делам.

Прилетев в Баку, они сообщили в Москву, что беспорядки продолжают, остановить их не удастся, местная власть утратила всякий авторитет, не контролирует ситуацию. Фактически колеблется вся республика.

Примаков встречался с активистами оппозиционного Народного фронта Азербайджана, представителями интеллигенции, журналистами, 18 января он выступал на митинге, пытаясь убедить многочисленную толпу, собравшуюся на площади, успокоиться и разойтись. Его слушали, но не расходились. Разговоры не помогали. Люди ждали каких-то действий.

19 января 1990 года президиум Верховного Совета СССР своим указом ввел чрезвычайное положение в Баку в связи с «попытками преступных экстремистских сил насильственным путем, организовав массовые беспорядки, отстранить от власти законно действующие государственные органы и в интересах защиты и безопасности граждан».

Москва требовала прекратить беспорядки и восстановить власть в республике. Но как? Единственной силой, способной на это, казалась армия. Тогда шутили: советская власть в Закавказье — это воздушно-десантные войска плюс военно-транспортная авиация.

Тульской воздушно-десантной дивизией командовал полковник Александр Иванович Лебедь, которому еще только предстояло стать знаменитым. В ночь с 19-го на 20 января его десантники начали входить в город. Союзные войска пришли слишком поздно, чтобы остановить армянские погромы. В Азербайджане восприняли ввод войск как шок, как вторжение иностранной армии, как оккупацию. Бакинская молодежь пыталась противостоять вводу войск. Солдаты прорывались через баррикады, через перегородившие дороги грузовики под огнем стрелко-

вого оружия и градом камней. Десантники пустили в ход оружие. В ночном бою погибло около двухсот человек.

Фактически республика вышла из подчинения Москвы.

В ночь на 21 января собрался Верховный Совет Азербайджана. Он приостановил действие союзного указа об объявлении в Баку чрезвычайного положения и потребовал вывести войска из города. Действия войск министерства обороны, МВД и КГБ СССР были признаны противоправными.

В кровопролитии стали обвинять и Примакова, считая, что это именно он вызвал войска в Баку и как старший по партийному званию руководил их использованием.

Виталий Игнатенко:

— Он вернулся из Баку больным человеком. Он как никто понимал национальный характер людей, с которыми случилась такая беда, и невероятную ответственность, которую на него возложили. Но то, что там события не развились в более жесткие и кровавые формы, это заслуга Примакова и тех, кто с ним там был. Он сумел все-таки остановить кровопролитие, дальше стало проще.

В марте 1990 года Примаков, к своему величайшему облегчению, освободился от обязанностей в Верховном Совете. Горбачев назначил его членом новой структуры — Президентского совета.

В декабре 1990 года на съезде народных депутатов предстояло впервые избрать вице-президента СССР. Горбачев перебрал много кандидатур. Возникла фамилия Примакова. Горбачев выбрал бывшего комсомольского функционера Геннадия Ивановича Янаева и совершил большую ошибку. Примаков — в отличие от Геннадия Янаева — никогда бы не предал своего президента. Августовского путча бы не было, и, может быть, в каком-то виде сохранился бы Советский Союз...

ДРУЖЕСКИЕ ОБЪЯТИЯ С САДДАМОМ ХУСЕЙНОМ

Важную роль в его биографии сыграла первая война против Ирака. Это была одна из тех стран, которые он хорошо знал. Неудивительно, что в иракском кризисе ему предстояло сыграть одну из главных скрипок.

У Саддама Хусейна возникли проблемы с деньгами. Он восемь лет вел бессмысленную войну с соседним Ираном. Туда ухнули все заработанные им нефтедоллары, и внешний долг Ирака составил фантастическую сумму. Саддам решил поправить финансовое положение за счет соседнего Кувейта. Он давно хотел оккупировать Кувейт. В Багдаде вообще не признают самостоятельность Кувейта, считают его частью Ирака.

Это маленькое и беззащитное государство, богатое нефтью. Иракский президент считал, что за Кувейт никто не вступится. Кстати, Ирак должен был Кувейту, который помогал Саддаму во время войны с Ираном, восемнадцать миллиардов долларов. Саддамом руководила логика уголовного преступника: зачем отдавать долг, когда можно убить кредитора...

Летом 1990 года Саддам обвинил Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты в том, что по их вине упала цена на нефть, поэтому Ирак теряет миллиарды долларов. Кроме того, Кувейт обвинили в том, что он захватил иракские нефтяные поля в южной части пограничного района Румейла (в реальности эти месторождения находятся на территории Кувейта).

«Таким образом, — писал министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз генеральному секретарю Лиги арабских стран, — Кувейт дважды нанес вред Ираку. Во-пер-

вых, подрывая его экономику в период тяжелых испытаний, а во-вторых, украл его богатства».

Саддам Хусейн заявил, что Кувейт «совершает экономическую агрессию» против Ирака. Он потребовал заплатить ему компенсацию, а заодно списать многомиллиардный долг. 19 июля он двинул свои войска к границе.

2 августа 1990 года иракские войска вошли на территорию Кувейта. Там было создано марионеточное правительство, которое «попросило» Саддама принять Кувейт в состав Ирака. 8 августа Совет революционного командования удовлетворил «просьбу кувейтских братьев». Кувейт был объявлен девятнадцатой провинцией Ирака. Кувейтские деньги и кувейтская нефть достались Саддаму. Иракцы приступили к разграблению страны.

Практически весь мир выразил протест против иракской агрессии. Но Саддам Хусейн дипломатических протестов не боялся. Он был уверен, что Соединенные Штаты и Советский Союз окажутся по разные стороны баррикад. Но Москва и Вашингтон осудили Саддама Хусейна и призвали международное сообщество объявить эмбарго на поставки оружия Ираку. Саддам промахнулся.

Евгений Максимович сказал Горбачеву, что сумеет убедить иракского лидера вывести армию из Кувейта. Главное — позволить Саддаму уйти с достоинством: арабский лидер не может потерять лицо, для него это равнозначно смерти. Таковы традиции Востока. Министр иностранных дел Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе был против сепаратной дипломатии и поездки Примакова в Ирак. Он доказывал Горбачеву, что Саддам истолкует появление Примакова как выражение поддержки. Но Горбачев мечтал: а вдруг Евгений Максимович с его опытом работы на Ближнем Востоке, с его широкими и давними знакомствами, с его обаянием, с его знаниями их традиций сумеет объяснить иракцам, что их ждет, и Саддам выведет войска?

В шестидесятые годы корреспондент «Правды» Примаков побывал и в Багдаде. Он подружился с иракским журналистом Тариком Азизом, таким же веселым и живым

человеком. Азиз, в свою очередь, познакомил советского коллегу со своим другом Саддамом Хусейном. Они стали обращаться на «ты» и называли друг друга по имени.

5 октября 1990 года Саддам принял в Багдаде Примакова. Он говорил московскому гостю, что Кувейт — исторически часть Ирака, поэтому он не выведет свои войска. Поскольку он разговаривал с советским гостем один на один, Саддам откровенно добавил:

— Вы понимаете, что после того, как я отказался от всех результатов восьмилетней войны с Ираном, иракский народ не простит мне безоговорочного вывода войск из Кувейта.

Примаков ожидал большего успеха от своей поездки. Вернувшись, он предложил Горбачеву: попробуем уговорить Саддама уйти, обещав ему заняться решением судьбы палестинцев. Горбачев поручил Шеварднадзе действовать вместе с Примаковым. Но министр иностранных дел не был согласен с Примаковым: любые обещания Саддаму, любая готовность уступить ему, согласиться с его требованиями создают у него ощущение, что он на правильном пути, что он сможет настоять на своем, если только проявит упорство.

Спор между Шеварднадзе и Примаковым разгорелся нешуточный. Перешли на личности, в Примакове вспыхнул его грузинский темперамент.

Евгений Максимович сам признавался, что вспылил:

— Это меня, который занимается Ближним Востоком со студенческих времен, поучаете вы, закончивший заочно педагогический институт в Кутаиси?

Вмешался Горбачев:

— Евгений, прекрати сейчас же.

Евгений Максимович уговаривал американцев дать Саддаму возможность уйти, сохранив лицо. В частности, оставить ему хотя бы два кувейтских острова и нефтяное месторождение, которые, собственно, и стали предметом спора с Кувейтом. И обещать ему, что будет созвана международная конференция для обсуждения палестинского вопроса.

Американцы отвечали, что такого рода уступки агрессору неприемлемы:

— Получится, что Саддам Хусейн, оккупировав Кувейт, получил то, что хотел. Он превратится в глазах арабов в величайшего героя, способного навязать свою волю мировому сообществу. Уступки приведут со временем к еще более кровопролитной войне...

19 октября, во время встречи в Белом доме Примаков рассказал президенту США Джорджу Бушу, что, по его наблюдениям, приближенные Саддама плохо его информируют и иракский президент пребывает в уверенности, будто мир его поддерживает.

Примаков пересказал Бушу слова, сказанные ему Саддамом: «Я реалист, я знаю, что мне придется уйти из Кувейта, но я не могу уйти просто так. Если передо мной будет выбор — уйти или сражаться, я буду сражаться до смерти».

Евгений Максимович внушал Бушу:

— Не загоняйте Саддама в угол, иначе он и будет сражаться до последнего. Ему надо помочь найти путь к политическому решению.

Буш решительно возразил Примакову:

— Я не понимаю, что значит помочь Саддаму найти путь к политическому решению? Саддам совершил преступления, сравнимые с гитлеровскими. Как же можно идти на уступки такому человеку? Возвращайтесь и скажите Саддаму, что я не собираюсь идти на уступки.

Буш отправил Горбачеву шифротелеграмму, возражая против любых попыток помочь Саддаму спасти лицо. Примаков понял, что вопрос будет решен военным путем.

Примаков еще раз полетел в Багдад — уже в другом настроении. Саддам принял его в присутствии всех членов Совета революционного командования. Примаков рассчитывал на более плодотворную беседу в узком составе.

Саддам играл в свои игры. Он объяснил Примакову:

— Я хочу, чтобы ты видел, что среди иракского руководства есть не только ястребы, но и голуби.

Примаков заметил, что предпочел бы иметь дело только с голубями. Вице-президент Таха Ясин Рамадан ответил:

— Тогда придется нам всем уйти отсюда, оставив вас наедине с нашим любимым лидером.

Это был спектакль, а не переговоры. В подобной обстановке сколько-нибудь откровенный разговор становился практически невозможным. Примаков все-таки предупредил Саддама:

— Вы меня знаете давно и понимаете, что я говорю вам только правду. Если вы не уйдете из Кувейта, по Ираку будет нанесен удар.

Саддам ответил, что не может уйти, пока не решен вопрос о полном выводе американских войск из Саудовской Аравии, пока Ираку не обеспечен выход к морю и не решена палестинская проблема. Иракский президент все еще считал, что он может торговаться. Примакову не оставалось ничего иного, кроме как развести руками и вернуться в Москву.

В ночь с 16-го на 17 января 1991 года многонациональные силы, размещенные на территории Саудовской Аравии, нанесли первый авиационный удар по армии Ирака, захватившей Кувейт. Началась операция «Буря в пустыне».

Горбачев и Примаков надеялись хотя бы уберечь Ирак от наземной операции. Евгений Максимович вновь отправился к Саддаму. Добираться пришлось сложным путем, на машинах, через соседний Иран. 12 февраля в Багдаде, когда город бомбили, Примакова тепло принял Саддам. Они обнялись. Примакову продемонстрировали следы разрушений от бомбардировок. Иракское телевидение снимало каждый шаг советского гостя, эти кадры с помощью американской телекомпании «Си-Эн-Эн» увидел весь мир.

Евгений Максимович осуждал действия американцев:

— Бойня должна быть прекращена. Я не говорю, что раньше война не была оправдана, но ее затягивание не может быть оправдано ни с какой точки зрения. Целый народ гибнет.

Примаков уговаривал Саддама немедленно заявить об уходе из Кувейта, тогда боевые действия сразу прекратятся. Саддам обещал подумать. Он тянул время. 24 февраля 1991 года в четыре часа утра по местному времени в Персидском заливе началась наземная операция. Войскам антииракской коалиции понадобилось два дня, чтобы раздавить армию Саддама. Она не могла оказать сопротивления. В первый же день сдались в плен десять тысяч иракских солдат. Спасаясь от неминуемой катастрофы, униженный Саддам капитулировал. Он испугался, что или американцы доберутся до него и посадят на скамью подсудимых, или его собственные генералы, спасая себя, уничтожат «любимого президента».

В августе 1991 года Примаков отдыхал с внуком в санатории «Южный» неподалеку от Фороса. 19 августа Примаков вылетел из Симферополя в Москву. Не знал, что ждет его во Внуково. Примаков позвонил в Москву своему другу Владимиру Бураковскому, попросил на всякий случай приехать в аэропорт — если что-то случится, чтобы было кому позаботиться о внуке.

Аркадий Иванович Вольский, бывший помощник генерального секретаря ЦК КПСС, вспоминал в своем последнем интервью «Известиям», опубликованном после его смерти в сентябре 2006 года:

— Одну ночь у меня провели Примаков и Бакатин. Спали на диване. Я им комнату отвел напротив своего кабинета. Угроза ареста была вполне реальной, поскольку они как члены Совета безопасности отказались поддержать ГКЧП.

20 августа в кремлевском кабинете члена Совета безопасности Примакова собрались Вадим Бакатин, президент Научно-промышленного союза Аркадий Вольский, Вениамин Александрович Ярин, который работал в аппарате президента, и недавний член политбюро Вадим Андреевич Медведев. Решили прежде всего сделать заявление по поводу происходящего и передать по каналам ТАСС. Составили текст:

«Считаем антиконституционным введение чрезвычайного положения и передачу власти в стране группе лиц. По имеющимся у нас данным, Президент СССР М. С. Горбачев здоров. Ответственность, лежащая на нас как на членах Совета безопасности, обязывает потребовать незамедлительно вывести с улиц городов бронетехнику, сделать все, чтобы не допустить кровопролития. Мы также требуем гарантировать личную безопасность М. С. Горбачева, дать возможность ему незамедлительно выступить публично».

Утром 20 августа Примаков зашел к вице-президенту Геннадию Янаеву, пребывавшему в мрачном состоянии. Янаев сидел за письменным столом и читал газету «Правда». На первой полосе — подписанные им указы.

— Ты в своем уме? — спросил Примаков.

По словам Евгения Максимовича, вице-президент растерянно ответил:

— Если бы отказался, как тогда, в апреле... А что же сейчас делать?

Примаков сказал Янаеву, что ему надо немедленно поехать на телевидение, в прямом эфире распустить ГКЧП, осудить путч и покаяться. Это единственное, что может его спасти.

Янаев был растерян:

— Женя, поверь, все уладится. Михаил Сергеевич вернется, и мы будем работать вместе.

— Что-то не верится, — сказал Примаков. — Нужно немедленно убрать танки с улиц Москвы.

Янаев не нашел, что сказать, кроме сакраментального:

— Надо подумать.

Примаков вернулся к себе и позвонил председателю Верховного Совета Анатолию Ивановичу Лукьянову. Прочитал ему заявление, составленное вместе с Бакатиным. Лукьянов выслушал и твердо сказал:

— Публиковать это не надо.

Примаков ответил:

— Заявление уже опубликовано.

21 августа Вольский и Примаков провели пресс-конференцию и сразу же уехали на аэродром — лететь к Горбачеву в Форос. Они полетели в самолете российского руководства. Там были вице-президент России Александр Владимирович Руцкой, глава российского правительства Иван Степанович Силаев, министр юстиции России Николай Васильевич Федоров и тридцать шесть офицеров милиции с оружием.

На обратном пути в самолете все собрались в салоне у Горбачева. Примаков и Бакатин рассказали о своем заявлении, показали текст, Раиса Максимовна взяла его себе на память.

Мужественное поведение Евгения Максимовича было оценено по достоинству. Сразу после путча он оказался одним из самых близких сотрудников Горбачева, но без должности. Из членов Совета безопасности остались только Примаков и Бакатин, так что совет уже практически не существовал. Бакатин получил назначение в КГБ, а Евгений Максимович сидел без дела. Думали, его сделают министром иностранных дел. Примаков был не прочь. Что помешало? Ельцин не проявил энтузиазма? Или Горбачеву не хотелось объясняться с американцами, которые невзлюбили Примакова после поездки к Саддаму Хусейну? Министром назначили Бориса Дмитриевича Панкина, посла в Чехословакии, который смело выступил против путчистов.

Вадим Медведев:

— Примаков находился и в неопределенном положении, и в сложном психологическом состоянии, которое через некоторое время разрядилось — неожиданно для многих он возглавил разведку.

В ЛЕС И ИЗ ЛЕСА

Появление в лесу, как сами разведчики именуют собственную штаб-квартиру в Ясенево, академика Примакова оказалось для многих неожиданным и странным. И я тогда думал, что Евгению Максимовичу не хватит административного опыта, приобретенного Бакатиным на постах первого секретаря обкома и министра внутренних дел. Такой опыт необходим для того, чтобы подчиненные не могли водить пришлого начальника за нос, шаманя и ссылаясь на специфику службы. Думали, что Бакатин пришел надолго, сулили ему бурную политическую карьеру. А Примакова считали проходной фигурой.

Назначение Бакатина подчиненные встретили с трудно скрываемым раздражением. Он действовал жестко, и его просто возненавидели. К облегчению чекистов, правительство отправило его на пенсию — в пятьдесят пять лет. В Кремле ему не простили отказа баллотироваться в 1990 году вместе с Ельциным в качестве кандидата на пост вице-президента.

Отношение же к Примакову изменилось к лучшему. Он не противопоставил себя аппарату, а совсем наоборот — постарался стать своим.

Казалось, что, завоевывая сердца своих новых подчиненных, он поступает демократическими завоеваниями. Смущало, что в новом законе об оперативно-розыскной деятельности среди ведомств, которые могут на территории России (внутри страны!) заниматься прослушиванием телефонных разговоров, чтением чужой почты, слежкой, а также наделены правом проводить обыски и аресты, значится почему-то и Служба внешней разведки. А кого внешняя разведка собирается аресто-

вывать внутри страны? Разве разведка этим должна заниматься?

Ни Центральное разведывательное управление Соединенных Штатов, ни Федеральная разведывательная службы в Германии, ни британская разведка МИ-6 не обладают такими правами. Более того, они лишены их сознательно, чтобы разведка не превращалась в еще одну спецслужбу, трудно контролируемую и опасную для общества.

Всей полнотой прав, что означало полнейшее бесправие для других, обладал КГБ. Зачем новый закон передал опасное для общества наследство Службе внешней разведке?

Примаков не собирался заниматься внутренним сыском, но он позаботился о том, чтобы разведка ни в чем не уступала другим спецслужбам. Он вел себя как рачительный хозяин. И это нравилось его подчиненным.

Важнейшее испытание на лояльность Примаков прошел после встречи в Беловежской пуще в декабре 1991 года. Ельцин и его окружение тревожились: не попытается ли Горбачев в последний момент сохранить власть силой?

Министр внутренних дел Виктор Баранников был человеком Ельцина. Министр обороны маршал Евгений Шапошников тоже поспешил присягнуть Ельцину на верность. А как себя поведут руководители спецслужб Бакатин и Примаков? Это беспокоило российскую власть.

9 декабря 1991 года Примакова без объяснения причин попросили приехать из Ясенево на Лубянку. В кабинете Бакатина глава российской госбезопасности генерал Виктор Иваненко передал им обоим настоятельное пожелание российского правительства проявить благоразумие, иначе говоря, не сопротивляться неизбежному распаду Советского Союза и переходу власти к Ельцину. Предупреждение было напрасным — Примаков уже присягнул российской власти...

После встречи трех лидеров в Беловежской пуще, подписавших соглашение о создании Содружества независи-

мых государств, президент СССР Горбачев собрал своих советников, тех, на кого мог рассчитывать, и задал вопрос: что будем делать?

Горбачевские люди говорили о том, что не надо сдаваться, что союзные структуры должны продолжать работать. Примаков был осторожнее, сказал, что нужно принять совершившееся, а к России, Украине и Белоруссии, вполне возможно, присоединятся и другие республики.

10 декабря Горбачев вновь собрал ближний круг — Александра Николаевича Яковлева, министра внешних сношений СССР Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе, московского мэра Гавриила Харитоновича Попова, главу союза промышленников и предпринимателей Аркадия Ивановича Вольского, Григория Ивановича Ревенко, руководителя своего аппарата, Егора Владимировича Яковлева, нового председателя Гостелерадио, и, конечно же, Бакатина с Примаковым,

Горбачев сказал, что получил распоряжение о переводе управления правительственной связи под юрисдикцию России. Как быть?

Помощник Горбачева Георгий Хосроевич Шахназаров резко ответил, что это переворот, что завтра придут опечатывать кабинеты. Примаков спокойно заметил:

— У вас нет никаких силовых возможностей помешать действиям российского руководства. На армию не опереться. Международные силы будут взаимодействовать с республиками.

Иначе говоря, Примаков предлагал Горбачеву примириться с неизбежностью. Сам Евгений Максимович не собирался конфликтовать с российской властью.

А как после нескольких месяцев совместной работы оценивали Примакова сотрудники разведки? Вот что я услышал от тех, кто в те годы работал в Ясенево:

— Всем понравилось, что он стал называть себя директором, а не начальником. Само отделение от КГБ было хорошо воспринято. И то, что он потом воспрепятствовал вливанию разведки назад в общую структуру госбезопас-

ности, — за это ему тоже спасибо. Разведка — все-таки не часть репрессивного аппарата.

И то, что он воинское звание себе не присвоил, тоже было хорошо оценено. Люди каждую звездочку годами добывают, а тут ни дня не проработавший в разведке начальник сразу получает генеральские погоны... Это было расценено как поступок серьезного, солидного человека. Погоны в его положении — детская шалость.

Разведчики согласились с тем, что во главе разведки не обязательно должен стоять профессионал, который знает все эти забавные дела — как от наружки уходить и с агентами тайно встречаться. Нужен политик с широким кругозором и с авторитетом у высшего руководства страны.

Примакову были благодарны за то, что кадровых чисток он не проводил, все вверх тормашками не переворачивал, а, напротив, способствовал консолидации и без того крепко сбитого аппарата. Принимая кадровые решения, он всегда советовался со своими заместителями. Иногда и шире был круг тех, с кем он обсуждал кандидатуру — это зависело от того, на какую должность искали кандидата.

Даже близкие к нему люди не знали, принял ли он уже заранее решение и заместителей собирал всего лишь для проформы? Или же, наоборот, собирался целиком довериться мнению коллег? Но ритуалу этому он придавал большое значение. А может быть, это и не ритуал вовсе. Совета он спрашивал всегда и выслушивал внимательно. И только в самый крайний момент, если на него кто-то крепко жал, он мог сказать:

— Ну, разрешите мне быть директором!

Мягко так... «Разрешите»...

Он звонил своим коллегам — например, заместителям, начальникам департаментов:

— Добрый день. Это Примаков.

Всегда представлялся. Как будто его по голосу не узнали бы. Потом спрашивал:

— У вас минуточка есть? Вы не очень заняты?

А ведь большинство руководителей считает: если я звоню, то надо все бросить. Какие уж там дела, если директор звонит! У Примакова не так. Он воспитанный человек.

Он сразу показал, что считается с ветеранами службы. Они в Ясенево уже не работают, свободны от воинской дисциплины и могут резко высказываться — кто в силу возраста, кто в силу того, что не сложилась карьера. Но Примаков не считал, что раз в ассоциации ветеранов состоят люди вчерашнего дня, так и нечего с ними разговаривать, время тратить. Он собрал бывших руководителей разведки, заместителей, бывших начальников крупных подразделений, говорил с ними, совета спрашивал. Может быть, и это ритуал. Но в службе оценили, что он считал это необходимым. Евгений Максимович создал Совет ветеранов Службы внешней разведки и поставил во главе Александра Титовича Голубева, который был начальником разведки в КГБ РСФСР и получил погоны генерал-лейтенанта.

В Ясенево есть несколько залов для собраний — зал на сто мест, зал на триста мест и зал на восемьсот. В зале на восемьсот человек в прежние времена устраивались партийные конференции. В перестроечные времена там стали собирать разведчиков послушать приезжавших в Ясенево депутатов — необычная для офицеров была форма общения.

И вот на каком-то общем для разведки мероприятии в зале на восемьсот мест Примаков произнес речь, которая согрела сердце коллектива. Он говорил:

— Наши с вами заботы, наши задачи, в нашей среде, надо действовать нашими специфическими средствами...

Когда он применительно к какому-то решению правительства сказал: «в нашей среде это могло бы найти поддержку», зал заплодировал. Примакова уже считали своим.

Но в том, что Примаков справится с должностью начальника разведки, президента Ельцина пришлось убеждать дважды. В первый раз — когда Примакова назначали.

Тогда сумел настоять на своем Вадим Бакатин, да и мнение Горбачева еще что-то значило. Во второй раз — в конце 1991 года — судьба Примакова была в руках его многоопытных подчиненных.

Если бы устроенное Ельциным обсуждение личности начальника разведки происходило в советские времена — ясно, ему бы пропели аллилуйю! Но в тот момент открытости и гласности все понимали, что можно говорить все, что угодно, и это будет прекрасно воспринято российским президентом.

В революционные периоды всегда звучит команда: «Огонь по штабам!». Желание подчиненных избавиться от косного и реакционного начальника было бы воспринято на ура. Тем более Ельцин дал понять, что у него есть другие кандидатуры. И он вполне был способен сразу же с треском снять директора, которым недовольны. Так что этот день вполне мог стать последним днем работы Примакова в разведке.

Первым выступил заместитель директора Вячеслав Иванович Гургунов. Он встал и сказал прекрасные слова о Примакове. Они были хорошо знакомы, Гургунов ездил вместе с Примаковым в Ирак во время первой войны в Персидском заливе. Тогдашний первый заместитель начальника разведки Вадим Алексеевич Кирпиченко, ныне тоже уже покойный, произнес большую и аргументированную речь в пользу Примакова. Кирпиченко знал Примакова еще по институту востоковедения, где они вместе учились.

Потом точно так же говорили и другие. Выступило примерно двенадцать-пятнадцать человек. Все единодушно поддержали Примакова. Борис Николаевич, уловив настроения, охотно присоединился к общему хору.

— Да, и у меня такое же отношение к Евгению Максимовичу... Мне советовали... его заменить, но я не буду этого делать. Он меня никогда не подводил... Даже в те тяжкие времена... времена опалы он был одним из немногих людей, кто мог мне руку протянуть, поздороваться, улыб-

нуться и поговорить... Я такие вещи не забываю, — многозначительно заключил президент.

Борис Ельцин прямо там же, на глазах всего руководства разведки подписал заранее, разумеется, заготовленный указ № 316 о назначении Примакова. Была тогда у Ельцина такая манера — вот я сейчас на ваших глазах подписываю указ. Он поздравил Примакова и встал. Все понимали, что в президентской папке были и другие проекты указа... Провожая президента, Евгений Максимович сказал:

— Вы сняли огромный груз с моих плеч, назначив меня через такую процедуру.

Примаков умеет быть очень сдержанным, поэтому никакого напряжения — «сейчас моя судьба решается» — или, напротив, ликования — «смотри-ка: все говорят, что я самый достойный» — он не выразил. Но это был один из приятнейших дней в его жизни, потому что впервые была у него возможность посмотреть, как к нему относятся люди в разведке. А ведь он сделал в разведке только первые шаги. Он себя еще ничем особо не показал. Путь к полному признанию был долгим. Евгений Примаков остался в разведке и проработал там еще четыре года — до назначения министром иностранных дел.

КАБИНЕТ № 2131

Конечно, и до появления в Ясенево Евгений Примаков имел некоторое представление о работе разведки, но достаточно смутное. Что представляет собой разведывательная служба в реальности, он узнал только после того, как появился в Ясенево в роли хозяина. Он обосновался в кабинете № 2131 на третьем этаже здания внешней разведки, который до него занимали только трое — Федор Константинович Мортин, Владимир Александрович Крючков и Леонид Владимирович Шебаршин.

На знакомство с хозяйством у него ушел не один день. Ему показывали обширную территорию, водили по длинным коридорам, раскладывали перед ним толстые папки бумаг, и ему постепенно открывалась картина жизни необыкновенного и никогда не засыпающего организма.

Разведка работает круглосуточно, эта работа не терпит перерывов. Двадцать четыре часа в сутки в Ясенево нескончаемым потоком поступает информация со всего мира. Ее черпают не только из радиоперехвата и шифровок собственных агентов — они дают лишь самые ценные, самые секретные данные. Главный массив информации поступает от телевидения, радио, газет (а теперь и интернета).

Офицеры-аналитики, согнувшись над своими письменными столами, обрабатывают все поступающие сведения, пытаются разобраться в происходящем и постоянно обновляют оценки ситуации в том или ином регионе. Примаков мог попросить справку практически на любую тему и получить ее немедленно. Эффективность этой гигантской машины производит впечатление.

Советская разведка действовала как сверхмощный пылесос: вместе с действительно важной информацией она вбирала и кучу никому не нужной шелухи. Скажем, даже в Зимбабве или Сьерра-Леоне крали какие-то военные документы, вербовали местных чиновников. Но стоило ли тратить на это деньги и силы?

Главный вопрос, поставленный перед Примаковым, звучал так: а что именно нужно? В какой именно информации нуждается государство?

Евгений Максимович представлял себе, что должна давать разведка. И на что не следует растрачивать силы и средства. Разведку интересует только то, что имеет значение для России. Теперь ему предстояло убедить в своей правоте своих новых подчиненных.

Разведка переехала в отдельный комплекс зданий в Ясенево на юго-западе Москвы летом 1972 года, когда начальником первого главного управления был генерал-лейтенант Федор Константинович Мортин. Это сделали из соображений конспирации, чтобы иностранные разведчики, наблюдавшие за Лубянкой, не могли фиксировать сотрудников разведки. Мортин приказал в целях конспирации повесить на караульной будке табличку «Научный центр исследований». Название прижилось.

В разведывательном городке Ясенево перед главным зданием устроена гигантская парковка — для служебных автомобилей и для машин сотрудников Службы внешней разведки. Тех, кого не возят на служебном лимузине и кто не обзавелся собственным авто, доставляют на работу на специальных автобусах. Каждое утро с понедельника по пятницу в разных концах города стоят неприметные автобусы. Они ждут своих пассажиров — всегда одних и тех же.

А вот если опоздал на автобус, тогда плохо. Можно, конечно, примчаться на такси, но тогда от первой проходной придется долго идти пешком. Вечером автобусы развозят сотрудников по домам. Рабочий день заканчивается

в шесть часов. Если немного задержался, то не беда — автобусы отходят по расписанию каждые полчаса.

Засиживаться после шести часов по собственной инициативе не принято. Приехать в выходной поработать можно только по специальному разрешению. И нужно внятно объяснить, зачем тебе понадобилось являться на службу в неурочное время. Желание побыть в кабинете в одиночестве вызовет скорее подозрения: не агент ли ты иностранной разведки? И не собираешься ли в одиночестве фотографировать секретные документы российской разведки? Были такие персонажи.

Другое дело, если задерживается начальник. Тогда некоторому числу офицеров — в зависимости от его темперамента — придется остаться, чтобы ему помочь.

При входе в разведгородок надо показать именную карточку-пропуск с фотографией. Карточка снабжена несколькими степенями защиты от подделки. Охранник берет пропуск в руки, очень внимательно рассматривает ее, придирчиво сравнивает фотографию с оригиналом. Внутри комплекса проход везде свободный. Нет дополнительного поста охраны и у кабинета директора. Но его секретари-офицеры, никогда не покидающие приемной, гарантируют безопасность и самого директора, и находящихся в его кабинете секретных документов. Впрочем, за всю историю отечественной разведки физическая опасность ее начальнику не грозила.

Только в шифровальных подразделениях непробиваемые двери всегда закрыты; чтобы войти, надо знать код допуска. Но в эти комнаты чужие и не ходят. Им там просто нечего делать.

И в переходе, ведущем к поликлинике (в Ясенево своя медицина), есть охрана. Чтобы навеститься к врачу и вернуться на работу, тоже надо показать пропуск. Это сделано для того, чтобы врачи, сотрудники поликлиники не могли войти в основное здание разведки. В Ясенево есть и своя парикмахерская, и кинозал. В советские времена по-

казывали хорошие иностранные фильмы, и еще не все ходили смотреть, домой торопились...

Утро в разведке начинается самым тривиальным образом — с чтения газет и знакомства с новостями. Вместе с газетами разносят и внутренние информационные сводки — они предназначены не только для начальства. В сводках перечислены важнейшие события в мире, оценена оперативная обстановка. Коллеги из Федеральной службы безопасности присылают свои информационные бюллетени, вполне откровенные, но ничего такого особенного, экстраординарного в них нет.

Потом начинается собственно работа — приносят шифротелеграммы из резидентур.

Самое важное — это сообщения о встречах с агентами. До распада Советского Союза еще более важными, чем даже встречи с агентами, считались операции по передаче денег руководителям зарубежных компартий. Тогда разыгрывались целые спектакли.

Приходила телеграмма от резидента: «первый» (руководитель компартии) или «соратник» (то есть второй секретарь) на встрече при соблюдении мер предосторожности сказал, что выпуск партийной газеты будет иметь большое значение для успеха на выборах. Полагаем целесообразным поддержать просьбу «первого» о выдаче друзьям энной суммы на выпуск газеты... Ни имя «первого», ни страна, ни название партийной газеты во внутренних документах разведки никогда не указывались. А в ЦК докладную писали открытым текстом. То есть секретили только от себя самих.

За каждую шифротелеграмму офицер расписывается. На бегунке, который приложен к телеграмме, отражено все движение документа. Всегда можно выяснить, кто и когда этот документ читал, где он находится в данный момент и у кого именно. Нужную бумагу находят мгновенно. Архивы в разведке чудесные, и обращаться к ним приходится постоянно.

Скажем, в одной из стран резидентура вышла на интересного американца, открывается перспектива вербовочного подхода, и резидентура просит посмотреть, не проходил ли он по учетам разведки. Одного из молодых офицеров посылают в архив. Раньше это были толстые папки и фолианты, которые выдавали под расписку. Выносить их из архива запрещено, надо читать на месте. Теперь архив компьютеризирован.

Знакомство с архивом всегда полезно. Офицеры разведки рассказывают:

— Иногда поручение проверить чью-то фамилию кажется нелепым — ну каким образом его фамилия могла попасть в наши досье? Начинаешь смотреть — вот по этому делу проходил и по этому, значит, что-то можно о нем узнать. И составить рекомендации резидентуре, как к нему подойти.

Или выходит наш человек в Вашингтоне на американца, который, как выясняется из архивных дел, несколько лет назад случайно разговаривал с российским оперативным работником в третьей стране, жаловался тогда на плохое зрение и что на дорогостоящую операцию он себе вряд ли заработает. Уже интересно: резидентуре дается поручение выяснить его материальное положение, состояние здоровья — вылечил глаза или нет, нужны ему контактные линзы? Или, может быть, операция поможет? Не исключена и такая идея — пригласить к нам сделать операцию за счет разведки...

Впрочем, нашелся человек, который сумел утащить из архива разведки суперсекретную информацию. Служба внутренней безопасности первого главного управления никогда не обращала внимания на майора Митрохина. Какую опасность мог представлять человек, который давно не занимался оперативной работой, а долгие годы работал в архиве и дослужился всего лишь до майора?

Выпускник историко-архивного института, Василий Никитич Митрохин после войны работал в милиции, затем в военной прокуратуре, оттуда его перевели в мини-

стерство госбезопасности. Причем его взяли в разведку, которой в ту пору занимался Комитет информации при Совете министров СССР. Он работал на Ближнем Востоке, ездил в короткие командировки в другие страны. В последний раз его послали с оперативным заданием в Австралию вместе с нашими спортсменами, которые участвовали в мельбурнской Олимпиаде. Видимо, во время командировки что-то произошло, потому что Митрохина убрали с оперативной работы и перевели в архив, лишив перспективы роста.

Василий Никитич был аккуратным и исполнительным служакой — радость кадровиков. Каждое утро он заходя приезжал на работу, получал в архиве очередное секретное дело и прилежно сидел над ним до вечера. Самое интересное он выписывал на стандартный листок бумаги. Некоторые документы первого главного управления Комитета государственной безопасности СССР копировал дословно.

Личные и оперативные дела агентуры — высший секрет разведки. Сотрудник разведки может получить для работы только то дело, которым он непосредственно занимается. Но для служащих архива возиться со старыми папками — это просто часть их служебных обязанностей. Исписанные за день листочки майор перед уходом домой прятал в носках или в трусах. Никто и никогда его не остановил и не проверил. Он приносил копии секретных документов домой и вечерами перепечатывал их на машинке.

В пятницу вечером перепечатанное отвозил на дачу и прятал там под матрасом. Потом перекадывал в герметичную посуду и зарывал в саду. Так продолжалось десять лет, с 1972-го по 1982 год. В 1984 году Василий Никитич Митрохин вышел по возрасту на пенсию и стал ждать. На что он надеялся в советские времена, непонятно. Но когда Советский Союз распался, наступил момент, когда он решился выйти из подполья. Он выкопал один из драгоценных горшков, взял билет до Риги, ставшей столицей независимой Латвийской республики, и там предло-

жил свои сокровища американскому посольству. Американцы отнеслись к отставному майору недоверчиво; их не интересовали старые дела и пенсионеры. В начале девяностых желающих перебраться в Соединенные Штаты было слишком много, а средства ЦРУ по приему перебежчиков ограничены.

Тогда майор 9 апреля 1992 года посетил британское посольство.

Менее избалованные англичане, ознакомившись с содержимым золотого горшка, оценили его предложение. Молодого сотрудника британской контрразведки командировали в Москву. Он выкопал в саду Митрохина оставленные им материалы. Получилось шесть чемоданов. 7 ноября 1992 года Митрохина вместе с семьей доставили в Лондон. Отставной майор получил британский паспорт, новое имя и вместе с британским историком Кристофером Эндрю написал книги, основанные на скопированных им документах.

Рассказал он многое, но все это носит чисто исторический характер. Он назвал имена уже очень пожилых людей, которые когда-то давно работали на советскую разведку. Одного из них посадили — бывшего сотрудника Агентства национальной безопасности Соединенных Штатов Роберта Липку. Он получил восемнадцать лет тюрьмы. Отставной майор Василий Митрохин умер в Англии в 2004 году...

Нравы в Ясенево вполне демократичные. Все называют друг друга по имени-отчеству, стараются быть любезными. Если входит начальник, офицер, старший по званию, полагается встать. Если заходит равный по званию, можно остаться на месте.

Попасть на прием к директору Службы внешней разведки очень трудно. Многие разведчики, прослужив всю жизнь и дослужившись, скажем, до полковника, ни разу не были в кабинете своего высшего руководителя. Но при желании каждый сотрудник разведки мог ежедневно увидеть Примакова в столовой.

В Ясенево столовая огромная, светлая, с красивыми шторами. Обедать и начальство, и подчиненные идут вместе. Со знакомыми — вне зависимости от звания — Примаков здоровался за руку. В столовой два зала — для начальства и для всех остальных. Разница состоит в том, что начальству еду приносит официантка.

Кормят в Ясенево сравнительно дешево, но не очень вкусно. Причина простая: тяжело найти хороший обслуживающий персонал, поваров. Все-таки далеко от города, не каждый захочет ездить каждый день. Строгий пропускной режим тоже не очень нравится. Женщине надо в свободную минутку выскочить и по магазинам пробежаться, а тут и выходить нельзя, и идти некуда (вокруг никаких магазинов). И воровать в Ясенево трудно.

Обеденный перерыв с двенадцати до трех, но военной дисциплины нет — пообедай, когда хочешь. Самые толковые сначала идут в бассейн, плавают, потом обедают. А еще есть буфеты на разных этажах. Да и на рабочем месте можно чаю с булочкой выпить — не возбраняется. Только, как во всяком казенном учреждении, по коридорам бродят скучающие пожарные, так что чайники приходится прятать. Зато в Ясенево, как в чисто мужском заведении, в примаковские времена можно было курить в комнатах. Разговоры о работе в столовой или в коридоре исключены. Говорят о футболе, погоде и зарплате.

Конечно, с одной стороны, в Службе внешней разведки собралось больше генералов, чем было когда-то во всем КГБ. А с другой — генеральские зарплаты в девяностые тоже были небольшими. Разведчиков спасали заграничные командировки.

Ветераны разведки, которые успели поработать еще на Лубянке, говорят, что в Ясенево атмосфера спокойная, доброжелательная, в коридорах люди здороваются друг с другом. А на Лубянке, когда разведка там находилась, было строго. Люди ходили чопорные, сумрачные, подозрительные, не разговаривали друг с другом. Там, правда, помимо разведчиков сидели и второй главк (контрразвед-

чики), и военные особы, и пограничники, так что шансов встретить в коридоре знакомого там было мало.

Как вообще можно познакомиться со сотрудником другого подразделения? Только если советуешься по рабочему вопросу, которым занимаешься. Вечера знакомств в разведке не устраиваются, а людей там работает много — даже после тех сокращений, которые произвел Примаков в первый год работы.

Когда Примакова назначили в Ясенево, министром иностранных дел СССР еще был Борис Дмитриевич Панкин, бывший посол в Чехословакии. Он единственный во всем дипломатическом корпусе во время августовского путча открыто выступил против ГКЧП. Горбачев вызвал его из Праги и назначил министром.

Борис Панкин рассказал в 1991 году, какое колоссальное количество разведчиков укрылось под посольскими крышами. По словам Панкина, не меньше половины дипломатов в загранпредставительствах были в реальности офицерами разведки. Он потребовал сократить число сотрудников разведки, которые пользуются дипломатическим прикрытием, вернуть на эти места профессиональных дипломатов, которые принесут стране больше пользы.

Проблемы со спецслужбами у самого Панкина возникли еще в то время, когда он поехал послом в Швецию. Такого количества сотрудников спецслужб под разными крышами он еще не видел и оказался к этому не готов. До посольской службы он был журналистом, много лет проработал в «Комсомольской правде», стал главным редактором, потом несколько лет руководил Всесоюзным агентством по авторским правам. Секретарь ЦК КПСС Михаил Андреевич Суслов объяснил Панкину, что это будет своего рода министерство иностранных дел в области культуры — развитие контактов с творческой интеллигенцией всего мира и продвижение за рубеж советских авторов.

В редакционных коллективах чекистов не было (только разведчики на должностях зарубежных корреспондентов). В ВААП секретным постановлением правительства

девять должностей из четырехсот пятидесяти были переданы КГБ. А в посольстве тут чуть ли не каждый второй или из КГБ, или из ГРУ.

— Самым сложным в посольской жизни, — рассказывал Панкин, — было ладить с этими людьми. Они свято верили в то, что все остальные дипломаты, да и посольство в целом существуют только для того, чтобы их прикрывать. Я однажды не выдержал и спросил резидента: «Вы что, думаете, посольство существует, чтобы служить вам крышей?». Он на меня посмотрел, как на идиота: а ты что, по-другому думаешь?

Борис Дмитриевич Панкин невзлюбил чекистов, называл вербовочную деятельность «работоторговлей»:

— Людей вербовали, насилуя их дух, волю, шантажировали, подлавливая на чем-то, коверкали их жизнь, жизнь их семей и близких... Ну чем их деятельность отличается от преступлений мафиози или банальных воровских шаек?

Почему сотрудники резидентуры так раздражали посла Панкина?

— Они хотели командовать послом, — говорил мне Панкин уже после своей отставки. — Следили за мной. Им ничего не стоило скомпрометировать посольство. Против этого я боролся...

Когда в давние времена наркомат иностранных дел еще располагался на Кузнецком мосту, рядом с ведомством государственной безопасности, то дипломаты несколько иронически именовали разведчиков «соседями». Потом появилось деление на «ближних соседей» — разведчиков из КГБ и «дальних соседей» — сотрудников военной разведки.

Отношения между дипломатами и разведчиками трудно назвать хорошими. Одни традиционно не уверены в необходимости других.

«Между разведкой и наркоматом иностранных дел всегда шла жестокая борьба за влияние... Сведения и заключения этих двух учреждений по одним и тем же во-

просам расходятся между собой... Борьба принимает особенно острые формы при назначении сотрудников за границу и продолжается за границей между послом и резидентом», — писал Георгий Сергеевич Агабеков, первый советский разведчик, бежавший на Запад еще в двадцатые годы.

Нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин считал госбезопасность своим личным врагом, о чем высказался в необыкновенно откровенном политическом завещании:

«При Дзержинском было лучше, но позднее руководители ГПУ были тем невыносимы, что были неискренни, лукавили, вечно пытались соврать, надуть нас, нарушить обещания, скрыть факты... ГПУ обращается с наркоматом иностранных дел, как с классовым врагом... Внутренний надзор ГПУ в нашем наркомате и полпредствах, шпионаж за мной, полпредами, сотрудниками поставлен самым нелепым и варварским образом...»

После Чичерина и до Панкина никто из министров не смел выражать неудовольствие разведчиками, но министерство иностранных дел и разведка смотрели на мир разными глазами. Спецслужбы могли сломать карьеру любому дипломату, если решали, что тому «нецелесообразно» выезжать за границу. Но в двадцатые годы дипломаты могли ответить тем же.

«Заместитель председателя ВЧК Уншлихт снабдил меня письмом к управляющему делами Наркоминдела с просьбой устроить на службу, — вспоминает Агабеков. — Несмотря на личное письмо Уншлихта, Наркоминдел меня не принял».

Когда Агабеков уже был резидентом в Афганистане, посол требовал показывать ему все телеграммы, уходящие по линии разведки в Москву. Сейчас это невозможно. Послы смирились и знают, что с резидентами не ссорятся.

«Борьба за границей между послом и резидентом выливается иногда в ожесточенные формы. Корень борьбы

лежит в двоевластии, создающемся вследствие полной автономности резидента. Страх перед ним служащих за границей сильнее страха перед послом. Посол сам чувствует над собой постоянный контроль и всегда ожидает какой-нибудь пакости со стороны резидента», — писал Георгий Агабеков.

Дипломаты неизменно недовольны тем, что разведчики занимают слишком много мест в посольствах. Вакансии заполнены, а работать некому. Разведчики обычно отвечают на это, что они и свою службу несут, и выполняют все свои официальные обязанности в посольстве или консульстве.

— Да разве мыслимо государству обходиться без разведки? — спрашивал я у Панкина. — Когда вы стали министром иностранных дел и получили возможность знакомиться с разведывательной информацией, может быть, вы ее оценили по достоинству? Может быть, ради нее ничего не жалко?

— Нет, — Панкин решительно качнул головой. — Отдельные интересные материалы они добывали. А часто просто переписывали свои донесения из посольской информации — я это видел, я же был послом в трех странах. Дегradировало там все.

Как ни странно, примерно то же говорил мне бывший председатель КГБ генерал-полковник Владимир Ефимович Семичастный:

— Информации шло море со всего мира. У нас же резидентуры повсюду. Все хотят показать, что работают. Иной раз из местной газеты статью перепишут и присылают. Аналитический отдел разведки все это выбрасывает. От шифровки резидента одна строка остается, а две-три страницы в корзину. Мне начальник разведки показывал: полюбуйте на работу некоторых резидентов. Аналитик, изучавший шифровку, пишет: это уже прошло в газетах две недели назад. А резидент составляет телеграмму, ее шифруют, потом занимают линию связи, здесь ее расшиф-

ровывают. Это же в копеечку влетает! А он информацию из газеты шлет, причем выбирает либо такое издание, что в Москве вовсе не получают, либо такое, что с большим опозданием приходит. А почему они газеты переписывали? Так спокойнее...

Обычно послы не ссорятся с резидентами разведки. Но Борис Панкин всегда отличался бойцовским характером:

— И я начал с этим засильем спецслужб воевать. Особенно когда выяснил, что все это чьи-то родственники, друзья, приятели, которых пристраивают в хорошей стране.

Когда он работал в посольстве, то удивлял резидентуру свободными встречами, интервью без подготовки, пешими прогулками по улицам. Чекисты сразу почувствовали в нем чуждый и опасный элемент. Однажды, приехав в Москву, Панкин пришел к будущему председателю КГБ, а тогда начальнику разведки Владимиру Крючкову и пожаловался, что посольство в Швеции перегружено сотрудниками разведки. После этого военная разведка и КГБ превратились в его врагов.

— Они ведь хотели командовать послом, следили, куда я ездил, с кем разговариваю. Заставляли моего водителя обо всем сообщать. Они потеряли голову, потом это сами признали.

Вот тогда Панкин обнаружил, что не посол, а офицеры КГБ — реальные хозяева посольства.

— Посол ничего не может. Закончился срок командировки — уезжай. А пока срок не кончился, посол тебя домой не отправит. А офицер безопасности любого может досрочно вернуть домой. Вот их все и боялись.

Когда его из Стокгольма перевели в Прагу, он опять вступил в конфликт с многочисленными «соседями». Они могли серьезно испортить ему жизнь. Но августовский путч вознес его на недостижимую для них высоту. Когда Панкин стал министром иностранных дел СССР, он своей властью решил сократить число сотрудников разведки, которые пользуются дипломатическим прикрытием.

— Когда пришел в МИД, — вспоминает Борис Дмитриевич, — тут я секретов не открываю — просто ужас, сколько их оказалось. Да еще был такой спрут, как управление кадров: изучали, кто у вас бабушка, кто дедушка. С какой стати это должно делаться в нормальном цивилизованном обществе?

Став министром, Панкин расформировал главное управление кадров МИД и изгнал оттуда всех сотрудников КГБ. К нему приехал объясняться начальник разведки генерал Леонид Шебаршин.

— Это было буквально за два дня до его увольнения, — рассказывал мне Панкин. — И он вдруг сказал мне: вы правы, эти люди у вас — они не разведчики, мы сами от них страдали. Стал показывать какие-то личные дела. Я от них благоразумно отстранился и говорю: я отдал приказ об увольнении ваших людей из управления кадров. А они не уходят.

Шебаршин все понял. Через час к Панкину зашел его первый заместитель Владимир Федорович Петровский:

— Борис Дмитриевич! Всех как ветром сдуло!

Панкин обещал разработать документ об условиях работы сотрудников разведки в загранпредставительствах. Но с уходом Панкина все это закончилось.

И с Борисом Панкиным, и со сменившим его всего на три недели (до распада Советского Союза) Эдуардом Шеварднадзе Примаков не спорил. В конце 1991 года и Панкин, и Шеварднадзе были в чести; по своему политическому весу Примаков им уступал. Да и президент Ельцин не понял бы тогда Примакова, если бы он пришел просить места в дипломатическом аппарате для своих разведчиков. Другие были приоритеты. Следовало выждать...

Так что число разведчиков в посольствах сократилось, но ненадолго. Потом все постепенно вернулось назад. Примаков действовал через президента Ельцина, который подписывал распоряжения о прикомандировании сотрудников разведки к министерству иностранных дел и

о выделении им мест в посольствах и консульствах. Министерству иностранных дел оставалось только подчиняться.

Мечта Бориса Панкина убрать с территории посольства разведчиков не сбылась. Панкин пребывал во власти обычно несвойственных ему иллюзий. Нет в мире дипломатической службы, которая отказывала своим разведчикам в прикрытии. Все дело в том, на какое количество мест в списке дипломатов претендует разведка. Теперь некоторые дипломаты говорят, что в процентном отношении разведчиков в посольствах стало даже больше, чем в советские времена, потому что число дипломатических должностей сократилось, а аппараты резидентур остались прежними или выросли.

Уже в роли министра иностранных дел Евгений Примаков говорил мне:

— Когда я переходил из разведки в МИД, у дипломатов была вначале настороженность. Беспокоились, не начну ли я перетаскивать кадры из «леса», как здесь называют месторасположение штаб-квартиры разведки. Этого не произошло. На первой пресс-конференции в министерстве я даже, шутя, сказал, что в этом нет необходимости, потому что эти многие уже находятся здесь, в МИД.

Примаков широко улыбнулся собственным словам. Но продолжал уже без улыбки:

— Но этих «многих» не так много. Тут я могу пополизировать с теми, кто говорит о «засилье» разведчиков в министерстве иностранных дел. Никакого засилья нет. Есть нормальная, как во всех странах, работа разведчиков «под крышей», под дипломатическим прикрытием. Но она не мешает дипломатии, не мешает...

Поскольку Борис Панкин провел на посту министра чуть меньше ста дней, то он мало что успел. Еще будучи послом в Чехословакии, он предлагал убрать из Праги излишнее количество разведчиков, особенно тех, кто был официально представлен чехам в своем основном качестве. Ему и это не удалось. Генерала, который при Панкине

возглавлял резидентуру военной разведки в Чехословакии, я видел в Братиславе весной 1996 года, то есть через пять лет. Он преспокойно заканчивал срок своей командировки и в отличном настроении заехал в теперь уже независимую Словакию, чтобы попрощаться с товарищами. Выпито было немало. Наутро генерал поправлялся местным белым вином и рассказывал, как он оттянул Бориса Панкина, защищая честь своего однокашника генерала Альберта Макашова...

Но все это будет потом. А в конце 1991-го и в 1992 году из разведки уходили.

ПРИКАЗАНО ВЫЖИТЬ

В целом разведка нуждалась в сокращении, и оно происходило. Сократить предстояло примерно тридцать-сорок процентов. В 1992 году разведчики паковали чемоданы и с болью в сердце покидали посольские здания, над которыми развивался еще непривычный трехцветный флаг. Примаков, возглавив Службу внешней разведки, принужден был отозвать домой офицеров, чьи должности подлежали сокращению. Возвращались в Москву люди из торговых представительств, из бюро «Аэрофлота», корреспонденты газет и журналов, а также сотрудники некоторых контор, часть которых и была создана в свое время для того, чтобы отправлять разведчиков за границу под легальным прикрытием.

Под руководством Примакова в центральном аппарате тоже шло сокращение, сливались отделы, ликвидировались некоторые направления. Например, исчез самостоятельный японский отдел. Те, кто продолжал работать за границей, в прямом смысле оставались без денег, потому что разрушилась прежняя система доставки им денег из Москвы.

Разведка просила о помощи журналистов. Толстые пачки долларов привозили из Ясенево в редакции газет, и обычные журналисты — просто в порядке дружеской взаимовыручки — перевозили деньги через границу. Стоя перед таможенниками, они ежились от страха, понимая, что если таможенник что-то заподозрит и их задержат, то они пойдут под суд, потому что кто же поверит нелепому объяснению:

— Везу деньги для наших разведчиков...

Среди оставшихся в резидентурах офицеров развернулась ожесточенная борьба за право остаться за границей. Сотрудники разведки сражались за собственное выживание и одновременно выживали других — то есть всячески помогали товарищам поскорее вернуться на родину.

Возвращавшиеся домой офицеры не находили себе работу в центральном аппарате и искали место сами — чаще всего в коммерческих структурах.

По указанию Примакова управление кадров не возражало, даже, наоборот, неофициально советовало тем, кто вернулся из-за границы, обосноваться где-то на стороне. Они не увольнялись из кадров, поскольку в разведке, как и в армии, пенсию платят за выслугу лет. Прослужив двадцать лет, в сравнительно молодом возрасте уже можно получить приличную военную пенсию и заняться чем-то другим.

Помню печальные лица своих приятелей — офицеров разведки, которые работали под журналистским прикрытием. Проблемы у них возникали на каждом шагу. Кто-то не успел и несколько месяцев проработать за границей, как его вернули из-за сокращений, и он бродил по коридорам в Ясенево без всякого дела.

Другие активно искали работу — в основном в Управлении по обслуживанию дипломатического корпуса в качестве переводчиков-референтов при иностранных журналистах. Там платили в валюте, хотя работа была малопривлекательной. Потом, когда стали появляться частные банки, разведчики почувствовали себя лучше — их охотно брали в службы безопасности и в аналитические отделы. Разведчики, прежде всего, могли предложить новым работодателям свои зарубежные контакты.

Ушли не только те, кого считали балластом.

По собственному желанию покинули службу амбициозные молодые офицеры, которые считали, что у них нет служебной перспективы. Исходом из разведки это назвать нельзя, но потеря была заметной. Офицеры писа-

ли заявления и увольнялись. Это было нечто новое в разведке, которая превратилась в обычную государственную структуру.

Один из близких сотрудников Примакова шутил:

— Еще до работы в разведке я слышал такую пугающую фразу: из разведки по своей воле не уходят. Отсюда выносят вперед ногами или выводят в наручниках. Вот как. Так когда я приходил, то думал: а как уходить-то буду? Если два пути всего, то какой же мой?

Разведчики впервые почувствовали себя в определенном смысле обычными служащими. Они имели право заниматься прежним делом, а могли уйти, если возникало желание заняться чем-то другим. Но тогда, в первые дни, это было шоком для кадровых разведчиков. Как это можно — взять и уйти? Те, кто оставался, говорили разные резкие слова в спину уходящим. Увольнялись в основном из-за денег. А кто-то ушел и по идеологическим соображениям — как это жить без главного противника? Разве можно говорить, что наши интересы с Соединенными Штатами в чем-то совпадают, а в чем-то не совпадают? Сегодня не совпадают, а завтра совпадут? Это казалось настолько чудовищным, что офицеры говорили: я в этом участвовать не желаю, — и уходили.

Примакову предстояло сформулировать национальную разведывательную доктрину. От разведки требовалась радикальная смена приоритетов.

Семьдесят с лишним советских лет внешняя разведка вела борьбу с мировым империализмом на всех фронтах. На практике это означало массивное агентурное проникновение во все государства и стремление узнать все тайны, не считаясь с затратами.

Государственная политика новой России исключала продолжение такой линии. Современные концепции национальной безопасности требовали разумной достаточности не только для армии, но и для разведки. Но можно себе представить, как трудно было сменить ориентиры

офицерам со стажем. Смогут ли кадровые разведчики отвыкнуть от прежних идеологических установок?

В разведке работали разные люди с разными политическими взглядами. Для одних крушение социализма было ударом. Другие стали говорить, что после крушения социалистического строя работать легче: исчезла фальшь.

Специалисты уверены, что работа в разведке сама по себе наносит тяжелый ущерб психике разведчика. Он ведет двойную жизнь и к тому же убеждает своих агентов делать нечто преступное — изменять родине, красть секретные документы. Вот почему в разведывательной школе слушателей пытаются морально вооружить, объясняя, что во имя Родины надо идти на все.

Разведчиков учат умению налаживать контакты, устанавливать близкие отношения, получать от людей информацию. В любом собеседнике, даже если он не оформлен агентом, разведчик видит прежде всего источник информации. А если от него нельзя получать информацию, то и нечего терять на него время и деньги.

Чем в этом смысле дипломат или журналист отличается от разведчика? Дипломаты и журналисты тоже ведь с не меньшим искусством выведывают то, что им надо. Разведчик пытается придать отношениям специфический, личный характер, чтобы получать больше, чем то, что мог бы узнать дипломат.

Можно платить за информацию деньги или же убедить иностранца в том, что помогать твоей стране — это святое дело. Советским разведчикам приходилось вербовать людей, рассказывая, каких успехов добилась страна победившего социализма. Некоторые разведчики испытывали при этом моральный дискомфорт. Бывало, разведчик нахваливает советскую власть и думает: ну и дурак же ты, американец, если в это веришь... Беда в том, что Советский Союз — за исключением короткого промежутка времени (после революции и до начала тридцатых годов, а также во время Второй мировой войны и в первые послевоенные годы) — далеко не у всех вызывал симпатии.

А вот вербовщики американской разведки действовали как представители политически привлекательной страны.

Один из наших разведчиков, награжденный орденом за удачную вербовку, говорил мне:

— Мы работали от имени дурно пахнущей страны. Надо понять наше положение. У тебя галстук, аккуратная прическа, пробор, но от тебя плохо пахнет. Ты представляешь страну с мерзопакостным режимом. Трудно было защищать страну, когда речь шла о нарушениях прав человека. Нужно было как-то выглядеть прилично. Но и не переходить некую грань, за которой уже американский разведчик мог бы попытаться тебя поймать на несогласии с политикой КПСС...

Вот таким людям приход Примакова был по душе. Но их в разведке меньшинство.

Когда Примаков приступил к работе в разведке, с ним пришла известная формула, придуманная англичанами: у нас нет постоянных соперников и нет постоянных союзников, постоянны только наши национальные интересы.

Но ведь советская разведка всю свою историю работала против постоянных противников. И этим все определялось. То, что хорошо для противника, плохо для нас. То, что хорошо нашим союзникам, и нам хорошо. Никаких личных пристрастий. И вдруг Примаков декларирует такую ересь...

На Евгения Максимовича газеты набросились и справа, и слева — что он понимает под национальными интересами? Одни говорили: мы демократы, мы будем строить правовое государство, закладывая основы рыночной экономики, нас все любят, от нас во всем мире только этого и ждали — какие же у нас могут быть враги? А на другой стороне политического спектра какой крик стоял: как это у нас нет соперников и противников?!

И этот спектр настроений и мнений — он же и внутри самой разведки присутствовал.

Ко времени прихода Примакова в разведке формальная департизация уже произошла. Партийные организа-

ции исчезли, но люди еще не могли привыкнуть к простой мысли: взгляды у тебя могут быть любимыми, но вся политика остается за воротами Ясенево. Твои взгляды к работе отношения не имеют. Вот объявят выборы, зайдешь в кабинку для голосования, штору за собой задвинешь, все свои мечтания в бюллетене отметишь и опустишь в урну. Тем самым и определишь грядущую жизнь...

Евгений Максимович все это говорил, надеясь, что будет понят. И правильно рассчитывал. Разведка — это место, где работают не самые глупые люди. И в основном это было понятно.

В ноябре 1991 года Примаков приказал отменить программу обнаружения признаков возможного ракетно-ядерного нападения. Это было детище Андропова, который пугал страну приближающейся войной. Программа действовала десять лет. Каждые две недели все (!) резидентуры докладывали Москве об отсутствии признаков подготовки Запада к войне — вроде количества горящих ночью окон в Пентагоне или дополнительных закупок крови для военных госпиталей. Выполнение этой андроповской программы стоило стране огромных денег.

Я расспрашивал разведчиков: какое настроение было у Примакова в первые месяцы его работы в разведке? Все-таки он вошел в новое для себя дело в трудный для страны и для службы час. Это был решающий момент в истории государства, и разведка испытывала все проблемы, которые переживала страна. Семьдесят лет разведка работала на идеологическом противостоянии на международном поле — и вдруг начинается пересмотр самой философии разведки!

Какой же должна быть разведка?

Ответ на этот вопрос Примаков дал своей четырехлетней работой в Ясенево. Но в первый же день работы он знал одно — служба внешней разведки будет не такой, какой она была до 1991 года. Это не значило, что все нужно менять. И он не стал говорить то, что унижительно, тягостно, мучительно для людей: что вся их прошлая жизнь

была бездарной. Он не хотел унижать подчиненных, перечеркивать их жизнь. Примаков корректно, рассчитывая на то, что он имеет дело с умными людьми, повторял:

— Друзья, это не годится. Забудем об этом. А делать будем вот так, потому что сейчас время другое, мир другой.

Поэтому выжидательно-сдержанное отношение быстро уступило место благожелательности, а потом вылилось в благодарность Примакову. Главное состояло в том, чтобы приспособить разведку к реалиям времени. Он осторожно говорил, что национальные интересы есть и у других государств. Следовательно, возникает поле, где наши национальные интересы совпадают. Вот на этом поле мы можем сотрудничать. А есть поле, где наши интересы не совпадают, там сотрудничество не получится, там будет действовать разведка.

Опять посыпались недоуменные вопросы: какое такое сотрудничество? Он тогда вместо «сотрудничества» выбрал другое слово — «взаимодействие». Опять всеобщее удивление — о каком взаимодействии можно говорить, работая в разведке? И все равно в Ясенево нашлись люди, которые его поддержали.

Примакова напрасно подозревали в намерении только дружить с Западом.

В середине декабря 1991 года в Москву приехала группа руководителей британской контрразведки МИ-5. Среди них была Стелла Римингтон, которая вскоре возглавит всю контрразведку. Она встретилась и с Бакатиным, и с Примаковым.

«Я хотела понять, в какой степени уменьшится шпионаж КГБ против нашей страны, — вспоминала Стелла Ремингтон. — Если холодная война окончилась, то и разведка должна стать менее агрессивной. Эту тему надо было обсуждать с руководителями первого главного управления, внешней разведки КГБ.

Руководитель первого главного управления, г-н Примаков, который впоследствии станет министром иностранных дел и на короткое время главой правительст-

ва, пригласил меня обсудить этот вопрос. На посольском „роллс-ройсе“ нас отвезли куда-то на окраину, видимо, это был конспиративный дом КГБ.

Трудно было избежать ощущения, что каким-то образом мы оказались в фильме про Джеймса Бонда и реальность перемешана с фантазией. Это был темный, холодный и снежный вечер. Как только я сняла зимние сапоги в прихожей, на лестнице материализовался г-н Примаков. Мы поднялись в комнату с тяжелыми шторами и драпировкой.

Разговор был коротким и холодным. Я сказала, что теперь, после окончания холодной войны, открывается широкое поле для сотрудничества в вопросах безопасности, в борьбе против терроризма и организованной преступности. Но если наладится реальное сотрудничество, масштаб шпионажа КГБ в Англии должен быть уменьшен.

Г-н Примаков дал понять, что ему эта мысль кажется нелепой. Разведка по-прежнему необходима для обеспечения безопасности России, и они сами решат, какой уровень разведывательных усилий понадобится. Было очевидно, что беседа не будет плодотворной. Разговор завершился, и г-н Примаков скрылся за драпировкой».

Евгений Максимович обратил внимание коллег на то, что после окончания холодной войны проблемы национальной безопасности — а разведка занимается именно этим, — скорее всего, будут определяться экономической составляющей государства, удельным весом его экономики в мировом хозяйстве, способностью адекватно отвечать на социальные и технологические вызовы эпохи. Следовательно, нужно представлять себе, что происходит в мировой экономике, а раз так — понадобится мощная экономическая разведка. И он из отдела сделал управление.

Он старался, чтобы все поняли, насколько необходимы перемены. А не просто вызвал и приказал: теперь извольте работать так.

Взамен «главного противника» в лице определенного государства — это были Соединенные Штаты — появил-

ся главный противник в лице оружия массового уничтожения, организованной преступности, незаконного оборота наркотиков, международного терроризма. Когда этот набор выстроился, то стало ясно, что это и есть поле, где совпадают национальные интересы почти всех стран. И сражаться на этом поле можно только сообща. И Примаков сказал: здесь мы будем взаимодействовать.

У разведки тогда было много поводов для огорчений. Потеряли союзников — разведки социалистических стран, которые тоже вели борьбу против Запада. Самой большой утратой было исчезновение разведки ГДР, наспиговавшей своей агентурой Западную Германию и структуры НАТО. Более того, территория Восточной Европы, которая считалась дружеской, перестала быть таковой.

Вскоре после того, как Примаков занял пост начальника разведки, забеспокоились сначала чехи, затем другие восточноевропейские государства. Чехи пришли к выводу, что российская разведка демонстрирует особую активность на их территории. Чехи были огорчены и обижены. А ведь в Москву приезжал тогдашний министр внутренних дел Ян Румл и договорился с Примаковым о том, что секретные службы двух стран не будут работать друг против друга. Обманули, выходит, бедных чехов?

Сотрудники Службы внешней разведки ответили мне так: против Чехии работать не собираемся. Ударение было сделано на слово «против», то есть исключаются подрывные акции, наносящие ущерб стране. Но нормальный сбор информации о положении внутри Чехии будет продолжаться.

Вопрос о методах разведки непрост. Если бы речь шла только о сборе информации, которую можно получать открытым путем, вполне хватило бы и усилий дипломатов. Разведка же создает свою агентуру известным образом — подкупом, шантажом, обманом. Поскольку, тем не менее, современная политика не готова отказаться от услуг разведки, то только наивные люди способны предположить,

будто российская разведка оставит без внимания Восточную Европу.

В Польше происходили громкие шпионские скандалы. Поляки утверждали, что российская разведка пытается получать информацию у старых друзей — бывших партийных чиновников, по-прежнему занимающих важные посты в государстве. В конце 1995 года в результате такого обвинения вынужден был уйти в отставку премьер-министр Польши Юзеф Олексы.

Мало кто из поляков всерьез полагал, будто премьер-министр, яко тать в нощи, бегал на тайные встречи с российским резидентом и, поминутно оглядываясь, передавал ему секретные документы из собственного служебного сейфа. Но скандал напомнил полякам о том, о чем сам Олексы хотел бы забыть. В социалистические времена молодой, перспективный партийный работник Юзеф Олексы действительно крепко дружил с сотрудником представительства КГБ в Польше и даже ездил с ним на охоту. Об этом поведал журналистам бывший полковник внешней разведки Владимир Петрович Алганов, который с 1981 года работал в представительстве КГБ в Варшаве под крышей первого секретаря посольства.

Владимир Алганов устроил пресс-конференцию в Москве, чтобы обелить Олексы:

— Я его не вербовал, вербовать не мог, потому что не имел права заагентурить гражданина соцстраны...

Но благими пожеланиями вымощена дорога в ад. Алганов только подтвердил тот факт, что в прежние времена нынешний премьер-министр поддерживал выходившие за рамки его служебных обязанностей отношения с иностранным разведчиком. Остальное поляки могли себе домыслить в зависимости от силы воображения: установив с кем-то контакт, разведка постарается не упустить ценный источник, и кто-то из преемников удачливого Владимира Алганова продолжал встречаться с Олексы, когда Польша перестала быть социалистической, а Олексы, напротив, пошел в гору...

Конечно же, в прежние времена в Польше (как и в большинстве социалистических странах) дружба с советскими разведчиками не только не была криминалом, но, напротив, являлась необходимым условием успешной политической карьеры. Я беседовал с генерал-лейтенантом внешней разведки в отставке Виталием Григорьевичем Павловым, который десять лет возглавлял представительство КГБ СССР в Польше.

— Принимая меня перед отъездом в Польшу, — вспоминал генерал Павлов, — Юрий Владимирович Андропов сказал: «Вы должны знать все, что происходит в стране. Но вы не имеете права заниматься агентурно-оперативной работой. Никаких вербовок и конспиративной деятельности». На агента, с которым мы сотрудничали, полагалось завести дело, папку с донесениями. Но нам было запрещено заводить дела на граждан социалистических стран. А раз нет документа, нет и агента...

Так ведь на самом деле и не было никакой нужды в оформлении сотрудничества! Самые высокопоставленные польские политики, начиная с членов политбюро, общались представителям КГБ все, что интересовало Москву. Только что в очередь не выстраивались, чтобы первыми успеть донести до московского представителя самую свежую информацию. Каждый сам ему подносит и «спасибо» говорит...

— Они были очень откровенны, — с удовольствием рассказывал генерал Павлов. — Многие из моих собеседников считали, что тесные связи с представителем КГБ улучшат их собственные позиции в Варшаве.

Юзеф Олексы работал в аппарате ЦК ПОРП, был первым секретарем одного из воеводских парткомов. Нет ничего удивительного в том, что будущий премьер-министр Олексы дружил с сотрудниками московской разведки, понимая, как важно произвести на них хорошее впечатление. Был ли он потом, уже в роли главы правительства независимой Польши, столь же откровенен с российскими

гостями, осталось неизвестным. Но карьера его была сломана...

Друзей у разведок не бывает. Даже в социалистическом лагере товарищи понемногу старались следить друг за другом, но очень осторожно. С 1982 года, когда Юрий Андропов стал генеральным секретарем ЦК КПСС, советская разведка начала наращивать свои нелегальные структуры в Восточной Европе. Это направление российской разведки понесло особенно большие потери. Примакову пришлось сменить разведывательный аппарат в восточноевропейских странах полностью, поскольку местные спецслужбы знали товарищей в лицо.

Другая проблема возникла с бывшими советскими республиками. Литва, Латвия и Эстония, повернувшись лицом к Западу, в первую очередь стали объектом разведывательного внимания. В аппарате российской разведки в Москве служили и латыши, и литовцы, и эстонцы. Но можно ли им доверять работу против собственных республик и разумно ли это? Тогда, в первые годы работы российской разведки, живо обсуждалась проблема лояльности: как поведут себя уроженцы республик, ставших самостоятельными? Сохранят верность России или предпочтут перейти в формируемые там собственные разведывательные органы? И когда они примут это решение: сейчас или ознакомившись получше с секретами новой российской разведки?

А у контрразведки были свои тревоги. Ее пугал призрак мощной украинской разведки, которая станет искать помощи и сочувствия у российских граждан украинского происхождения. Разведывательные органы стран СНГ договорились друг за другом не шпионить. Это не значит, что разведки бывших республик бездействуют. Просто они лишены права вербовать агентуру. На три балтийские республики эти добровольные самоограничения не распространяются.

Примаков многое изменил в разведке. Он все делал для того, чтобы вписаться в меняющееся время. Но он

рассуждал очень реалистично: это можно сделать, а это нельзя, и за невыполнимое не брался. К нему многие сотрудники приходили с различными радикальными идеями — предлагали и то изменить, и это. Примаков выслушивал их внимательно и отвечал:

— То, что вы предлагаете, это правильно. Я с вами совершенно согласен. Это очень интересно и очень полезно. Но не сегодня: нас не поймут. Тут сейчас такое поднимется — увы, это невозможно. Это мы сделаем позже.

Было и такое. А часто наоборот: он видел — уже можно. Делал то, что считал нужным, и всегда старался убедить коллег в своей правоте. Примаков, пожалуй, был самым демократичным начальником разведки за всю ее историю. Он не замыкался в кругу своих заместителей и начальников важнейших отделов.

Пожалуй, только Александр Николаевич Шелепин, любимец Хрущева, бывший комсомольский секретарь и будущий член политбюро, который два года возглавлял КГБ, считал своим долгом спрашивать личное мнение своих сотрудников, мог даже по внутреннему телефону напрямую позвонить рядовому офицеру и спросить, что ему известно по тому или иному вопросу.

Остальные руководители и всего КГБ, и разведки иерархию служебных отношений не нарушали. К начальнику разведки мог попасть только руководитель крупного отдела. Примаков поступал иначе. Вот, что рассказывал мне один из офицеров:

— Я был начальником направления — это одно из подразделений внутри отдела, и вдруг меня вызвали на совещание к самому начальнику разведки. Это было крайне необычно. То есть Примаков позвал не только начальника отдела, но и непосредственного исполнителя. В общем, разумно: исполнитель лучше всех знает ситуацию в стране, но за двадцать лет моей службы это произошло в первый раз.

Примаков только что вернулся из зарубежной поездки с неожиданной идеей. Он предложил подумать, а не

стоит ли России продавать оружие нескольким странам, которым его прежде не продавали по политическим соображениям. Евгений Максимович начал разговор в спокойной академической манере:

— Вот я только что побывал в нескольких странах.

Перечислил. Присутствующие закивали:

— Знаем, Евгений Максимович, мы эту поездку и готовили.

— Хорошо, — продолжал Примаков. — У меня есть одна идея. Вы, конечно, будете возражать, но сначала послушайте мои аргументы.

И он заговорил о том, что есть страны, которые готовы покупать наше оружие, платить наличными. Грешно отказываться от такой возможности. Ведь нам экономические интересы всего важнее. Необходимо усиливать экономический вектор нашей политики.

Потом Примаков предложил всем высказаться. Было свободное обсуждение, совершенно академическое. Он не обиделся, что ему все возразили. Не было приказного тона, грубости, авторитарности: выслушайте мое мнение и выполняйте.

Разведчики говорили о том, что экономический фактор, конечно, важен, но есть и другие соображения, в перспективном плане еще более важные. Примаков всех выслушал очень внимательно, задал уточняющие вопросы, а потом спокойно сказал:

— Я прислушаюсь к вашему мнению. Вопрос снимается. Мы не будем обращаться к президенту с предложением пересмотреть политику в отношении продажи оружия.

Кто-то пошутил, и все рассмеялись...

Примаков заботился о моральном состоянии разведки, о ее репутации в обществе, о настроениях офицеров. Как только он пришел в Ясенево, он сказал своим помощникам:

— Задача состоит в том, чтобы разведка в собственной стране жила спокойно, чтобы камни в нее не летели. Чтобы наши сотрудники, когда они возвращаются после

командировки из-за рубежа, нормально себя чувствовали. Надо снизить отрицательный накал в отношении разведки, который начался после августа девяносто первого в отношении всей системы бывшего КГБ.

В разведку Примаков привел с собой только трех человек.

Своего бессменного и преданного помощника Роберта Вартановича Маркаряна, умелого организатора, которого знал еще по институту востоковедения.

Привел Юрия Антоновича Зубакова, вице-адмирала. Он двадцать три года служил в военной контрразведке, в перестроечные времена был заместителем заведующего сектором ЦК КПСС. В 1990–1991 годах работал у Примакова в аппарате Совете безопасности, созданного Горбачевым. У Примакова создалось впечатление, что прежний заместитель директора разведки по кадрам не склонен посвящать нового руководителя в детали своих дел, поэтому Евгений Максимович и поручил кадры адмиралу Зубакову.

И еще одного человека он привел — генерал-лейтенанта Ивана Ивановича Гореловского, поручил ему хозяйственно-финансовые дела.

— Хозяйственник — неподходящее, мелковатое слово для этого человека, — говорили мне в разведке. — Это абсолютно невероятный умелец. Примаков определил ему хозяйственную жизнь, социальные и бытовые дела, и он эту тяжелую ношу потянул.

Уходя из разведки, Примаков взял с собой в МИД и Маркаряна, и Зубакова (а потом заберет их в аппарат правительства; когда перестанет быть премьер-министром, позаботится о том, чтобы Маркарян поехал послом в Сирию, а Зубаков — в Литву). Гореловского (он стал в 1997 году генерал-полковником) оставил. Новый начальник разведки Вячеслав Иванович Трубников умолял его не забирать Ивана Ивановича. Сказал Примакову:

— Я все переживу, но только Ивана Ивановича оставьте. Он такие проблемы умеет решать...

Если говорят, что нет незаменимых людей, то Иван Иванович первым полностью опровергает эту мысль. Примаков привел Гореловского с собой и знал: плохо с квартирами, значит, начнется строительство. Если плохо с домами отдыха — значит, Гореловский приведет их в приличное состояние. Если цены в столовой высокие, делает низкими. До кризиса 17 августа 1998 года обед стоил рублей пять.

В Ясенево есть свой магазин. На первом этаже продают продукты. В советские времена там был вполне приличный выбор. Когда пришел Примаков, он застал полупустые полки. Это сильно раздражало офицеров: мы занимаемся такой тяжелой работой, а не можем ничего купить, чтобы домой отнести.

Гореловский приобрел два рефрижератора. Они ездили по России — там мяса купят, здесь рыбы, картофеля дешевого — все склады забиты припасами. И из этих закромов, на старых запасах разведчики еще долго жили и после 17 августа, не повышали цены в столовой. Гореловский помог Примакову пережить самый трудный этап для разведки, когда отсюда начался отток.

Коммерческие структуры, которые как раз на ноги становились, выхватывали лучших людей. Кадровый сотрудник разведки имеет нужное образование — юрист или экономист. Владеет двумя-тремя языками, плюс опыт работы за границей, знает, как иметь дело с иностранными партнерами, как себя с ними вести, когда говорить, а когда помалкивать. Лишнего не болтает, надежный.

И все-таки с помощью социальной сферы удалось многих удержать. Есть хорошая поликлиника. Хотя бы и через двадцать лет, но квартиру дадут. Летом и на зимние каникулы можно ребенка отправить отдыхать. Себе путевку взять: хочешь — поближе к Москве, хочешь — подальше. Примаков очень удачно добился того, что разведка сохранила прежнюю санаторно-курортную систему. Что было, то и осталось...

Примаков избавил разведку от неприличной работы, которой она прежде занималась. Евгений Максимович запретил разведке участвовать в травле наших же дипломатов, подглядывать в замочную скважину, кто с кем спит, кто чего пьет... Он сказал:

— Занимайтесь своим делом. Не надо приносить мне данные о том, как наши люди ведут себя за границей.

А именно этим занималась резидентура, потому что шпионов ловить и самому быть разведчиком труднее, чем стучать на своего ближнего.

За разведчиками всегда бдительно присматривало второе главное управление КГБ (внутренняя контрразведка), которое искало врагов среди своих. Аппарат контрразведки исходил из того, что каждый отправляющийся за границу или вступающий в отношения с иностранцами может быть перевербован, и потому с величайшей подозрительностью относился к товарищам из разведки. Для сотрудников разведки это не было секретом.

— Мы были частью комитета госбезопасности, — рассказывал мне один из ветеранов внешней разведки, — но чувствовали, что мы все-таки не внутренний сыск, не тайная полиция, а цивилизованный инструмент государства. Соответственно, второй главк, контрразведка нас не любила. Поймать сотрудника первого главного управления на пьянке — это был для них праздник. Иногда им это удавалось.

Один из офицеров разведки отбывал в длительную зарубежную командировку под крышей сотрудника посольства и отмечал, как это полагалось, отъезд вместе с мидовцами в «Славянском базаре». Еще в разведывательной школе всех предупреждали: не ходите в рестораны, где могут быть иностранцы. А он забыл... Вот сидел он со своими новыми коллегами за одним столом. Вдруг подошел человек, попросил прикурить и ушел. А это оказался американец, которого вела служба наружного наблюдения КГБ.

Для наружки это был контакт иностранца с советским гражданином. Им по инструкции следовало провести оперативное мероприятие — выяснить, что это за человек, к которому подошел американец. Была плохая погода, они поленились, как это полагается, проводить его до дома и установить адрес и имя. Поступили иначе. Притворились пьяными и у вешалки пристали к нашему сотруднику:

— Дай прикурить! Ах, не дашь!

Затеяли драку и сами же вызвали милицию. А милиция — это учреждение, где можно потребовать предъявить паспорт. Оказавшись в отделении, он предъявил не только паспорт, но и красную книжечку — удостоверение сотрудника КГБ, — и стал говорить:

— Да я свой, ребята! Отпустите, а то я завтра улетаю.

Наружка была счастлива. Вызвали дежурного по КГБ, и его увезли. Никуда он, естественно, не поехал. Выезд за границу ему закрыли, с оперативной работы убрали и еще долго пилили во всех инстанциях:

— Зачем расшифровал себя, обнаружил свою принадлежность к комитету? Надо было сказать, что работаешь в министерстве иностранных дел. Зачем потрясал удостоверением? Неужели не понимал, что порочишь честь комитета?

Владимир Крючков по указанию Андропова внутри самой разведки сформировал еще и мощную службу внешней контрразведки. Ее руководителем стал ставший впоследствии широко известным самый молодой в разведке генерал Олег Данилович Калугин.

— Главная задача управления «К», — говорил Андропов, — это проникновение в спецслужбы противника, с тем чтобы обеспечить безопасность нашей разведки.

В 1972 году Андропов поднял статус внешней контрразведки, придав ей уровень управления в составе первого главка. Один из отделов управления «К» отвечал за обеспечение внутренней безопасности комплекса помещений в Ясенево и личного состава. Иногда возникали неприят-

ные ситуации. Например, кто-то из офицеров-разведчиков крал у товарищей часы или меховые шапки. Искать преступника приходилось самим, не привлекая коллег из других подразделений КГБ или тем более милиции.

Служба внешней контрразведки настояла на том, чтобы посольства охранялись пограничниками, и завела во всех посольствах офицеров безопасности — легальных офицеров КГБ. Они получили официальное право приглашать к себе советских граждан для бесед по душам и осматривать все помещения, чтобы помешать врагу установить там прослушивающие устройства.

Эта служба должна была проникать в логово врага — иностранные разведки и охранять наших разведчиков, нелегальную сеть и всех советских людей за границей от чужих спецслужб. На самом деле она занималась слежкой за теми, кого ей следовало охранять. Так создавались досье на дипломатов и членов их семей. Служба внешней контрразведки большей частью шпионила за своими же, превращаясь в полицию нравов.

Сотруднику резидентуры, который представлял эту службу, раскрыть агента-двойника, вроде полковника Олега Антоновича Гордиевского, который служил в резидентуре в Лондоне, а параллельно работал на англичан, оказалось не под силу. Но чтобы показать свою работу, он находил потенциальных предателей «на бытовой почве». Иначе говоря, капал в Москву на тех, кто позволял себе вольно выражаться, слишком много общался с иностранцами, закладывал за воротник или грешил по части женского пола.

Я видел, с какой трудно скрываемой неприязнью относились офицеры-разведчики к коллегам из внешней контрразведки. В журнале, где я работал в восьмидесятые годы, большая часть зарубежных корреспондентов были разведчиками. В ожидании визы они сидели у нас в редакции, читали тассовские сводки, писали заметки — говоря профессиональным языком, осваивали обязанности по прикрытию.

Молодые и в основном симпатичные ребята, они наслаждались свободной атмосферой журналистского коллектива, где на дружеских вечеринках можно было позволить себе то, что в Ясенево немислимо. Но их поведение немедленно изменилось, когда среди них появился угрюмый офицер, представлявший службу внешней контрразведки. Он ждал назначения в одну из африканских стран и, видимо, заодно присматривал за товарищами по службе.

Академик Александр Яковлев, который сам несколько лет был послом в Канаде, вспоминал:

— В разведке было свое управление контрразведки. А в каждом посольстве сидел и за всеми следил сотрудник управления, которого именовали офицером безопасности. Жуть.

Следили и за самим послом. Резидентуры политической и военной разведок в каждом посольстве имеют собственные каналы шифросвязи с Москвой. У них полная возможность капать на посла и на других дипломатов. И не только посол, но и министр иностранных дел не узнают, что передают оба резидента своему начальству, как оценивают деятельность посла и посольства. Следивший за нравами в советской колонии офицер безопасности любому мог сломать жизнь, добиться, чтобы его вернули на родину. И нельзя было возразить, и нельзя заступиться, потому что КГБ был властью анонимной. Никому не говорили: вас отзывают, потому что вами недоволен КГБ. Просто объявляли: центр считает целесообразным вернуть вас в Москву. И все.

Примаков это отменил. Служба внешней контрразведки нужна, но только та, которая реально работает и находит агентов чужой разведки. А они есть...

Примаков незаметно для себя легко усвоил несколько правил работы в Ясенево. Одно из них — служебные бумаги класть лицевой стороной вниз, чтобы не видно было, что это за документ. Эта привычка впиталась в Примакова, и когда он пришел к президенту уже в роли премьер-министра и увидел, что их снимают телекамеры, он ав-

томатически перевернул документ шапкой вниз. Умение быть аккуратным с бумагами вырабатывается раз и навсегда. Равно как и привычка в разговоре даже со своими коллегами агента называть его кодовым именем, кличкой. Подлинное имя агента называть не принято даже в защищенных от прослушивания помещениях.

Еще одно правило — когда выходишь из комнаты, куда бы ни шел, надо все документы убрать в сейф. Такова производственная этика.

Правда, Евгений Максимович в силу занимаемого положения был избавлен от необходимости, уходя, не только запирать комнату, но и опечатывать ее личной печатью. В его приемной всегда кто-то дежурил. И уничтожением секретных бумаг Примаков тоже мог не заниматься.

Все остальные офицеры разведки знают, что старые газеты еще можно выбросить в мусорное ведро, а исписанные листы бумаги, что бы на них ни было написано, складываются в коробку, которая стоит в сейфе. Раз в неделю офицеров обходит дежурный по отделу и спрашивает: можно забрать коробку? Весь бумажный мусор сжигается под бдительным взором сотрудников службы внутренней безопасности.

А вообще-то в разведке ненужных бумаг не бывает. Каждая бумага учтена и является частью какого-то дела, в которое и должна быть возвращена...

Служебные кабинеты убираются только в присутствии офицера. Уборщицу, хотя это тоже проверенные люди, никогда в комнате одну не оставят. В шесть вечера рабочий день заканчивается, и сразу же начинают запускать уборщиц. В каждом подразделении остается дежурный — кто-то из молодых офицеров, который открывает ей один кабинет за другим, стоит рядом с ней и наблюдает за уборкой. Она выходит, он закрывает дверь, опечатывает своей печатью и только тогда открывает следующую комнату.

Если кто-то из офицеров задержался на рабочем месте, дежурному легче. Уборщица сама заглянет:

— Можно?

Если ей упаковку импортного чая, из командировки привезенного, подарить, она лучше уберет, пепельницу сама вынесет.

Но эти меры безопасности не спасают от провалов. Разведка несла в себе все пороки КГБ, начиная с анкетного подхода к подбору кадров. Многие молодые люди, стремившиеся на работу в КГБ, рассматривали первое главное управление как вожаденное выездное место. Основным стимулом была возможность поехать за рубеж. Этот органический порок, от которого были свободны только советские разведчики первого поколения, добившиеся громких успехов, в значительной степени породил провалы последних десятилетий.

Кто изо всех сил пробивался в закрытое учебное заведение, которое готовило кадры для первого главного управления КГБ СССР?

Во-первых, сотрудники территориальных органов КГБ, сумевшие доказать начальству, что они заслужили право работать за границей.

Во-вторых, молодые партийно-комсомольские работники, которых по решению ЦК переводили в КГБ «на укрепление органов».

В-третьих, выпускники институтов и университетов, обладавшие бесспорным, с точки зрения кадровиков, достоинством — хорошей анкетой. Преимуществом пользовались отпрыски знатных партийно-государственных родов, а также «дети рабочих и крестьян», отличившиеся на комсомольской работе.

Соответственно перспектива лишиться выездной работы, вернуться на родину навсегда — из-за чьего-то провала или по причине недовольства начальства или в результате того, что кому-то надо уступить завидное место, — больше всего пугала анкетных офицеров первого главка. И те, для кого потеря заграничных командировок была вовсе невыносимой, бежали один за другим... В последние десятилетия разведчиков покупали не идеями, а деньгами.

Один раз я видел Примакова по-настоящему расстроенным, если не сказать — злым. Это было в феврале 1994 года — после ареста важнейшего советского агента Олдрича Эймса, который работал в ЦРУ и выдал десять американских агентов в Москве.

Эймс проработал в оперативном директорате ЦРУ тридцать один год. Он был разочарован своей службой, остро нуждался в деньгах, хотел изменить свою жизнь.

В апреле 1985 года Эймс просто написал записку, адресованную резиденту советской внешней разведки генералу Станиславу Андреевичу Андросову, с предложением назвать имена трех агентов ЦРУ в Советском Союзе в обмен на пятьдесят тысяч долларов. И приложил ксерокопию страницы из внутреннего телефонного справочника ЦРУ, подчеркнув свою фамилию. Эймс приехал в советское посольство и отдал письмо дежурному. Он знал правила и своему начальству объяснил, что навел на сотрудника посольства, которого они пытались завербовать.

Через неделю Олдрич Эймс получил пятьдесят тысяч долларов. Он был потрясен: как легко, оказывается, можно раздобыть большие деньги! Эймс назвал всех завербованных американцами агентов. Кроме того, передал советским разведчикам большое количество секретных документов, которые выносил из здания ЦРУ в обычной сумке. Никто из охранников не проявил интереса к ее содержимому.

За вербовку Эймса Виктор Иванович Черкашин, заместитель вашингтонского резидента, отвечавший за линию внешней контрразведки (то есть за проникновение в спецслужбы главного противника), получил высший в советском государстве орден Ленина. Редко кто из разведчиков удостоивался такой почести. Черкашин сам разговаривал с Эймсом и принял окончательное решение вручить ему деньги и поверить в то, что он сказал.

Эймс сыграл важную роль в карьере Крючкова, который смог порадовать нового хозяина страны Михаила Сергеевича Горбачева фантастическими успехами своей

службы. Но и для наследников Крючкова на посту начальника разведки Эймс был важнейшим агентом. Ему заплатили в общей сложности больше двух миллионов долларов. Никто из агентов еще не получал таких денег.

Об аресте стало известно 21 февраля 1994 года.

Два руководителя российского направления ЦРУ после ареста Эймса примчались в Москву. Это был период хороших отношений с Соединенными Штатами, американцы были обижены: мы вам помогаем, а вы против нас шпионите! Требовали от российских коллег безоговорочно признать свою вину, представить материалы, которые Эймс передал Москве, и по доброй воле самим отозвать представителя Службы внешней разведки в Вашингтоне, легального резидента генерала Александра Иосифовича Лысенко.

Говорят, что даже генерал Лысенко не знал подлинного имени своего важнейшего агента по кличке «Людмила». Но когда он услышал об аресте сотрудника ЦРУ Олдрича Эймса, то сразу догадался, что это и есть «Людмила», которой так дорожили в центре.

Руководители американской разведки нагрянули в Москву сюрпризом, без приглашения и в отсутствие Примакова. Беседовать с ними пришлось его первому заместителю Вячеславу Ивановичу Трубникову. Насколько известно, разговор между разведчиками двух стран был тяжелым и неприятным.

Примаков в тот момент находился за границей. Впоследствии я имел возможность поговорить с человеком, который в те дни был рядом с Евгением Максимовичем:

— Что переживал Примаков, когда арестовали Эймса?

— Для него это был шок невероятный. Вся его переговорная деятельность была сокращена. Он не отходил от телефона, шел непрерывный обмен шифротелеграммами. Для него это была такая трагедия, такой кошмар, просто ужас. Он был просто убит.

После ареста Олдрича Эймса директор СВР Примаков сам захотел встретиться с журналистами и даже привел с собой своего первого заместителя Трубникова. Правда,

называть их имена и ссылаться на них в тот момент было нельзя. Встреча проходила в Колпачном переулке, где тогда находилось пресс-бюро Службы внешней разведки. Примаков был зол, строг и неприемлим.

Они оба — и Примаков, и Трубников — отказались тогда признать, что Эймс, обвиненный в работе на Москву, платный агент Службы внешней разведки. Они говорили, что даже косвенное признание в сотрудничестве с Эймсом окажется для него роковым на предстоящем суде в Соединенных Штатах. Но к тому времени начальник генерального штаба вооруженных сил России генерал-полковник Михаил Петрович Колесников уже заявил, что Эймс не работал на военную разведку. Таким образом, никто не сомневался, что лавры вербовки такого агента принадлежат Службе внешней разведки. Да и Олдрич Эймс в любом случае был обречен — ФБР собрало все доказательства его работы на российскую разведку и получило его собственное откровенное признание.

Примаков был явно огорчен тем, что арест Эймса вызвал такой шум и способствовал ухудшению российско-американских отношений. Они с Трубниковым убеждали журналистов, что и само ЦРУ, которому нанесена «тяжелая травма», не заинтересовано в этом скандале. Это арестовавшее Эймса Федеральное бюро расследований, а также конгресс и политические противники президента Билла Клинтона используют этот скандал в собственных интересах.

Примаков говорил тогда, что на закрытых переговорах с руководителями ЦРУ и ФБР он вовсе не обещал прекратить разведывательную деятельность на территории Соединенных Штатов. Руководители российской разведки жаловались, что американцы сами расширили масштабы агентурной разведки на территории России:

— Мы с пониманием относимся к естественному стремлению Соединенных Штатов знать, что происходит в России. Но в таком случае и в Вашингтоне должны проявить ответное понимание.

В Вашингтоне понимания не проявили и выслали из страны руководителя резидентуры российской разведки Александра Лысенко, который до этого был резидентом в Индии (на освободившееся место Примаков потом отправил Сергея Николаевича Лебедева, который при Путине станет начальником разведки). В ответ советника американского посольства Джеймса Морриса, возглавлявшего резидентуру ЦРУ, попросили в семидневный срок покинуть Москву. Как сказал нам тогда Примаков:

— Мы не пропустим ни одного удара.

Через четыре с лишним года после ареста Эймса Примаков рассказывал мне:

— Когда я пришел в разведку, многие говорили: давайте заключать двусторонние соглашения о ликвидации разведывательной деятельности! Допустим, мы подписываем такое соглашение с Великобританией. И что? Если бы такое соглашение можно было подписать в универсальном плане — со всеми, на это можно было бы пойти. А так что произойдет? Мы заключим соглашение с Великобританией, а она будет получать от других все материалы о России — это же ни в какие ворота не лезет. Мы окажемся в худшем положении.

Против нас, продолжал Примаков, ведут активную разведывательную деятельность, и растет число резидентур, которые нами занимаются. Работают против России с территории стран СНГ и Балтии, туда выводят на связь свои источники. Все это есть, так что преждевременно говорить о прекращении разведки.

— А потом, это не так уж плохо, — заключил Примаков, — потому что разведка часто предотвращает события, которые могли бы подорвать стабильность.

Провал Олдрича Эймса не был последним в цепи неудач российской разведки и на американском, и на европейском направлениях. Провалы агентурной сети были следствием не усиленной, авральной работы местных охотников за шпионами, а чаще всего результатом бегства российских разведчиков.

Под руководством Трубникова, как положено в таких случаях, все личное и рабочее дело Эймса разбиралось с того самого дня, как он начал работать на Москву, анализировался каждый шаг его и наших оперативных работников, вспоминали каждое слово. Но Примаков не пошел по пути раздачи выговоров. Это ведь больше для показухи делается: виновные наказаны, и если наверху вопрос будет задан, то смело можно отвечать — такой-то уволен, такой-то понижен в должности, уроки извлечены.

Результаты служебного расследования по делу Эймса, проведенного Службой внешней разведки, разумеется, не обнародовались. Судя по словам некоторых осведомленных лиц, комиссия пришла к выводу, что в провале больше всего виноват сам Олдрич Эймс. Он вел себя слишком неосторожно, нарушил правила конспирации, не прислушался к советам своих кураторов из Москвы... Но косвенно вина ложится и на бывшее руководство разведки и КГБ.

Главная проблема Эймса состояла в том, что, как только он назвал имена агентов американской разведки в Москве, их всех расстреляли. Поэтому после ареста его назвали в Америке «серийным убийцей». Разве удивительно, что американцы столько лет искали того, кто выдал всех агентов?

— Если у вас десять агентов поймали, вы будете очень долго изучать возможных предателей, искать, у кого есть что-то подозрительное, пока не найдете, — говорили мне в Службе внешней разведки. — Вот Эймса и поймали.

В провале Эймса разведчики упрекают своего бывшего руководителя Владимира Александра Крючкова. Ведь это он, демонстрируя успехи своей службы, положил на стол высшему руководству список американских агентов, переданный Эймсом. И он допустил, чтобы их всех разом арестовали и расстреляли. Хотя это был самый ясный сигнал американцам: ищите у себя предателя...

Но некоторые ветераны разведки подозревают, что Эймс и сам стал жертвой предательства. Они не верят

рассказам американских контрразведчиков о том, что они вычислили Эймса, потому что он явно жил не на одну зарплату. Ветераны уверены, что в Ясенево работает предатель, который продал Эймса, а затем и некоторых других российских агентов. Конечно же, к материалам об агентах такого уровня допущено только несколько человек из высшего руководства разведки. Имя каждого, кто видел эти материалы, известно: нельзя взять папку или даже отдельную шифровку, не расписавшись. Неужели кто-то из них?.. Впрочем, есть еще технические работники — сотрудники архивов, секретари и курьеры, которые видят эти материалы, но за них не расписываются.

Страх перед кротом, иностранным агентом, который работает в самом сердце разведки, живет в каждой спецслужбе. Время от времени подозрения оказываются правдой. Американцы убедились в этом, арестовав в 1994 году ветерана ЦРУ Олдрича Эймса...

СКОЛЬКО НУЖНО АГЕНТУРЫ?

— Вы думаете, разведка — это на пузе ползать? Или тайниковые операции проводить? Или проверяться, чтобы за тобой не было наружки? — весело говорил мне Примаков, когда я спросил его, что же ему нравилось в разведке. — Это все тоже есть в работе разведчика. Но руководители разведки главным образом занимаются аналитической работой. Ведь добыча информации — это же не самоцель. Материалы разведки нужны для того, чтобы правильно представлять, что твой визави намерен предпринять в отношении твоего государства и как ему что-то противопоставить. Это очень интересная работа, — повторил Примаков.

Евгений Максимович не лукавил. Разведка — это то самое место, где ему больше всего нравилось работать.

Виталий Игнатенко, который хорошо его знает, говорит:

— Я думаю, что Примаков воспринимал разведку как ту работу, где он может проявить себя как очень сильный аналитик. Он внес туда дух поиска. Эта служба нуждается в оплодотворении наукой, знаниями. Примаков пришел туда из науки и сделал ее очень значимой.

Журналист Томас Колесниченко, который дружил с Примаковым сорок лет, заметил:

— Он себя нашел в разведке. Он купался в этом... Он поднял разведку на такой уровень, какой они себе даже не представляли. Они стали мыслить иначе. Аналитика пошла настоящая.

Начальник политической разведки, в отличие от своих коллег, силовых министров, практически незаметен. Каждый понедельник директор Службы внешней развед-

ки Евгений Примаков входил в кабинет президента Бориса Ельцина для подробного доклада. Текущую разведывательную сводку, срочные сообщения президент получает каждый день в запечатанных пакетах. Но раз в неделю Примаков приезжал в Кремль, чтобы ознакомить президента с обзором важнейших проблем. Задача Примакова состояла в том, чтобы рассказать Борису Ельцину, что происходит, как это оценивает разведка и как, с ее точки зрения, следует поступать в мировых делах.

Разведка работает круглосуточно, эта работа не терпит перерывов. Двадцать четыре часа в сутки в Ясенево нескончаемым потоком поступает информация со всего мира. Вообще-то всю информацию, поступающую в разведку, один человек прочитать не в состоянии. Есть информационно-аналитическая служба, туда приходят все телеграммы, в том числе из министерства иностранных дел и главного разведывательного управления генштаба — военной разведки. Эффективность этой гигантской машины производит впечатление. Офицеры-аналитики обрабатывают все поступающие сведения, пытаются разобраться в происходящем и постоянно обновляют свои оценки ситуации в том или ином регионе. Аналитики все просматривают и самое интересное, важное, нужное отбирают начальнику разведки. Потом это смотрят помощники и кладут ему на стол. Есть, конечно, оперативные телеграммы, адресованные только ему. Или информация, которая, минуя всех, поступает в адрес директора.

Дальше уже Примаков решал: это показать президенту, это разослать главе правительства, министрам обороны и иностранных дел, на основании этого сообщения собрать дополнительный материал и подготовить специальную записку.

Разведчики пребывают в уверенности, что они заранее обо всем предупреждают политиков, но политики не способны воспользоваться тем драгоценным кладом, каким является разведывательная информация. А многие профессиональные политики достаточно пренебрежи-

тельно относятся к этим секретным сводкам, считая, что в принятии важнейших политических решений разведка помочь не может.

Примаков несколько лет работал с Горбачевым, который высоко ценил материалы разведки и внимательно их читал. В роли члена Президентского совета и Совета безопасности сам Евгений Максимович получал информацию КГБ о внешнеполитической ситуации. Став начальником разведки, он установил, что сведения, поступавшие от Крючкова, не имели ничего общего с той информацией, которую реально собирало первое главное управление. Но в те времена политическая разведка не имела прямого выхода на руководство страны.

Примаков обнаружил, что рассказы Крючкова о существующих в стране «агентах влияния» ЦРУ — миф. Получив запрос российской прокуратуры, он дал указания подразделениям разведки тщательно проверить материалы на этот счет. Ответ был однозначный — никаких данных такого рода не было и нет.

Аппарат, с которым работал Примаков, в значительной степени сформировался под влиянием Крючкова. Тот десять лет возглавлял разведку и еще три года был председателем всего КГБ. Крючков начинал свою жизнь профессиональным комсомольским работником. Во время войны будущий глава госбезопасности на фронт не попал, был нужнее в тылу. После войны работал в прокуратуре. В 1951 году в Сталинградский обком партии пришла разнарядка — откомандировать перспективного молодого партийца в Москву для учебы в Высшей дипломатической школе. Выбор пал на Крючкова.

Из всего потока один Крючков рискнул взяться за изучение очень непростого венгерского языка. Повсюду носил с собой карточки со словами, которые следовало запомнить. Выучить венгерский язык — значит проявить характер, усидчивость и упорство. Всего этого Крючкову было не занимать.

В конце лета 1955 года молодой дипломат Крючков отправился в Будапешт. Он получил назначение в совет-

ское посольство третьим секретарем. Послом был молодой партийный работник Юрий Владимирович Андропов. Крючков вытащил счастливый билет. Дальше они шли по жизни вместе до самой смерти Андропова.

Уходя в мае 1967 года со Старой площади на Лубянку, Юрий Владимирович забрал с собой свой личный аппарат — человек десять.

«Держались они на первых порах тесной стайкой, — вспоминал заместитель начальника разведки Вадим Кирпиченко, — и все старались выяснить, нет ли вокруг Юрия Владимировича недоброжелательности или, не дай бог, не зреет ли какая крамола. Эта группа была предана ему лично и стремилась всеми доступными средствами работать на повышение его авторитета, что порой выглядело даже смешным и наивным из-за прямолинейности в восхвалении достоинств нового председателя...»

Владимир Крючков получил на Лубянке прежнюю должность помощника, но в том же 1967 году стал начальником секретариата председателя КГБ. Педантичный, аккуратный, организованный, с прекрасной памятью, он стал идеальным канцеляристом. Начальник секретариата генерал-майор Крючков произвел сильнейшее впечатление на будущего начальника разведки Леонида Шебаршина, который пришел с просьбой найти документ, переданный Андропову.

«Владимир Александрович удивил меня своей памятью, — писал Шебаршин. — Услышав название документа, попавшего к нему несколько месяцев назад, он немедленно открыл сейф и из толстенной пачки бумаг сразу же достал именно то, что требовалось. Мне показалось, что я имею дело с человеком в какой-то степени необыкновенным».

Кабинет Крюčkова на третьем этаже находился прямо напротив председательского, приемная у них была общая. Владимир Александрович всегда был под рукой, готовый дать справку, напомнить, выполнить любое указание, проследить за движением бумаг, старательный, надежный, услужливый и безотказный исполнитель.

Через четыре года, летом 1971 года, Андропов неожиданно для многих перевел Крючкова в разведку — первым заместителем начальника первого главного управления.

Крючкову переход на большую самостоятельную работу с завидными перспективами дался трудно. Он вспоминал, как ему было «не по себе от мысли, что работать придется на некотором удалении» от Андропова. К тому времени они трудились вместе семнадцать лет. Крючков боготворил начальника, знал наизусть его стихи. Он привык к роли первого помощника, а тут предстояло самому принимать решения. Но Владимир Александрович нашел выход. Его сотрудники быстро заметили, что он по каждой мелочи советовался с Андроповым. Крючков по характеру, образу мышления и поведения так и остался помощником. Крючков пробыл первым заместителем начальника разведки три года — столько ему понадобилось для того, чтобы освоиться и разобраться в новом деле.

30 декабря 1974 года генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев принял Андропова вместе с Крючковым. Это были смотрины. Андропов внес в ЦК предложение назначить Владимира Александровича начальником первого главного управления и одновременно заместителем председателя КГБ.

На этом посту Крючкову не хватало не столько профессионального опыта, сколько глубины понимания происходящего в мире. Да и по натуре он не был лидером. В роли доверенного помощника Андропова Владимир Александрович был на месте. А без указаний своего наставника грамотный и работающий «номер два» терялся.

Крючкова всегда считали бледной тенью Андропова. Серая мышь, исполнительный помощник, гений канцелярии — в особой атмосфере тайной полиции Крючков чувствовал себя как рыба в воде. Умение выполнять приказы сделало Крючкова необходимым сначала Андропову, затем его наследникам.

На пост председателя КГБ, как утверждают, Крючкова рекомендовал академик Яковлев, которому изменила его

обычная проницательность. Крючков искал путь к Горбачеву. Александр Николаевич вспоминал, как «Крючков напористо полез ко мне в друзья, буквально подлизывался ко мне, постоянно звонил, зазывал в сауну, всячески изображал из себя реформатора».

Яковлев полагал, что человек из разведки, не участвовавший в политическом сыске, — более подходящая фигура, чем любой человек из контрразведки. Крючков во всех разговорах давал понять, что он — именно тот человек, который нужен Горбачеву. «Он всячески ругал Виктора Чебрикова за консерватизм, — писал Яковлев, — утверждал, что он профессионально человек слабый, а Филиппа Бобкова (бывшего начальника пятого управления) поносил последними словами и представлял человеком, не заслуживающим доверия, душителем инакомыслящих».

Крючков упросил Яковлева познакомить его с Валерием Ивановичем Болдиным, главным помощником Горбачева, — «объяснял свою просьбу тем, что иногда появляются документы, которые можно показать только Горбачеву, в обход председателя КГБ Чебрикова». Крючков добился своего и сменил прежнего председателя КГБ Виктора Михайловича Чебрикова. Яковлев вспоминал, что перед уходом на пенсию Чебриков, как всегда очень спокойно, сказал ему:

— Я знаю, что ты поддержал Крючкова, но запомни — это очень плохой человек, ты увидишь это.

Уже после августовского путча на выходе из Кремлевского дворца съездов Чебриков догнал Яковлева, похлопал по плечу и сказал:

— Ты помнишь, что я тебе говорил о Крючкове?

Горбачева, наверное, подкупили такие качества Крючкова, как его несамостоятельность в политике и безраздельная преданность прежнему хозяину. Михаил Сергеевич помнил, каким верным помощником был Крючков для Андропова, и хотел обрести такого же толкового и исполнительного подручного. Шебаршин писал: «Видимо, Крючков показался Михаилу Сергеевичу более гиб-

ким, динамичным и податливым человеком... Думается, генеральный секретарь сильно заблуждался и не заметил за мягкой манерой, внешней гибкостью и послушностью Крючкова железной воли и упрямства, способности долго, окольными путями, но все же непременно добиваться поставленной цели».

В Крючкове видели незаметного и неамбициозного исполнителя, готового выполнить любой приказ. Мастера на все руки. Говорят, что Крючков был полезен и в другом смысле. У всех высокопоставленных персон есть слабости, пьющие сыновья или гулящие дочери, за которыми нужен глаз да глаз, но родители заняты важной государственной работой. КГБ помогал уберечь непутевых детей от неприятностей, спасти родительскую репутацию. Тем самым политики становились зависимыми от КГБ, руководство которого много чего знало о семьях высокопоставленных политиков.

Информация собиралась не только в Москве. Краевые и областные начальники доносили в центральный аппарат КГБ обо всем, что знали. Поэтому Крючкову многое было известно о людях, перебравшихся в столицу и из Томска, и из Омска, и из Свердловска... А резиденты сообщали, как вели себя политики, оказавшись за границей.

Сидя на своих досье, как скупой рыцарь на мешках с золотом, Крючков начал мнить себя самостоятельным политиком, одним из вождей государства. Наступил момент, когда Владимиру Крючкову надоела роль безмолвного исполнителя. Феноменальная память и фантастическая осведомленность о том, что происходит в стране, только подогревали тщательно скрываемое честолюбие.

Горбачев пребывал в блаженной уверенности, что вознесенный на высокий пост председатель КГБ будет вечно хранить ему верность. А Крючков негодовал, что его заставили слишком долго ждать этой должности, а он достоин большей роли. С ним произошло то, что случается со слугой, который днем разносит туфли для господина, а ночью тайно их примеряет. Изю дня в день он доклады-

вал Горбачеву секреты своих досье и постепенно исполнялся презрения к хозяину: тот все заглатывал, но ничего не предпринимал. Значит, Горбачев слаб. Почему бы, в таком случае, не заменить его?

Крючков считал себя сильной личностью и решил проверить свои способности на деле. И с треском провалился в августе 1991 года. Серая мышь не может стать львом. Генеральный директор канцелярии ни на что не годится на поле боя...

Как и весь КГБ при Андропове, внешняя разведка при Крючкове достигла в определенном смысле расцвета. Резидентуры по всему миру, большие штаты, широкие агентурные сети, солидный бюджет, новая оперативная техника и, конечно же, особое положение разведки внутри КГБ: разведчики ощущали особое расположение Андропова.

Потом, правда, Крючкова упрекали за то, что он увлекался большими цифрами. Разведка старалась собрать максимум информации по всем странам. Реальной пользы от этого было немного, но создавалось приятное ощущение полного контроля над миром.

Однажды в Кабуле, поздно вечером, Крючков спросил начальника нелегальной разведки Юрия Ивановича Дроздова:

— А сколько вообще нужно иметь агентуры, чтобы знать, что происходит в мире?

— Не так много, — ответил Дроздов, — пять-шесть человек, а вся остальная агентурная сеть должна их обеспечивать, отвлекать от них внимание.

Крючков с интересом выслушал Дроздова, но остался при своем мнении.

Опытный оперативник исходит из того, что надо иметь не много агентов, но дающих ценную информацию. Крючков требовал от резидентур увеличить темпы и масштабы вербовки. Брали количеством.

Примаков не стал расчищать разведку от людей Крючкова, но постарался поменять принципы информационной работы. Люди, далекие от вершин власти, часто с мистическим уважением относятся к документам, по-

меченным пугающими грифами «совершенно секретно». Считают, что в шифровках разведки таится высшая мудрость. Уверены, что если бы получили доступ к разведывательным сводкам, то им открылись бы все тайны мира. Знающие люди куда более скептичны.

Вадим Александрович Печенев, бывший помощник генерального секретаря ЦК КПСС, вспоминал:

— Если бы знали любознательные от природы люди, сколько уникальной «секретной» литературы и прочих материалов я вернул, не читая, а то и перемолол, не заглядывая в них, в спецмашинах, сколько «сверхсекретных» (в кавычках и без) бумаг, телеграмм, депеш, так называемых шифровок с грифами политбюро, КГБ, ГРУ (главное разведуправление) я подписал, не читая!.. Если бы я и читал все эти шифровки и прочие секретные донесения, то все равно вряд ли это помогло мне в понимании истинных движущих мотивов политики.

Сотрудники первого главного управления КГБ не носили форму с синими петлицами, не щелкали каблуками и не обращались друг к другу по званию, но воинская система отношений наложила свой отпечаток и на разведку. Она исключает дискуссии и сомнения относительно приказов начальника. Разумный начальник, естественно, поощрял споры. Не очень умный запрещал. Это мешало исполнению главной задачи — снабжать политическое руководство страны объективной и осмысленной информацией о происходящем в мире.

Любимая среди военных команда «Не рассуждать!» в разведке не поощрялась, но многие резиденты отправляли в центр только такие донесения, которые там хотели видеть. Если кто-то из офицеров не разделял мнение резидента, он не имел возможности сообщить об этом в Москву. Отправить шифротелеграмму в центр может только резидент.

Не согласный с резидентом офицер должен был ждать отпуска, чтобы, вернувшись домой, попроситься на прием к начальству. И этот офицер рисковал многим, вступая

в спор с резидентом, потому что жалобы на начальство не поощрялись. Знаю несколько случаев, когда поссорившихся с резидентом офицеров разведки, даже если фактически они были правы, раньше времени возвращали в Москву и назначали с понижением на второстепенный участок работы.

Если же резидент не желал держать нос по ветру и отправлял в центр реалистические телеграммы, это тоже не имело особого успеха. Переходя от одного начальника к другому, информация о реальном положении дел превращалась в свою противоположность. Донесения разведки не должны были расходиться с той картиной мира, которую рисовали себе в Кремле.

Крупнейшие провалы советской внешней политики, скажем, ввод войск в Афганистан, объяснялись в том числе и этой порочной практикой первого главка КГБ. Работавшие в Кабуле разведчики утверждают, что они сообщали в Москву все, как было, но в центре их донесения переписывались.

Не было такой сферы жизни ГДР, которая осталась бы вне внимания советской разведки. Десятилетиями разведывательный аппарат в Восточной Германии докладывал в Москву о всяких пустяках, о мелких интригах внутри политбюро ЦК СЕПГ. Например, наши разведчики узнали, что генеральному секретарю ЦК СЕПГ Эриху Хонеккеру во время операции дважды давали наркоз, что, по мнению специалистов, не могло остаться без последствий для его умственных способностей...

Помимо представительства КГБ в Восточной Германии работала резидентура Главного разведывательного управления генерального штаба, разведывательное управление штаба Группы войск в Германии, управление особых отделов группы войск.

Но советская разведка, обладавшая в Восточной Германии всеми оперативными возможностями, не смогла предсказать скорый крах ГДР. В критический период, когда социалистическая Германия разрушалась на глазах,

каждый день в шесть утра по аппарату ВЧ-связи берлинская резидентура докладывала в Москву ситуацию. Но попытки прогноза всякий раз оказывались безуспешными. О том, что ближайшего союзника ждет неминуемая катастрофа, советские разведчики своему президенту не сказали. Не потому, что хотели утаить, — сами не знали. Зато снабжали его массой ненужной информации, которая только самой разведке казалась важной.

А Горбачев всегда трепетно относился к материалам, которые он получал из КГБ. Они предназначались только первому лицу в государстве, Горбачев своими секретами не делился, но о его любви к донесениям спецслужб в Кремле знали.

Михаил Сергеевич оставлял автографы на документах, в знакомстве с которыми ему лучше было бы не признаваться. Как принято на этой должности, он санкционировал прослушивание своих немногочисленных сторонников и соратников и не видел в этом ничего предосудительного. Хозяин страны исходил из того, что высшее лицо в государстве должно знать все: от цифр выплавки стали до количества бутылок водки, выпиваемых первым секретарем захудалого обкома. Ощущал себя монархом, который стоит выше любых норм и правил. Не существовало ни дружбы, ни приятельства.

Каждая информационная записка, которую приносил председатель КГБ Владимир Крючков, содержала запись самого разговора и заканчивалась стандартной формулой: «Считаем целесообразным продолжить оперативную разработку. Просим согласия». И согласие давалось.

Президент и в Кремле во многом оставался тем же партийным секретарем, который запирался с краевым начальником госбезопасности и заслушивал оперативную обстановку. Ввиду отсутствия иностранных шпионов хозяину сообщалось о закулисной жизни краевой элиты, о сомнительных разговорах и несерьезном поведении местных начальников.

Те, за кем Горбачев разрешил следить и кого велел подслушивать, хранили ему верность. Зато те, кто зани-

мался слезкой, бросили его при первой же возможности. Его предали те, кому он верил. А он предал тех, кто верил ему. Ошибка и одновременно трагедия Горбачева состояла в том, что он так и не понял: нельзя выволакивать страну из прежней жизни, но сохранять при этом все прежние структуры, КГБ в первую очередь. Произнеся днем смелую речь о новом мышлении, вечером Горбачев принимал председателя КГБ, который докладывал президенту, о чем в частной жизни говорят его собственные советники и помощники, чем занят Борис Ельцин и куда ездит его окружение в свободное время.

А внешняя разведка снабжала Горбачева информацией, из которой следовало, что к заявлениям и обещаниям западных лидеров надо относиться скептически, что они неискренни, таят нехорошие замыслы и сговариваются за спиной Горбачева. При этом разведка не упускала случая порадовать известием о том, что очередное заявление президента принято во всем мире на «ура» и что мир восхищается мудростью советского руководителя... Страстное стремление информационных служб сообщать президенту исключительно приятные новости очевидно.

Став пресс-секретарем президента, Сергей Владимирович Ястржембский рассказывал мне, что радикально изменил структуру информационных сводок, которые получал Борис Ельцин:

— Когда я посмотрел обзоры прессы, которые давали президенту, у меня это вызвало изумление. Обзор строился на псевдоанализе официальных средств массовой информации. Нельзя ссылаться только на «Российскую газету», «Российские вести», «Красную звезду» и делать вид, что остальные газеты как бы не существуют. Когда я недолго работал в международном отделе ЦК КПСС при Горбачеве, у нас и то более открытая информация шла...

Как вел себя Примаков, когда надо было ехать в Кремль и докладывать о неприятностях, например, о провале собственной службы?

— Он ехал и рассказывал все, как есть, — ответили мне сотрудники разведки. — Евгений Максимович вообще

очень дорожил новыми правилами и традициями, которые при нем создавались. Он считал, что не дай бог что-то упустить и приучить власть ко лжи со стороны разведки, удобной и приятной для нее. Особенно в докладе президенту. Если дело касается провала, как тут можно врать и лукавить? Ведь гласность. Есть западная пресса, и бесполезно что-то скрывать. Да с этим даже было проще — говорить о провалах своей организации. Значительно сложнее было делать еженедельный доклад.

Раньше разведка тоже еженедельно составляла свой доклад, и он шел дальше на Лубянку, где руководство КГБ старательно причесывало текст, дабы не раздражать начальство. Иногда даже поступали такого рода указания: проанализируйте состояние экономики Китая, но смотрите, не увлекайтесь и не расписывайте успехи китайцев...

Когда разведка напрямую стала подчиняться президенту, ушло промежуточное звено, которое припаривало информацию. И Примаков вцепился в эту возможность. Он для себя решил так:

— Я иду и говорю так, как есть. И пусть власть привкает к правде. А дальше дело президента — он может принять информацию разведки к сведению, а может пропустить мимо ушей. У него еще десять источников информации — на любой ориентируйся. Он вправе считать, что разведка все неправильно говорит... Но разведка обязана сказать все, что считает нужным.

К чести президента Ельцина надо сказать, что он никогда не склонял Примакова к тому, чтобы тот его не слишком огорчал. Борис Николаевич не выказывал своего неудовольствия. Иначе быстро бы поступило указание из администрации: ребята, смягчайте.

Татьяна Самолис, пресс-секретарь директора Службы внешней разведки, вспоминает, что, когда Евгений Максимович пригласил ее на работу, она поставила только одно условие. И это было даже не условие — просьба:

— Единственное, о чем я вас прошу, — чтобы вы меня не заставляли лгать. Я не знаю, что смогу сделать и как

снизить отрицательный накал в отношении разведки. Но точно знаю, что лгать нельзя.

И Татьяна Самолис предложила тогда формулу Иммануила Канта, которую Примаков тут же принял: всегда надо говорить только правду, но из этого вовсе не вытекает, что надо говорить всю правду.

— Согласен, — серьезно сказал Примаков, — согласен.

Взаимоотношения с властью у Примакова в принципе всегда складывались удачно. Как выразился один из тех, кто его хорошо знал:

— У Евгения Максимовича есть талант нравиться. Особенно — начальству.

Но что важно — Примаков к начальству не лез. Напротив, держался как бы в стороне. В начале девяностых карьеры делались быстро. Влияние и сила чиновника зависела от близости к Ельцину, от умения завоевать его расположение. Министры старались играть с президентом в теннис, ходить с ним в баню, ездить вместе на отдых, охотно поднимали бокалы и рассказывали анекдоты. Борис Николаевич любил открытых и веселых людей, приближал их, охотно проводил с ними время, но так же легко с ними расставался, когда выяснялась их профнепригодность.

Евгений Примаков руководил разведкой четыре с лишним года. За это время в контрразведке сменилось пять начальников! Место Бакатина на Лубянке занял министр безопасности Виктор Баранников, который сумел войти в доверие к президенту, пользовался его полным расположением. Через год с лишним был уволен. Николай Михайлович Голушко пробыл министром полгода — уволен раздраженным Ельциным. Сергей Вадимович Степашин тоже очень нравился Ельцину, но продержался только год с небольшим. Михаил Иванович Барсуков и вовсе принадлежал к личному кругу Ельцина, но тоже был уволен после года службы.

Примаков никогда не был близок к Ельцину и не стремился к этому. Ему не надо было недостаток профессио-

нализма компенсировать застольями, теннисом и совместными помывками в бане.

Начальник разведки живет на краю города — в Ясенево. А большая жизнь кипит в Кремле, на Старой площади, в Белом доме. Почему же Примаков не стремился участвовать в большой политике?

— Он уходил от этого, — рассказывали мне в разведке. — Времена были сложные. Накануне событий осени 1993 года его за фалды тянули в разные стороны. Всем хотелось заполучить его в свой лагерь. А он считал своей задачей ни в коем случае не позволить втянуть разведку во внутривнутриполитические дела. Задача разведки — собирать информацию вне России о том, что там происходит, что нам несет внешний мир, к чему нам себя готовить.

Сам Примаков говорил мне:

— Когда я пришел на работу в разведку, как раз произошло отделение разведки от КГБ. Это отделение было, безусловно, необходимо, потому что разведка не может быть частью правоохранительного органа.

И тут же добавил:

— Более того, внешняя разведка, как и министерство иностранных дел, не должна участвовать во внутривнутриполитической жизни. Ни в коем случае! Разведка служит интересам всего государства. Разведка — это система раннего предупреждения, страховой полис, способный застраховать государство от возможных неожиданностей.

Но если разведка начнет участвовать во внутривнутриполитических схватках, говорили в окружении Примакова, ей конец придет! Опять людей начнут раздирать — этот с председателем Верховного Совета Русланом Имрановичем Хасбулатовым, тот — с вице-президентом Александром Владимировичем Руцким. Это было бы невозможно, и Примаков убегал от такой опасности. Вызывают на доклад к президенту? Съездил, и назад. Нужно к премьер-министру? Ответил на все вопросы и сразу вернулся.

— Хорошо, — спрашивал я его недавних сослуживцев по разведке, — у Примакова не было желания участвовать

во внутривластных делах. Но война в Чечне или события октября 1993 года — разве ему это все было безразлично?

— У него были возможности выразить свою точку зрения, когда спрашивали его мнение или даже когда не спрашивали. Разведка тогда отрицательно относилась к вводу войск в Чечню и, естественно, об этом докладывала. Примаков свою позицию высказал, но опять же исходил из того, что политическое руководство вправе считать, что разведка ошибается.

Что касается событий 1993 года, то для себя он точно знал, кому он подчиняется. Тут все было абсолютно ясно. Может, ему в душе хотелось, чтобы президентом был кто-то другой, но есть избранный народом президент — и он будет работать с ним. И ни в каких интригах, ни в каких кознях он участвовать не станет. В этом можно быть уверенным на сто один процент.

Осенью 1993 года Примаков приказал усилить охрану территории, а офицерам не выходить в город с табельным оружием. Евгений Максимович вспоминал:

«СВР была единственной спецслужбой, куда Ельцин во время разворота событий ни разу не позвонил. Накануне событий, как известно, президент подписал Указ № 1400 о роспуске парламента. Я узнал об этом за несколько часов до запланированной заранее встречи близкого круга друзей в клинике Владимира Ивановича Бураковского. Ехал к нему по Ленинскому проспекту, когда в машину позвонил Ельцин. Состоялся такой разговор.

— Как вы относитесь к моему указу? — спросил президент.

— Мне кажется, что он не до конца продуман.

— Я ожидал другого ответа от директора Службы внешней разведки.

— Я сказал вам так, как думаю. Было бы гораздо хуже, если бы руководитель Службы внешней разведки говорил неправду своему президенту. Но мое отношение к указу — это мое личное отношение. И я уверен, что вы не заподозрите СВР в антипрезидентских настроениях.

Ельцин положил трубку и больше ни разу не возвращался к этому телефонному разговору».

Самое любопытное состоит в том, что этот эпизод не повлиял на отношение Ельцина к Примакову. Руководитель разведки фактически отказал президенту в поддержке. И сохранил свой пост. Немногие президенты способны пережить такое спокойно и не сменить начальника разведки.

Находил ли Примаков взаимопонимание со своими подчиненными?

Большая часть аппарата разведки, условно говоря, состоит из консерваторов. Либералов меньшинство. Эти люди осторожны в высказывании своих политических взглядов, потому что единомышленников у них здесь немного. Остальные разведчики в той или иной степени недовольны происходящим в стране еще с горбачевских времен. Причем это свойственно не только ветеранам. И молодые люди со значением говорили:

— Подождите, еще все вернется, как было.

Во-первых, консерватизм разведки естественен — это все-таки военизированная среда, хотя абсолютное большинство надевает форму раз в несколько лет только для того, чтобы сфотографироваться на новое удостоверение.

Во-вторых, разведчики многое потеряли в результате перемен в стране. Они утратили привилегированное положение, которое в советские времена гарантировало выезд за границу и почтительное отношение окружающих.

В-третьих, даже очень разумные люди, давно разочаровавшиеся в советской системе, отвергали сближение с Западом и требовали национально ориентированной политики, как они ее понимают. Они все равно не любят американцев. Для них партнерство с Западом и либеральные реформы в экономике в лучшем случае — глупость, в худшем — сознательное стремление разрушить страну. Они никогда не поверят, что Запад способен быть союзником России и искренне желать ей добра.

Влияют ли настроения аппарата разведки на ту информацию и оценки, которые служба дает президенту? Правы ли дипломаты, которые считают, что специальные службы рисуют окружающий мир в искаженном свете и утверждают, будто страна со всех сторон окружена врагами?

Разведчики, с которыми я разговаривал, убеждали меня в том, что достоверность разведывательной информации гарантируется многоступенчатой системой ее проверки. Любое сообщение резидентуры будет проверено в центре, сопоставлено с информацией из других источников. Разведка не может позволить себе опозориться, представив президенту ложные данные. Такая история может сломать не одну генеральскую карьеру.

Но никто и не говорит о сознательном искажении фактов. Речь идет об их подборе, оценке и интерпретации. Почему акценты в своих прогнозах и оценках разведка ставит иначе, чем дипломаты или ученые? Возможно, дело в том, что даже в мирное время, даже после окончания холодной войны разведчики все равно ощущают себя так, словно они находятся на поле боя. Не повлияла ли в этом смысле атмосфера разведки на самого Примакова? Не изменился ли сам Евгений Максимович, спросил я его близких друзей.

Они были единокорны:

— Не он изменился, а при нем многое в разведке изменилось... Единственное, что в нем самом изменилось, это то, что о работе у него, как говорится, клещами ничего нельзя было вытащить. Под пытками бы не рассказал. Ну, мы тоже понимали, не спрашивали у него то, что спрашивать нельзя.

ВЕРБОВОЧНЫЙ ПОДХОД

Считается, что сам Примаков — человек, настроенный антиамерикански. И что эти настроения в нем усилились за годы работы в разведке...

Хорошо помню настроения 1992 года — прошло примерно полгода после назначения Примакова на пост начальника разведки. Знакомые мне разведчики, молодые еще ребята, в частных беседах жаловались на свою беззащитность: американцы, наконец, нашли возможность рассчитаться с ними за все.

Сотрудники Службы внешней разведки говорили, что к известным всем бедам — катастрофической нехватке свободно конвертируемой валюты, необходимости сильно сократить центральный аппарат и состав резидентур по всему миру, отказаться от прежних прикрытий — добавилась новая: американцы требуют от Москвы прекращения всякой тайной деятельности против Соединенных Штатов. И что Примакову очень трудно противостоять этому давлению, он вынужден сдерживать своих людей.

В Италии и в Бельгии тогда были арестованы российские агенты, занимавшиеся промышленным шпионажем. На самом деле, оправдывались наши разведчики, промышленным шпионажем занимаются решительно все страны:

— Эти упреки — не что иное, как пропагандистская кампания, цель которой — вывести нашу разведку из игры. Провалы американцы раздули для того, чтобы прижать администрацию Ельцина к стенке: как же вы можете красть промышленные секреты и вербовать агентов в странах, которые сейчас бескорыстно помогают России?

Жалобы российских разведчиков производили тогда сильное впечатление. Если министерство безопасности

(затем переименованное в Федеральную службу контрразведки, а затем в Федеральную службу безопасности) как наследник КГБ не пользовалось особыми симпатиями, то к разведке всегда относились нейтрально или даже положительно.

Даже в такое революционное время, каким был переходный период от Советского Союза к самостоятельной России, общество в целом согласилось с тем, что государство не может обойтись без разведывательной службы. Хотя и самый невинный вид шпионажа — охота за промышленными и технологическими секретами — малопочтенное ремесло. Пока не пойман — разведчик, а уж если пойман — вор.

Воровать свои секреты американцы не позволяют ни французам, ни немцам. Разоблачение в Соединенных Штатах израильского шпиона породило взрыв негодования против ближайшего союзника. Стоило ли удивляться, что готовность помогать России не означала выдачу индальгенции на промышленный шпионаж?

Судя по рассказам разведчиков-ветеранов, Примаков — во всяком случае, в первые годы — сдержанно относился к вербовке американцев. Хотя его убеждали в том, что здесь нет ничего зазорного — при наличии партнерских отношений вести еще и разведывательную работу. В советские времена во всех резидентурах была линия ГП — работа против главного противника, то есть против американцев. Сидит наш разведчик, например, в Румынии, а занимается американцами, то есть старается завербовать кого-то из сотрудников американского посольства или корреспондентов.

При Примакове понятие «главный противник» исчезло. В ходу другой термин — работа с гражданами приоритетных стран. Изменились и критерии работы. Раньше с удовольствием вербовали любого американца — хоть повара в посольстве, хоть горничную военного атташе. Если они сами ничего рассказать не могут, то хотя бы аппаратуру подслушивания заложат. Примаков на предложение

завербовать такого человека обыкновенно отвечал резидентуре отказом. На всех совещаниях и на встречах с резидентами в ведущих странах, которых он принимал сам, Евгений Примаков повторял:

— Нужны агенты, имеющие доступ к государственной тайне, то есть серьезные люди.

В прежние времена вербовочное предложение любому иностранцу делалось с санкции председателя КГБ. Теперь — с разрешения директора Службы внешней разведки. Когда речь идет о вербовке важного агента, добро получали у генерального секретаря. Теперь вербовка происходит, видимо, с санкции аппарата президента.

Почему разведка сама такой вопрос решить неправомерно?

Во-первых, часто речь идет о выплате агенту таких сумм, которыми начальник разведки распоряжаться не вправе. На сей счет установлены строгие правила: сколько денег может своим решением выделить заместитель директора разведки, сколько — сам директор. За более крупными суммами приходится обращаться к президенту, чтобы он их выделил — иногда это миллионы долларов — из секретных фондов.

Во-вторых, вербовка — это вопрос еще и политический. Всегда есть опасность, что тот, кому делается предложение, возмутится, отправится к своему послу, России будет заявлена нота протеста. Не во всякий момент удобно затевать такой скандал — нельзя это делать, например, накануне встречи двух президентов.

Сотрудники разведки с грустью и тоской рассказывали мне, как целый год они разрабатывали одного американца. Настал момент, когда они пришли с докладом к Примакову. Они были горды тем, что им удалось сделать, и ждали поощрения. Примакову положили на стол докладную записку, очень короткую — меньше страницы, где говорилось, что такой-то американец замечен в некоем глупом поступке, на этом можно сыграть и сделать ему вербовочное предложение.

Речь шла о сотруднике резидентуры ЦРУ в одной из стран третьего мира. Как это было сделано? Нашим разведчикам удалось установить технические средства — аппаратуру подслушивания — в доме американца. Целыми днями его записывали. Потом пленки везли в резидентуру, здесь их прослушивали, переводили на русский, тщательно выискивая неосторожные слова — о его недовольстве работой, начальством, семейными отношениями, жизнью, и о том, напротив, что бы ему хотелось купить, да нет денег.

На чем можно зацепить? Не на неурядицах в личной жизни — пьянство и романы на стороне сами по себе не компрометируют. Это для советских разведчиков было опасно.

Ловят на ошибках в работе. Например, если удастся засечь встречу американского разведчика со своим агентом (обычно говорят — источником). Самое провальное для разведчика — беседовать со своим источником дома. Если это удалось засечь, записать такую беседу, то можно сделать вербовочный подход. И нашим людям повезло: они подловили американца на непростительной ошибке!

Местная резидентура и линейный отдел в Ясенево предложили несколько вариантов действий.

Обычно, если центр дает добро, в страну с отлично сработанными документами и безукоризненной легендой приезжает на несколько дней специальный вербовщик. Это стандартная предосторожность. Если американец поднимет скандал, то вербовщик просто покинет страну, а местная резидентура не пострадает.

В редких случаях, если резидент дает гарантии, что скандала точно не будет, то разрешают первый разговор провести сотруднику резидентуры. Это большая честь. Если американец даст согласие, то сколько бы людей — в Москве и на месте — ни готовили эту операцию, лавры достанутся тому, кому американец скажет «да».

Как это делается? Вербовщику помогут официально познакомиться с американцем и вступить с ним в разго-

вор, чтобы он под каким-нибудь предлогом мог назначить встречу в заранее подобранном кафе.

Из каких соображений американец может согласиться работать на российскую разведку? Не из страха перед разоблачением. Если он чего-то боится, то ему спокойнее сообщить своему начальству о попытке его завербовать. Естественно, наказывать его не станут. Напротив, руку пожмут. Но ведь не только российские граждане связывают с заграничными командировками определенные материальные надежды. Сотрудникам ЦРУ тоже надо заработать деньги на образование детей, на покупку дома и так далее. Если он идет к начальству и честно рассказывает, что русские пытаются его вербовать, то его возвращают домой, и больше командировок у него не будет: он расшифрован и к оперативной работе больше не пригоден. Или в лучшем случае новой командировки ему придется ждать несколько лет...

А если вербовка удалась, в резидентуре устраивается маленький праздник, обычно отмечаемый московской водкой, хорошим коньяком или виски. Не стоит думать, что собравшиеся в недоступном для других, за тремя замками посольском помещении разведчики так уж сильно отличаются от обычных людей. Тут и шутят, и веселятся, а когда работа закончена, могут расслабиться. За вербовку американца давали орден. Вербовка — это высший пилотаж и редкая удача. За всю жизнь можно завербовать одного-двух человек, которые будут работать достаточно долго.

Соглашаются, разумеется, не все. Что происходит в таком случае? Скандал? Драка? Нет, обычно оба разведчика расстаются вполне дружелюбно.

Некоторые из вербуемых уклоняются от прямого ответа:

- Мне надо подумать, посоветоваться.
- С кем? — уточняет вербовщик.
- С женой.
- Не стоит. Давайте все-таки решим сейчас.
- Тогда я не принимаю ваше предложение.

Оба разведчика встают и прощаются:

— Все это чепуха. Забудем?

— Забудем.

Но никто ничего не забывает.

Отказ работать на российскую разведку американцу в принципе ничем не грозит. Разведка никогда не станет его шантажировать, посылать компрометирующие материалы его начальству или предавать их гласности. Это не нужно. Но этого человека постараются не выпускать из виду, в дело будут подшивать любую информацию о нем.

Такие дела всегда лежат в соответствующем отделе. Новичкам, которые приходят на работу в разведку, дают читать эти дела с предложением подумать: как можно организовать новый вербовочный подход? Разведка будет ждать: вдруг в его жизни произойдут какие-то изменения? Например, ему позарез понадобятся деньги, а взять неоткуда. Или уйдет идеализм молодости, и человек начнет на многое смотреть иначе. Тогда ему, возможно, вновь сделают предложение. Разведка умеет ждать...

Но и в этот раз, и еще в нескольких случаях Примаков вербовку не разрешил.

Обижались на него разведчики страшно... Они работали целый год и были уверены, что американца можно завербовать, был шанс. Несколько дней ходили в отделе злые, как собаки, рычали друг на друга. Все, чего они добились от Примакова, — это разрешение написать в годовом отчете, что была проделана полезная работа. А то получалось, что за год целое направление ничего не делало...

Примаков, работая в разведке, сделал целый ряд удивительно точных назначений, высмотрев в большом коллективе нужных людей. Евгений Максимович не волк-одиночка, который считает, что способен все сделать сам. Примаков — человек команды. В любом месте, куда он приходил, он собирал себе команду. С собой он приводил минимум людей. Остальных выдвигал на месте, потому что лучше тех людей, которые здесь работают годами и являются профессионалами, быть не может.

Он вовсе не считал, что ведомство, куда он пришел, находится в тяжелом состоянии и что там сидят глупые, ленивые и никчемные работники. Примаков исходил из того, что все нужные люди уже здесь работают, нужно просто посмотреть, на кого опереться. Он подбираал на руководящие посты таких людей, что сам испытывал удовольствие от возможности с ними посидеть, поговорить — когда те приходили на доклад. Примаков наслаждается беседами с людьми, которые демонстрируют полнейшее знание предмета, ясную логику рассуждений.

— Он своих работников окучивает, растит, — рассказывала мне Татьяна Самолис. — Он старается, чтобы в коллективе была хорошая рабочая атмосфера, обстановка единой команды. Если, не дай бог, кто-то о ком-то что-то скажет, он будет все острые углы сглаживать. И он не просто назначил — и давай трудись! Он всех своих питомцев пестовал. Идет обедать, все заместители вместе с ним. Сели за стол, продолжают что-то обсуждать. После обеда вышли погулять, продолжают говорить.

И вместе с тем Татьяна Самолис вдруг сказала мне с сомнением в голосе:

— Если бы вы меня спросили — а добавился ли к его списку друзей кто-то из разведки? — я бы так сразу и не ответила... У него в разведке были люди, к которым он не просто питал слабость, он их обожал. Но в баню или на теннисный корт он с ними не ходил. Вообще, баня и корт как место, где формируется какая-то команда против другой команды, — для него это исключено. Команда — да! Он человек команды, будет ее формировать, без нее он просто слепой. Но не против кого-то. И не в бане, понимаете? Но сказать, что какие-то люди из разведки стали у него домашними гостями, дружили семьями?.. Может быть, я чего-то не знаю, но мне кажется, что при всем при том, что он какие-то человеческие приобретения для себя здесь сделал, кого-то к сердцу приблизил, но друзья у него одни и те же через всю жизнь.

Общение между руководителями разведки продолжалось и после рабочего дня, в воскресные и праздничные дни. Примаков и его заместители были соседями, жили в дачном поселке Службы внешней разведки в соседних домиках.

Дачный поселок входит в единый комплекс Службы внешней разведки в Ясенево. Это хорошо охраняемое, малолюдное, невидное и комфортное место. Говорят, что поселок строился в чисто служебных целях — в качестве гостевых домиков для приема руководителей братских разведок. Но поселок оказался таким симпатичным, что Крючков сам там обосновался и поселил своих заместителей и начальников важнейших направлений.

Каждому положен дом, в котором все есть — газ, вода, отопление, канализация, казенная мебель. Когда Крючков освободил свою дачу, Примаков не захотел в нее переезжать — это был большой дом на немалую семью. Евгений Максимович в тот момент был один (еще не женился во второй раз) и сказал:

— Ну зачем мне такая большая дача? Отдайте тому, у кого семья большая.

И занял другой, вовсе не директорский домик. Это как бы не соответствовало высокому положению начальника разведки, но его нисколько не смущало. Чисто, уютно, удобно — и этого достаточно. Он не ставил перед хозяйственниками задачу — сделайте мне какую-нибудь мебель особенную, чтобы поприличнее выглядеть. Одно из преимуществ поселка: там стоят мощные спутниковые антенны, и можно смотреть любой телевизионный канал, не только российский. Но Евгений Максимович не большой любитель сидеть, уткнувшись носом в голубой экран. Разве что перед футболом не может устоять.

Покинув разведку в начале 1996 года, Примаков в определенном смысле остался в разведке. И после назначения министром иностранных дел Примаков продолжал жить в Ясенево. И выехал оттуда уже тогда, когда стал премьер-министром. Дачная жизнь в Ясенево, кроме все-

го прочего, оставляла министру иностранных дел возможность работать в тесном контакте с разведкой. Примаков, когда был министром, рассказывал:

— Мы неофициально собираемся — несколько человек, представители разных ведомств, занимающиеся внешней политикой, — и обсуждаем актуальные проблемы. Это необходимо. Так делается во всем мире.

Я спросил тогда у Евгения Максимовича: помогают ли ему как министру иностранных дел материалы разведки?

Он ответил необыкновенно серьезно:

— Очень помогают. Те материалы, которые я получаю как министр, важны и необходимы.

Я не удержался от другого вопроса:

— Работа в разведке дала вам уникальную возможность узнать даже самые интимные подробности жизни ваших коллег-министров. Теперь, глядя во время переговоров на какого-нибудь министра, вы, наверное, думаете: а я ведь знаю, сколько у тебя любовниц?..

Примаков рассмеялся:

— Конечно, руководитель разведки обладает знаниями, которые может потом использовать и на другом посту. Это ясно. Но в то же время для меня это невозможно — надавить на партнера: я о тебе кое-что знаю, поэтому сделай то-то и то-то! Я такими делами не занимаюсь!

Преемником Примакова стал генерал Трубников, который у Евгения Максимовича был первым замом. Вячеслав Иванович Трубников говорит ясно, четко, уверенно. По отзывам коллег, он так же хорошо пишет и формулирует свои мысли. Прекрасно знает английский. У него аккуратный пробор, очки с большими стеклами. Он почти не улыбается и осторожен в выражениях — еще осторожнее, чем Примаков. Трудно было представить себе, что Трубников немалую часть жизни пользовался журналистским прикрытием — то есть в заграничных командировках выдавал себя за журналиста.

Вячеслав Трубников — профессиональный индолог, и вся его работа в разведке связана с этой страной. Он изу-

чал хинди в МГИМО, после института его пригласили в КГБ и послали получать специальную подготовку в разведывательную школу № 101, которая много раз меняла свое название, превратившись затем в краснознаменный институт имени Ю. В. Андропова, а теперь в академию. Первая же заграничная командировка была в Индию.

Дипломат, внешторговец или журналист вряд ли счел бы это большой удачей — ни с карьерной, ни с материальной точки зрения. Советские люди, приезжая в Индию с ее тяжелым климатом, быстро разочаровывались: «страна друзей», любимая Кремлем, пренебрежительно относится ко всем иностранцам. Это в Африке наши чувствуют себя белыми людьми, а индийцы на бытовом уровне ведут себя страшно бесцеремонно.

Но для начинающего разведчика это была необыкновенно выигрышная точка. Индия — место, где можно было развернуться и показать себя. Нигде советская разведка не позволяла себе таких масштабных операций, как в Индии. Нигде не было такой благоприятной среды. Работу облегчало наличие большого слоя борцов за независимость Индии, которые ненавидели Англию и Соединенные Штаты, не принимали западную культуру и потому демонстрировали готовность к сотрудничеству с советскими людьми. Индия была единственным крупным государством, которое не осудило ввод советских войск в Афганистан.

Работавшие в Индии разведчики наслаждались не только преимуществами буржуазной демократии, что позволяло свободно встречаться с людьми и получать доступ к информации, но и извлекали большую пользу из распространенной в стране коррупции.

Злые языки даже утверждают, что успехи наших разведчиков в Индии объясняются не столько мастерством разведки, сколько слабостью индийской рупии.

В архивах ЦК КПСС найдены такие вот докладные комитета госбезопасности:

КГБ СССР поддерживает контакт с сыном Премьер-министра Индии Радживом Ганди (с согласия ЦК КПСС по записке КГБ СССР № 1413-А/ОВ от 14.07.1980 г.).

Р. Ганди выражает большую признательность за помощь, которая поступает семье Премьер-министра за счет коммерческих сделок контролируемой ею индийской фирмы с советскими внешнеторговыми организациями. В доверительном порядке Р. Ганди сообщил, что значительная часть средств, получаемых по этому каналу, используется для поддержки партии Р. Ганди.

Председатель Комитета *В. Чебриков.*

12.02.1983 г.».

Раджив Ганди, о котором шла речь в докладной записке председателя КГБ, был не только сыном премьер-министра. На протяжении почти пяти лет — с 1984-го по 1989 год — он сам возглавлял правительство Индии. Не всякая разведка умела установить доверительные отношения с премьер-министром крупнейшей державы.

Поработавшие в Индии разведчики — это люди, которые могут похвастаться реальными успехами и в вербовке, и в активных мероприятиях. Здесь удавалось вербовать не только индийцев, но и американцев. Здесь проще, чем в других странах, можно было запустить в прессу нужную информацию (то есть обычно дезинформацию), издать антиамериканскую книжку от имени индийского автора и даже провести массовое мероприятие — митинг протеста против американского империализма или организовать торжественную встречу генерального секретаря ЦК КПСС, когда он приезжал в Индию.

Разведчики, которые, как Трубников, прошли через индийскую резидентуру, уверены в себе. Они не испытывают комплексов, свойственных некоторым работникам североамериканских и западноевропейских резидентур, где нелюбовь к ГП, главному противнику, то есть к Соеди-

ненным Штатам, порождена еще и скрытым комплексом неполноценности: трудно бороться с богатым и удачливым соперником.

Когда разведчика переводят на линию ПР — политической разведки, то главным становится способность к политическому анализу, умение прогнозировать, осмысливать информацию. В принципе уже никого не интересует, как он провел вербовку или встречу с агентом. Но знатоки утверждают, что у Трубникова — редкий случай — были хорошие показатели и в аналитической, и в оперативной работе. Трубников, как говорят ветераны, особенно преуспел в работе на посту резидента в Бангладеш, где занимался не местными делами, которые мало кого интересуют, а работал против западных разведчиков и достиг успеха.

Но награда не всегда находит героя. Попытки ввести в разведке объективные критерии оценки работы не удалось. Как и в любой другой структуре, здесь есть большой балласт — люди случайные, неумелые или попавшие на работу по протекции. Они строят карьеру на личных отношениях, а не на реальных достижениях.

Трубникову, как считают ветераны, повезло. Его заметили два главных руководителя индийского направления. Один из них достаточно хорошо известен широкой публике, другого знают только профессионалы. Эти двое — покойный генерал Яков Медяник, уважаемый в разведке человек, который был резидентом в Индии, и генерал Леонид Шебаршин, последний начальник советской разведки.

Москва располагала в Индии настолько большим разведывательным аппаратом, что его подразделениям в различных городах придали самостоятельность. Резидентура в Дели получила статус головной (как, скажем, вашингтонская резидентура в Соединенных Штатах). Ее руководители отвечали за работу всего аппарата КГБ на территории Индии. Они получали генеральские звания — редкость в те времена. Руководители трех важнейших направлений — политическая разведка, внешняя контрраз-

ведка и научно-техническая разведка — тоже имели высокий статус.

Кроме того, существовали самостоятельные резидентуры в Бомбее, Калькутте и Мадрасе — под прикрытием советских генеральных консульств. Каждую возглавлял резидент, имевший прямую шифросвязь с Москвой. Делийский резидент координировал их работу.

В 1970 году главным резидентом стал Яков Прокофьевич Медяник. Начиная еще в пограничных войсках, он прослужил в разведке до семидесяти лет. Он дважды работал в резидентуре в Израиле, возглавлял резидентуру в Афганистане, ближневосточный отдел первого главного управления КГБ. Долгие годы он был заместителем начальника разведки по Ближнему Востоку и Африке.

По словам генерала Кирпиченко, Яков Медяник обладал даром общения, мог договориться с кем угодно и при этом шутил:

— Я ведь хохол, значит, человек хитрый и все равно вас обману.

Медяник вместе с генералом Вадимом Кирпиченко и начальником нелегальной разведки Юрием Дроздовым постоянно занимались Афганистаном. Кроме того, Медяник ведал в разведке ближневосточными делами.

Сын Медяника Александр Яковлевич, китаист по образованию, со временем сам стал заместителем директора Службы внешней разведки — образовалась своего рода династия... Но после ухода Трубникова из разведки Медяника-младшего тоже убрали. В августе 2000 года его назначили первым заместителем министра по делам федерации, национальной и миграционной политики. Это было настолько неожиданное служебное перемещение, что его начальнику, министру, самому пришлось объясняться с журналистами:

— У Александра Медяника мобильный подход к делам, и это меня устраивает. Он новый человек, а я считаю, что не стоит все время перебирать старую колоду. А в ми-

грации нет ничего непостижимого для умного и опытного человека. Я сам за два месяца смог войти в курс дела.

Но Медяник-младший не продержался в министерстве и двух месяцев. Говорят, что он тяжело переживал превратности судьбы и не справился со своими эмоциями. Впрочем, и само министерство на следующий год упразднили...

А тогда Медяник-старший, получив генеральские погоны и назначение в Москву, позаботился о том, чтобы его место резидента в Индии занял Шебаршин, а тот в свою очередь сделал своим заместителем Трубникова. Говорят, что если бы не Медяник и Шебаршин, то Трубников мог так и остаться на среднем уровне. Мало ли блистательных разведчиков вышли на пенсию всего лишь полковниками!.. Трубникова рано заметили и в секретариате Крючкова, обратили на него внимание самого начальника разведки.

В руководстве первого главного управления традиционно складывались своего рода землячества — объединялись разведчики, которые долго работали на одном направлении. Объединяли их не только служебные, но и дружеские отношения. Они охотно проводили вместе свободное время, и за дружеским застольем часто решались кадровые вопросы — по взаимной договоренности продвигались «свои» люди. Такие землячества в первом главке именовались «мафиями». Существовали «американская», «скандинавская», «индийская» мафии...

Крючков к попыткам своих подчиненных группироваться относился подозрительно, методично разрушал систему неформальных отношений, но «индийская мафия», как говорили в разведке, была очень влиятельной. К ней принадлежал еще один заместитель начальника разведки — генерал Вячеслав Гургенов. Тот самый, который первым поддержал Примакова в присутствии президента Ельцина. Гургенов умер в 1994 году. Примаков хотел отправить его резидентом в Англию, дать возможность по-

работать и на западном направлении, да и пожить в хорошей стране, но англичане этому воспротивились.

Леонид Шебаршин, возглавив разведку, сделал еще одно доброе дело для Трубникова: понимая, что индийское направление не самое важное в разведке, назначил его начальником первого, то есть американского отдела. Это назначение оказалось решающим в карьере Трубникова, когда Шебаршин вскоре после путча ушел и пришел академик Примаков.

Первым заместителем начальника разведки был назначенный Бакатиным полковник Владимир Михайлович Рожков. Это кадровое решение, собственно, и стало причиной ухода Шебаршина из Ясенево. Примаков переместил Рожкова на должность простого заместителя, а первого зама предложил Шебаршину. Леонид Владимирович отказался. Тогда Примаков назначил Трубникова первым заместителем прямо с должности начальника отдела, минуя промежуточные ступени должностной лестницы. Трубников быстро прошел путь от генерал-майора до генерала армии. Он никогда не показывает своих чувств. Как и Примакова, его постигло ужасное несчастье. Несколько лет назад его семнадцатилетний сын вышел из дома и не вернулся. Кто убил юношу, тело которого нашли неподалеку от ближайшей станции метро, до сих пор неизвестно.

Трубников, как профессиональный разведчик, тащил на себе основной груз повседневной работы, которую приходилось перестраивать на новый лад. Создавались резидентуры в странах, где их раньше не было, — прежде всего, в бывших советских республиках. Примаков не просто сделал Трубникова первым заместителем, но и видел в нем своего сменщика. Если Евгений Максимович уезжал в командировку, а был день его доклада президенту, он старался, чтобы вместо него обязательно пошел Трубников. Другой бы иначе поступил — нет меня, и никто другой в Кремль не пойдет. Доступ к президенту — важнейшая аппаратная привилегия, она здорово помогает карьере.

Татьяна Самолис:

— Примакову совершенно не свойственно чувство зависти. Он то ли умом зависть подавил, то ли вообще у него зависти к другим не было.

Татьяна Самолис вспоминает, как однажды Примаков сказал ей:

— Знаете, время такое сложное, все так быстро меняется. Сегодня я есть, завтра меня нет. Я должен оставить вместо себя человека, которого буду рекомендовать.

Татьяна Самолис возразила:

— Да кто же вас станет слушать, Евгений Максимович? Пришлют кого захотят, и все. Политического назначенца, человека, кому-то там глубоко преданного.

Примаков ответил:

— Ну, это уже их дело. Но у меня есть человек готовый, и президент должен об этом знать. Но мой человек должен быть готов принять на себя эти обязанности, чтобы я себя потом не мог упрекнуть.

Вышло так, как и хотел Примаков. Когда он ушел в министерство иностранных дел, то сумел добиться, чтобы президент Ельцин подписал указ о назначении Трубникова. Вячеслав Иванович был обязан своим взлетом Евгению Максимовичу. Но из-за Примакова же он и потерял пост директора Службы внешней разведки. Став президентом, Владимир Путин из всех руководителей силовых ведомств сменил только одного генерала — в своем бывшем ведомстве, в Службе внешней разведки.

Почему перемены произошли именно в разведке? Федеральная служба безопасности не смогла предотвратить ни взрывов в Москве, ни нападения боевиков на Дагестан. Министерство обороны и министерство внутренних дел не в состоянии были избежать больших потерь, которые несли федеральные силы в Чечне. На этом фоне разведка казалась самым благополучным ведомством. Так отчего же убрали именно начальника разведки — генерала Трубникова? Его считали человеком Примакова, а Путин хотел видеть в Ясенево своего назначенца — так все истолкова-

ли указ президента. В мае 2000 года Путин назначил нового директора внешней разведки, а Трубникова перевел в министерство иностранных дел. Для него в МИД ввели еще одну должность первого заместителя министра.

Трубникову поручили заниматься вопросами объединения с Белоруссией и всем комплексом отношений со странами СНГ. Особым указом Вячеслав Иванович был назначен специальным представителем президента в ранге федерального министра. Этот высокий статус был компенсацией за увольнение из разведки — ведь личных претензий к нему не было, и убрали его из Ясенево вовсе не потому, что он плохо работал. С поста первого заместителя министра Трубников уехал послом в Индию, где когда-то начинал свою карьеру в разведке...

Я спрашивал товарищей и коллег Примакова по разведке:

— В редкую минуту душевной расслабленности, когда Примаков был склонен говорить о себе, — как бы он хотел, чтобы его вспоминали в разведке?

— Он очень дорожил тем, что сумел сохранить разведку. И это ему прямо говорили. В глаза.

Евгений Максимович надеялся остаться в разведке до пенсии. Не получилось. Он проработал в Ясенево четыре года и четыре месяца.

ИЗ ЯСЕНЕВО НА СМОЛЕНСКУЮ ПЛОЩАДЬ

5 января 1996 года директора Службы внешней разведки Евгения Примакова вызвал к себе президент Борис Ельцин — не на обычный доклад, без бумаг и справок. Причем вызвал не в Кремль, а на дачу. Примакова не предупредили, о чем пойдет речь. Но догадаться было несложно.

Звезда Андрея Козырева, который был первым ельцинским министром иностранных дел, закатилась. До Примакова донеслись слухи, что Козырев уже фактически смещен со своего поста. Когда Примаков появился на президентской даче, Борис Ельцин сразу сказал ему:

— Есть идея назначить вас министром иностранных дел. Как вы на это смотрите?

У Евгения Максимовича были личные причины отказываться от этого назначения. Ему нравилась работа в разведке. Служба внешней разведки по степени политического влияния почти сравнилась с министерством иностранных дел, а необходимая на посту министра публичность только смущала Примакова.

Но он заговорил о другом. До президентских выборов оставалось меньше шести месяцев, все мысли Ельцина были поглощены выборами, и Примаков сказал:

— Борис Николаевич, мне кажется, вам не стоит этого делать. В предвыборной ситуации такое назначение не оправдано по многим причинам. Я окажусь неприемлемой фигурой для Запада, где меня считают другом Саддама Хусейна, аппаратчиком старой школы, консерватором, руководителем спецслужбы и так далее.

Ельцин выслушал его внимательно и ответил:

— Мне кажется, что минусы, о которых вы говорите, могут обернуться плюсом. Вы меня не переубедили, но, если хотите, будем считать, что вопрос остается открытым.

9 января 1996 года директор Службы внешней разведки прибыл к президенту с обычным докладом о ситуации в мире. Ельцин хитро посмотрел на Примакова:

— Ну как? Перерешили?

Примаков с металлом в голосе (как он мне сам говорил) попытался отказаться еще раз:

— Нет, я своего мнения не изменил.

Ельцин махнул рукой:

— А я перерешил.

Примаков попросил разрешения остаться в разведке еще несколько месяцев, чтобы спокойно завершить начатые в Службе внешней разведке дела. Ельцин кивнул, но заботы разведки его в тот день не интересовали.

Примаков вернулся к себе в Ясенево и сел работать. Открыв дверь, в кабинет мягко вошел секретарь. В разведке — так повелось со времен КГБ — секретарями работают мужчины. Секретарь сказал:

— Извините, Евгений Максимович, в телевизионных новостях только что передали, что вы назначены министром иностранных дел Российской Федерации.

Так Примаков стал министром.

На следующей день, 10 января, всю коллегию министерства иностранных дел пригласили в Кремль. Ельцин представил нового министра:

— Он в особых рекомендациях не нуждается. Его хорошо знают как у нас в России, так и за рубежом, и в международных делах он не новичок.

Ельцин сказал, что было несколько кандидатур:

— Необходимо было найти человека, который сочетал бы в себе опыт государственной работы, профессионализм, умение вести организационную работу, широту взглядов, личную честность и порядочность.

Через день, 12 января, Примаков устроил первую пресс-конференцию:

— Свое назначение я рассматриваю лишь с одной позиции — как необходимость усиления активности МИД по защите национальных государственных интересов России.

Все поздравляли тогда Примакова, но многие недоумевали: зачем он принял министерскую должность за несколько месяцев до президентских выборов? Возможно, сейчас об этом забыли, но в феврале 1996 года шансы Ельцина на переизбрание были невысоки. Виднейшие политологи, опираясь на результаты опросов общественного мнения, почти единодушно сулили победу коммунистическому кандидату Геннадию Андреевичу Зюганову. К нему уже присматривались как к следующему президенту.

Скептики и прагматики удивлялись: зачем Примаков вышел из леса в такой неудачный момент? В роли начальника разведки он мог бы сохраниться и при Зюганове, а уж с поста министра иностранных дел новая власть его наверняка уберет...

Об этом на пресс-конференции спросили самого Примакова:

— Не секрет, что может возникнуть такая ситуация, что вам придется сложить полномочия министра уже в июне этого года...

— Спасибо за этот прогноз, — чуть улыбнулся Примаков.

Журналисты засмеялись.

Интуиция не подвела Ельцина. Утверждение Примакова министром — это было первое за последние годы назначение, которое вызвало всеобщее одобрение. За исключением небольшого круга либеральных политиков, которые считали, что уход Андрея Козырева с поста министра повлечет за собой резкое ухудшение отношений с Западом, все остальные были довольны — и Совет Федерации, и Государственная Дума, и даже средства массовой информации.

Подкупали солидность и основательность Примакова. Уже через месяц-другой стало ясно, что назначение Евгения Максимовича было точным ходом. Как выразился один из его предшественников на посту министра Александр Бессмертных, это лучший выбор из числа непрофессионалов.

И то, что на Западе его назначение приняли неприязненно, тоже было хорошо для Ельцина. Накануне выборов мнение американцев его не интересовало. Ему нужны были голоса избирателей, всех избирателей, в том числе и тех, кто ненавидит Запад.

В ходе президентской кампании 1996 года Ельцина обвиняли в чем угодно, кроме внешнеполитических провалов. Примаков умело и изощренно прикрыл президентские тылы, лишив оппозицию возможности критиковать внешнюю политику. Даже коммунисты, злейшие враги Ельцина, не могли сказать ничего плохого о Примакове.

Внутри страны Примаков получил полную поддержку. Он побывал в комитете по международным делам Государственной Думы, произнес короткую речь, затем ответил на вопросы. Он произвел недурное впечатление, и депутаты обошлись без обычных выпадов против министерства иностранных дел. С тех пор он часто встречался депутатами, и критики практически не было. Его ценили и те, кто поддерживает президента, и оппозиция. Многие депутаты говорили мне, что Примаков знает, как вести дела в Думе, умеет сказать депутатам что-то приятное, но при этом проводит свою линию и с нее не сворачивает.

Примаков говорил мне, что на посту министра он внутренней политикой принципиально не занимался:

— У меня есть собственные взгляды, как у всякого человека, но у министра иностранных дел и у министерства в целом симпатии и антипатии должны быть отключены. Я никогда не позволю себе называть кого-то зелеными, розовыми, красно-коричневыми, голубыми — я имею в виду цвета политического спектра.

— Разве же министерство иностранных дел может остаться в стороне от политики?

— МИД, конечно же, занимается политикой, но только внешней политикой, — повторил Примаков, — поэтому министерство иностранных дел — это самое внутренне деполитизированное министерство...

На приход Примакова в аппарате министерства возлагали большие надежды.

— Я приступил к работе в министерстве без раскочки, — говорил мне Евгений Максимович, понимая эти ожидания.

Министру иностранных дел Евгению Примакову удалось то, что было не под силу его предшественникам, даже таким влиятельным, как Громыко и Шеварднадзе: он отвоевал для себя все высотное здание на Смоленской площади.

Никогда еще этот дом, построенный в 1952 году, не принадлежал целиком МИДу. Наследников некогда могущественного министерства внешней торговли выселили, а в здании начался долгожданный ремонт.

Сначала поудобнее расселись заместители министра — мидовские кабинеты скромные, в других ведомствах начальство сидит куда просторнее. Заместителям министра выделили комнаты отдыха — они там, естественно, не отдыхают, а принимают иностранных послов. Потом взялись ремонтировать целые этажи, так что и рядовым сотрудникам стало комфортнее.

Кроме того, сотрудники министерства вновь стали получать квартиры, и, как гордо сказал Примаков, обеды в мидовской столовой подешевели.

Второй приятный сюрприз Примакова — повышение пенсий. До его появления пенсия даже посла — генеральская должность! — была мизерной. Было решено, что пенсия кадрового дипломата составит около восьмидесяти процентов всего его денежного содержания на последней должности.

— Не кисло, — радостно прокомментировал это решение один из членов коллегии министерства. — Служить можно.

Примаков завоевывал сердца подчиненных тем же способом, каким ему уже удалось расположить к себе сотрудников Службы внешней разведки: улучшая условия их жизни и работы. В первый же год работы Примакова в министерство пошла молодежь.

В мае 1998 года в министерство иностранных дел приехал сам президент Ельцин — это высокая честь для аппарата. Он прочитал доклад, в основном написанный для него в самом министерстве, и особо отметил роль Примакова.

— Наша дипломатия обретает новое дыхание, становится активнее, проявляет все больше принципиальности и умения добиваться поставленных целей, — говорил президент. — И такая ваша позиция полностью соответствует той роли, что исторически отведена России в мировой политике... Внешняя политика России сейчас имеет большой авторитет в мире, и с ней считаются. Со своей стороны могу гарантировать: сделаем все, чтобы помочь вам закрепить и усилить высокопрофессиональный коллектив МИД.

Борис Ельцин повторил, что мир должен быть многополярным, призвал оценить важность нестандартной президентской дипломатии без галстуков и обещал, что Россия не ляжет под Соединенные Штаты. Это эротическая формула российско-американских отношений была, пожалуй, самой яркой в речи президента.

Ельцин вручил орден самому Примакову и еще нескольким дипломатам. Помимо коробочек с орденами он привез в МИД нечто более весомое. Он дал поручение управляющему делами президента — заняться социальными проблемами сотрудников министерства, а министру обороны — не призывать в армию молодых дипломатов. Ельцин согласился с просьбой Примакова платить

дипломатам надбавки за сохранение государственной тайны. Кроме того, Борис Николаевич подписал указ о введении почетного звания «Заслуженный работник дипломатической службы Российской Федерации». Эта награда ждет послов, прослуживших всю жизнь в министерстве иностранных дел.

Самому Примакову переход в министерство дался нелегко. Работа в разведке была, как ни странно, более спокойной. Министр же постоянно в пути, на переговорах. Что самое печальное для министра — свободное время отсутствует, даже когда формально оно имеется, то есть в воскресенье, в праздничные дни. Даже если министр уехал на дачу, все равно раздастся один телефонный звонок за другим, потому что в мире вспыхивают конфликты, и требуется его личное участие.

Полагаться только на шифротелеграммы невозможно. Они опаздывают. Рабочим инструментом становится телефонная трубка, которая требует быстрой реакции и немедленных решений. Все кризисные ситуации последнего времени разрешались путем телефонных разговоров с коллегами-министрами, которые вовлечены в урегулирование кризиса.

Дипломатия и внешняя политика очень персонифицируются. Раньше инструментами дипломатии были длинные телеграммы, ноты и памятные записки, в которых выверялась каждая буква. Затем их пересылали в посольство, там переводили на местный язык, печатали на хорошей бумаге, и тогда посол звонил в министерство и просил его срочно принять... Примаков снимал трубку и решал проблему просто в двадцатиминутном телефонном разговоре. Работать стало проще, но министру труднее.

Примакову Ельцин доверял и к нему прислушивался. Его слово во внешней политике было самым веским, кто бы еще из высших политиков ни высказывался о международных делах. Это свидетельствовало о влиянии Примакова в коридорах власти.

Это не значит, что жизнь Примакова на посту министра была простой и легкой. Время от времени проносились слухи о том, что президент собрался отправить Примакова в отставку. Ходили очень упорные разговоры о том, что Примакова на посту министра может сменить Сергей Ястржембский, молодой, динамичный политик с хорошим дипломатическим опытом, который стал заместителем главы администрации президента и пользовался определенным влиянием на Ельцина.

В октябре 1997 года я приехал к Сергею Ястржембскому в Кремль, чтобы прямо спросить его, насколько верны эти слухи. Он слухи о своем скором назначении опроверг искренне и сказал:

— Евгения Максимовича надо успокоить.

Судя по болезненной реакции самого Примакова на эти слухи, министр понимал, что непредсказуемый президент способен на всякое. Именно эта непредсказуемость в конечном итоге осенью 1998 года привела Примакова на пост главы правительства, а Сергея Ястржембского президент Ельцин убрал из администрации, но все могло вернуться иначе...

Помощники Примакова с восхищением рассказывали, что он читал все памятки, которые ему готовили к переговорам, и возвращал их, с серьезной правкой, на переработку. Примаков работал над каждым документом, который ему давали.

По старой журналистской привычке, когда ему приносят документ, он начинает его править. Он никогда в раздражении не бросит помощникам не понравившуюся бумагу: переделайте! Нет, он перечеркнет текст и начнет писать сам.

Однажды когда он уже взялся за ручку, помощники поспешили его остановить:

— Евгений Максимович, не правьте! Это документ уже передан в печать.

Примаков с видимым неудовольствием отложил ручку.

Евгений Примаков предпочитает людей сильных, самостоятельных и способных постоять за себя. Начальник одного из департаментов рассказывал, что, когда его повышали в должности, последовал вызов к Примакову. Министр сидел за столом мрачный. Рядом расположился его главный помощник Роберт Маркарян, не менее мрачный. Примаков, глядя в бумаги, стал говорить:

— Мы хотим назначить вас... Это ответственная должность. Будет трудно. Как вы считаете, справитесь?

Кандидат на ответственную должность бодро ответил:

— Если бы я не считал, что смогу справиться, я бы не согласился занять этот пост.

— Хорошо, — сказал Примаков. — Вы назначены.

Потом начальнику департамента передали, что Примакову ответ понравился. А почему же министр был мрачным? Он проверял новичка, хотел посмотреть, способен ли тот держать удар.

К Примакову сотрудники ходили на доклад с некоторой опаской. Не потому, что боялись разноса или дурного настроения. Зная его колоссальный опыт, его знания, его интеллект, понимали, что разговаривают с человеком, который на несколько голов их выше, и боялись опростоволоситься.

Примаков вообще не распекает. Он огорчается, если выясняется, что дело не сделано:

— Как же так? Ведь очевидно, что надо было сделать...

Летом 1998 года я пришел к нему для подробного интервью. Спросил Евгения Максимовича:

— Вот вы оказались в кабинете министра иностранных дел, сели в это кресло и сказали себе: ну, теперь я наконец сделаю то, что давно хотел осуществить...

Примаков покачал головой:

— У меня не было такого чувства. Я не стремился стать министром, чтобы что-то такое осуществить. Может, это черта моего характера. Я работал до этого и в «Правде», и на радио, потом был в Академии наук, руко-

водил двумя крупными институтами, и в Верховном Совете, и где бы я ни был, мне везде казалось, что я работаю на очень важном участке. Ну, и в разведке, конечно. Так что это не было целью всей жизни — стать министром иностранных дел. Но я пришел сюда не как новичок. У меня был опыт, и я стал работать без раскачки.

— Чего бы вам хотелось добиться на посту министра? Может быть, это нечто недостижимое, тогда о чем вы мечтаете?

— Нет, все достижимо. Я считаю, что задачи, которые мы решаем, вполне посильны. Задачи ставит президент, решаем мы вместе с коллегами. У нас очень дружная команда работает во главе министерства. Мы все единомышленники. Мы хотим облегчить стране решение всех внутренних проблем, а это можно сделать только одним путем — сохраняя Россию в качестве великой державы одним из главных игроков на международной арене. Мы стремимся к этому, и кое в чем нам это удастся. Вот вам пример: разве не радостно, что в то время, когда мы вынуждены просить различные кредиты, с нами считаются в международных делах и от нас очень многое зависит? И все понимают, что нами пренебрегать нельзя. Разве этот контраст не важен для страны, для того, чтобы наши люди сознавали себя гражданами великой державы? Так что кое-чего можем добиться.

— Какие главные направления во внешней политике вы считаете для себя главными?

— Я бы не формализовал цели, — ответил Примаков. — Философия внешней политики для России состоит в том, чтобы защищать национально-государственные интересы государства, но при этом сделать все, чтобы не сползать к конфронтации. Можно ведь посчитать по-разному. Кончилась холодная война, и кто-то думает, что мы проиграли. Я так не думаю. Демократическая Россия холодной войны не проигрывала. Поэтому мы не можем себе позволить быть ведомыми в международных отношениях,

идти за единственной сверхдержавой и любой ценой добиваться принятия в цивилизованный мир. Отнюдь нет. Я считаю это неправильным. Безусловно, нам нужно выправить отношения с бывшими противниками по холодной войне, переведя эти отношения в разряд партнерских. У нас огромное поле совпадающих интересов. Есть новые опасности, против которых мы должны бороться вместе. Все это так. Но давайте поговорим о цене! Если мне скажут, что вы должны вопреки вашим интересам, вашему видению ситуации, вопреки общественному мнению вашей страны повторять то, что предлагает НАТО, я на это не пойду. Вопреки всему я действовать не могу. Например, нам удалось предотвратить удар по Ираку (напомню, разговор проходил в июне 1998 года. — Авт.). Цель у нас одна — запретить оружие массового поражения. Но мы же не могли — пренебрегая собственными интересами и наперекор общественному мнению — подключиться к силовым акциям и ударить по Ираку. Никто меня не заставит как министра это сделать. Мы пошли по другому пути, успешно сыграли и при этом чувствовали себя частью мирового сообщества.

— Евгений Максимович, общественное мнение имеет для вас значение при формировании внешней политики?

— Разумеется. Есть очевидные вещи. Есть консенсус в отношении НАТО. Может быть, существует тончайший слой людей, который считает благом расширение НАТО, а все другие считают, что это плохо. Преобладающее большинство и создает общественное мнение, его и учитывает МИД...

Назначение Примакова на пост министра иностранных дел в начале 1996 года на Западе приравнивалось по значению с приходом когда-то Юрия Андропова на пост генерального секретаря. Не столько по сходству биографий — Евгений Максимович тоже пришел из спецслужбы, а потому, что предполагали в Примакове готовность так же жестко и безжалостно служить российскому империализму.

Американцы писали и говорили, что Примаков — сторонник восстановления единого Советского Союза и попытается восстановить контроль Москвы над ближним зарубежьем. В ущерб отношениям с Западом он постарается оживить стратегическое партнерство с наиболее опасными режимами в мире — Ираком, Северной Кореей, Ливией и Ираном...

Впрочем, личное знакомство с Примаковым несколько успокоило западных политиков.

Свою главную задачу Примаков видел в том, чтобы объяснить миру: Россия — великая держава, которая испытывает всего лишь временные трудности, и весьма близоруко пытаться на этом нажиться. Примаков считал своим долгом твердо напоминать всем, что Россия существует и ее мнение надо учитывать. Примаков показал, что не позволит уменьшить вес и влияние России там, где они есть, во-первых, и будет биться за их повсеместное расширение, во-вторых. Больше никаких уступок — так можно охарактеризовать лозунг министерства иностранных дел при Примакове.

Примаков заговорил о многополюсном мире. Что он имел в виду? Плохо, когда в мире осталась одна сверхдержава, то есть Соединенные Штаты, и все крутится вокруг нее. Примаков говорил, что мы будем развивать отношения и с Западом, и с Востоком, и с теми, кто нам нравится, и с теми, кто нам не нравится.

Российская дипломатия возобновила сотрудничество со старыми друзьями — Ираком, Ираном, Сербией. Открыто демонстрировала трения и противоречия с Соединенными Штатами — единственной страной, с которой Россия любит себя сравнивать.

В Минске Примаков сказал: для России Белоруссия — «особый союзник, особый партнер, особый брат». Примаков поехал в Иран, где заявил, что выступает против наращивания военного присутствия в зоне Персидского залива. А чьи там военные корабли? Американские. Примаков считал нужным побывать на Кубе. Его предшественник Фи-

дела Кастро избегал принципиально, считая, что экономических интересов на Кубе у России нет, а вести пустые разговоры с Кастро — времени жалко.

Примаков показал себя сторонником политики, которую немцы называют *Realpolitik*, — это чисто прагматическая линия, исключающая всякое морализаторство и прекраснотуши; исходить надо из реально существующей расстановки сил и ставить перед собой только достижимые результаты. Политическая линия Примакова полностью соответствовала духу времени и создала ему множество поклонников. Действия Примакова получили почти полную поддержку общественного мнения.

ХОЗЯИН БЕЛОГО ДОМА

Пожалуй, все началось в марте 1997 года, когда Виктор Черномырдин вдруг был отправлен в отставку. А ведь последние месяцы его именовали самым вероятным наследником Ельцина — и Виктор Степанович сам себя так воспринимал. Новым главой правительства назначили мало кому известного Сергея Владиленовича Кириенко, которого Борис Немцов привез из Нижнего Новгорода и сделал заместителем министра топлива и энергетики.

Сергей Кириенко был утвержден главой правительства только 23 апреля 1998 года, после месячного мучительного торга с Думой. Депутаты проголосовали с третьего захода, испугавшись, что Ельцин и в самом деле может распустить Думу. Только 12 мая Кириенко закончил формировать правительство. Тут началась рельсовая война, шахтеры перекрыли движение на железных дорогах. И почти сразу страна попала в финальную стадию долгового кризиса.

В начале августа 1998 года из-за падения цен на российские валютные бумаги банки оказались на грани банкротства. Частные банки и фирмы не могли вернуть кредиты, взятые в твердой валюте. Валютные запасы таяли на глазах. 14 августа, в пятницу, российский валютный рынок практически прекратил существование. В понедельник от рубля могло остаться одно воспоминание. Кириенко решил спасти банки и заодно пощадить государственную казну, которой надо было расплачиваться по ГКО. Он объявил то, что стали именовать английским словом «дефолт», — мораторий на выплату долгов.

17 августа, в понедельник, после обнародования правительственных решений в стране началась паника. И она

перечеркнула благие пожелания правительства. Все бросились скупать валюту, у кого было на что покупать, конечно. Курс сразу взлетел до верхнего предела — девять с половиной рублей за доллар. Обменные пункты закрылись. Вкладчики побежали в банки забирать свои сбережения. Вернуть всем деньги банки не могли.

Реакция на решения правительства была в большей степени психологической. Кириенко не ожидал, что начнется настоящая паника. С экономическими проблемами можно было совладать. Но как успокоить общество? 21 августа, в пятницу, все фракции Государственной Думы выразили недоверие правительству и потребовали отставки Сергея Кириенко. Ельцин с ним расстался и решил вернуть Черномырдина.

Черномырдин первым делом поехал в Государственную Думу договариваться с депутатами. Он договаривался по-свойски:

— Пора действовать. Товарищ Кириенко растерялся, его ребята разбежались.

Черномырдин предлагал депутатам, в том числе от оппозиции, коалиционное правительство. Партии отказываются от политической борьбы, делегируют самых толковых в правительство и общими усилиями вытаскивают страну из кризиса.

Но произошло непредвиденное: несмотря на некие предварительные договоренности, 30 августа, в воскресенье вечером, коммунисты неожиданно отказались от политического соглашения и, следовательно, от поддержки Черномырдина.

31 августа, в понедельник, при голосовании в Государственной Думе Черномырдин получил голоса всего девяноста четырех депутатов. Против проголосовал двести пятьдесят один депутат. Это был полный фронт. Черномырдин был обескуражен. Те, на кого он полагался, отказали ему в поддержке. Он решил, что соперники боятся пускать его в правительство, потому что это открывает ему дорогу к победе на президентских выборах 2000 года.

Есть и другое мнение: депутаты не хотели голосовать за возвращение в правительство уже надоевшего им прежнего премьера, который за столько лет так и не добился никаких успехов.

Ельцин сразу же вновь внес его кандидатуру в Думу. Черномырдин делал все, чтобы усилить свои позиции. Он предложил Примакову пойти к нему первым замом. Евгений Максимович согласился. Но и это не помогло. 7 сентября, в понедельник, Дума вновь отказалась утвердить Черномырдина: сто тридцать восемь голосов «за», двести семьдесят три — «против». Россия осталась без правительства, стране грозил не только экономический, но и политический кризис.

В кабинете главы администрации Валентина Борисовича Юмашева лихорадочно тасовали тощую политическую колоду, перебирая возможных кандидатов.

Лидер фракции «Яблоко» Григорий Алексеевич Явлинский вдруг заявил с думской трибуны, что есть кандидатура, которая устроит все политические силы: это министр иностранных дел Евгений Максимович Примаков. Сначала предложение показалось очень странным: академика Примакова — в прошлом журналиста, директора института, советника Горбачева, начальника разведки — меньше всего можно было считать хозяйственником.

Но вот и аргументы в пользу Примакова: в партии не входит, к финансово-промышленным группировкам не принадлежит, в президенты баллотироваться не собирается, в прежних экономических реформах не участвовал, ни в чем дурном не замешан.

Явлинский разъяснил свою позицию:

— Евгений Максимович — это компромиссная фигура. Это не кандидат «Яблока». Мы с ним как с министром иностранных дел не во всем были согласны.

Депутаты подхватили эту идею. Примаков ни у кого не вызывал аллергии. Спокойный, основательный, надежный, он казался подходящей фигурой в момент острого кризиса. Более того, он нравился не только политикам, но и значительной части общества.

Президент Ельцин пригласил Примакова на дачу:

— Евгений Максимович, вы меня знаете, я вас знаю...

Вы — единственный на данный момент кандидат, который всех устраивает.

Примаков искренне отказался. Ему нравилось быть министром иностранных дел и не хотелось браться за практически неразрешимую задачу:

— Борис Николаевич, буду с вами откровенен. Такие нагрузки не для моего возраста. Вы должны меня понять. Хочу доработать нормально, спокойно. Уйдем на пенсию вместе в 2000 году.

8 сентября, во вторник, Примаков делает заявление:

— Признателен всем, кто предлагает мою кандидатуру на пост председателя правительства. Однако заявляю однозначно — согласия на это дать не могу.

Глава президентского аппарата Валентин Юмашев говорит Явлинскому, что разговаривал с Примаковым, но тот отказался. Это совершенно естественно, отвечает Явлинский, о таких вещах с кандидатом в премьер-министры должен говорить сам президент, а не его помощник.

В общей сложности Ельцин трижды предлагал Примакову возглавить кабинет. Последняя беседа состоялась 12 сентября. Присутствовали Черномырдин и Юрий Дмитриевич Маслюков, бывший первый заместитель председателя Совета министров СССР, а тогда депутат Государственной Думы. Евгений Максимович вновь искренне отказался. Ему не хотелось браться за практически неразрешимую задачу.

Примаков, считая, что разговор окончен, вышел в президентскую приемную. К нему подошли ожидавшие итога беседы Юмашев, младшая дочь президента Татьяна Дьяченко и глава службы президентского протокола Владимир Николаевич Шевченко. Они буквально набросились на Примакова. Шевченко говорил особенно горячо:

— Как вы можете думать о себе! Разве вам не понятно, перед чем мы стоим? Семнадцатое августа взорвало экономику. Правительства нет. Дума будет распущена. Пре-

зидент может физически не выдержать. Мы на грани полной дестабилизации!

Откровенность Шевченко произвела на Примакова сильное впечатление. Он спросил:

— Но почему я?

— Да потому, что Думу и всех остальных устроит именно ваша кандидатура. И потому, что вы сможете.

И Примаков согласился...

В эти утренние часы я находился в министерстве иностранных дел. Собственные заместители Примакова ничего не знали, но, предчувствуя расставание с министром, заранее горевали. Один из заместителей министра при мне позвонил главному помощнику Примакова Маркаряну:

— Роберт, что происходит?

Маркарян осторожно ответил, что ему самому пока точно ничего не известно:

— Примаков не в министерстве.

— Где он?

— У президента...

Стало ясно, что, видимо, согласился. Пока мы разговаривали в здании на Смоленской площади, Ельцин подписал указ о назначении Примакова, и об этом мгновенно сообщили информационные агентства. В министерстве иностранных дел печальные настроения. В стране — единодушный вздох облегчения. Примаков еще должен был быть утвержден Думой, сформировать правительство, предложить программу действий, но главное было уже позади — угроза роспуска Думы, импичмента президента, безвластия, политических схваток с неизвестным результатом на фоне экономической катастрофы.

Евгений Максимович честно сказал в Думе:

— Я даже не знаю, что для меня лучше: чтобы вы меня утвердили или провалили.

Любопытно, что больше всех Евгения Максимовича уговаривали те, кто потом его и уберет с должности. Но в тот момент они все зависели от Примакова — не согласись он тогда, они вообще могли лишиться власти. Но

чувство благодарности — не самое сильное чувство у обитателей Кремля.

Предчувствия у Примакова были верные: и он тоже уйдет из Белого дома не по своей воле и не под аплодисменты... Но в тот момент подобный исход никому не мог прийти в голову. Выдвижение Примакова казалось счастливой находкой — ему доверяла вся страна. Когда Государственная Дума утвердила Примакова на посту главы правительства, страна начала успокаиваться — у нас вновь есть правительство.

Власти у Примакова в руках оказалось больше, чем у любого из его предшественников. Президент не мог работать полноценно. Президентская администрация в значительной степени перестала вмешиваться в дела правительства. Так что у Примакова руки были развязаны. Но он ни на секунду не забывал, что премьер-министр существует в определенных рамках. Примаков был достаточно тактичен и умен, чтобы не покушаться на прерогативы президента, пусть даже и больного. Он ни одной минуты, что бы на сей счет ни писали, не работал заместителем президента.

Борис Ельцин назвал Примакова «самым сильным, самым надежным премьером, которого поддерживает президент, поддерживает правительство, поддерживает Государственная Дума, поддерживают региональные власти на местах». Ельцин сказал, что получает удовольствие, видя, как Примаков решает проблемы, находя удачные компромиссы...

Заговорили, что Евгений Максимович вместо президента контролирует силовые министерства. Это не так. Конечно, он, уходя из разведки в министерство иностранных дел, не утратил контакта и с бывшими подчиненными, и со смежниками. Он в большей степени, чем его предшественники в Белом доме, полагался на информацию, исходящую от специальных служб. Он шире привлекал разведчиков к экономическому анализу, к внешнеторговым делам, к переговорам с Западом о возвращении долгов. Но

это не новая практика. Подчиненность силовых министров президенту не означает, что они никогда прежде не появлялись в кабинете главы правительства.

Другое дело, что Примаков, в отличие от своих предшественников, много и охотно занимался внешней политикой. Но это было естественно для недавнего министра иностранных дел. При этом Евгений Максимович старательно вел себя так, чтобы у Ельцина не создавалось впечатления, будто он пытается подменить президента в мировых делах.

Примаков — умелый и опытный администратор. Он считал необходимым участвовать в итоговом сборе руководящего состава Вооруженных сил. Впервые за многие годы военных почтил своим присутствием глава правительства. Примаков сказал то, что военные хотели услышать: что предыдущая экономическая политика провалилась, что государство в долгу у армии, что поддержание армии — важнейший приоритет. Военные увидели, что правительство возглавляет человек, который уважает вооруженные силы и военных. Евгений Максимович даже вдохнул в генералов и офицеров некий оптимизм.

Все правительства обещали вовремя платить зарплату офицерам и вернуть задолженность армии. Деньги пошли с назначением Примакова. Причем Евгений Максимович отдал предпочтение армии, она получила больше других бюджетных организаций. В день милиции Примаков приехал в министерство внутренних дел, произнес почувствованную речь и остался на концерт.

Примакову напомнили, что по должности он начальник гражданской обороны страны. Он не затруднился приехать и на Всероссийский сбор по подведению итогов деятельности Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. И выступил перед спасателями, за что они были ему признательны.

На демонстрации 7 ноября 1998 года митингующие коммунисты, называя президента Ельцина преступником,

которого надо судить, практически не критиковали правительство и даже призывали к сотрудничеству с Примаковым в выработке экономической программы...

Примаков, пожалуй, только с журналистами не нашел общего языка. Он едва не настроил против себя средства массовой информации, выговаривая им за то, что они необъективны к правительству. Примакову хватило ума не обвинять прессу и телевидение в непатриотичности и продажности, но и он нередко обижался и просил телевидение показывать побольше хороших новостей, что в те времена вызывало ироническую реакцию. Сейчас это опять в порядке вещей...

На главу правительства жали со всех сторон. Хотели, чтобы он закрутил гайки, приструнил телевидение и прессу, дал команду силовым министрам действовать жестче, навести порядок. Но диктатор из Примакова не получился. У него есть свои взгляды. Он их не стал менять. Евгений Максимович серьезно относится и к своим словам, и к чужим, поэтому так эмоционально откликается на недовольство газет и телевидения. А журналисты были недовольны тем, что глава правительства мало с ними встречается. Примаков, конечно же, ни сном, ни духом не готовил себя к такой роли. Эта ноша свалилась на него совершенно неожиданно. Причем страну он получил не просто бедную — нищую. Ему нужно было время сосредоточиться, понять, куда он попал, что у него в руках, чем он располагает, как действовать? Тем более он опасался пустых слов. Не хотел сегодня что-то брякнуть, а завтра сам себя поправлять:

— Вчера я думал так, а сегодня думаю иначе.

Надо еще сказать, что он всегда неоправданно остро реагировал на критику в газетах, считая, что недовольство его действиями несправедливо. Он, похоже, исходил из того, что журналисты недостаточно серьезно подходят к делу и потому бывают необъективны. Кроме того, его окружение тоже играло свою роль. Ему постоянно нашептывали: смотрите, как журналисты плохо о вас говорят.

Когда он в ноябре 1998 года прилетел на международную встречу в Куала-Лумпуре, журналисты стали добиваться встречи с ним. Появился раздраженный Примаков:

— Что вы от меня хотите? У меня нет десяти минут, чтобы побриться!

Естественно, эту сцену показали по телевидению. После чего нетрудно было сказать Примакову: вот каким телевидение вас выставляет. Евгений Максимович исходит из того, что чем меньше политик скажет, тем труднее поймать его на слове, поэтому он старался сократить общение с журналистами до минимума. В этом есть резон. Но есть и обратная сторона. В обществе создавалось о нем и о его правительстве ложное впечатление.

Заслуга Примакова состояла в том, что он добился стабилизации политической ситуации в России. Исчез страх перед тем, что будет распущена Государственная Дума, что будет применена сила, что страна пойдет вразнос и к власти придет диктатор. После утверждения Примакова на посту премьер-министра страна успокоилась. Правительство получило несколько месяцев относительного спокойствия — для того, чтобы что-то сделать.

Когда мы разговаривали с Евгением Максимовичем еще до назначения его премьер-министром, я спросил: что он думает о реформах, которые проводятся с 1992 года?

Примаков ответил так:

— Видите ли, я, конечно, имею свою точку зрения. Я считал и считаю, что макростабилизация финансов — это важно, но это не самоцель. Это метод для развития экономики. Если экономика не развивается, это превращается в самоцель. Самоцель эта не нужна, ибо имеет шоковые последствия для населения. Я эти взгляды высказывал и на правительстве, потому что налоговая политика и приватизация носили фискальный характер. Во всех странах приватизация происходит, чтобы изменить структуру производства, чтобы обновить основные фонды. Эта сторона дела была упущена...

Многие из тех, кто привел Примакова в кресло премьера, требовали, чтобы он отрекся от проведенных реформ не только на словах, но и на деле.

Россия впервые переживала настоящий финансовый кризис. Ни правительство, ни финансисты, ни банки не знали, что им делать. В самом общем виде можно сказать, что у Примакова были только два варианта действий: или печатать деньги и со всеми расплачиваться, что поначалу решительно всем понравится, или проводить жесткую финансовую политику, что вызвало бы вопль возмущения.

Первый вариант постепенно привел бы к инфляции, затем к гиперинфляции и, наконец, к мощным социальным волнениям. Второй вариант мог быстро лишить правительство поддержки в Думе и отправить его в отставку.

На правительство оказывали колоссальное давление губернаторы, военно-промышленный комплекс, крупные производители. Они требовали денег и были уверены, что именно это правительство пойдет им навстречу. И ошиблись. Денег правительство Примакова печатать не стало. Как выразился один из коллег Примакова: когда становишься министром, нельзя не быть монетаристом. Невозможно раздать денег больше, чем есть в казне. Кто же станет давать кредиты, если очевидно, что их не вернут? Глава правительства и его министры, заняв кабинеты, осознали свою ответственность. Одно дело — на митинге или с думской трибуны сулить избирателям золотые горы. Другое — понять, что от одного неверного шага может пострадать вся страна.

В роли главы правительства Примаков продолжал заниматься и внешней политикой. Примаков очень медленно формировал свой кабинет. Но одна вакансия была заполнена стремительно. В ту минуту, когда Евгений Максимович согласился возглавить правительство, он знал, что новым министром иностранных дел станет его первый заместитель Игорь Сергеевич Иванов.

Уйдя в правительство, Примаков не оставил МИД без внимания. Он больше любого из своих предшественников

занимался внешними делами и принимал каждого сколько-нибудь значительного иностранного гостя. Стратегия российской внешней политики оставалась в его руках. С Игорем Ивановым они друзья и единомышленники, поэтому получилась прекрасно работающая внешнеполитическая команда.

Отношения с Соединенными Штатами к этому времени разладились.

На переговорах с заместителем государственного секретаря США (и другом президента Клинтона) Струобом Тэлботтом Примаков говорил:

— Вы хотите нас изолировать? Вы нас пытаетесь загнать в угол? Почему вы относитесь к нам хуже, чем к Бразилии или Болгарии? Скажите прямо об этом, и тогда мы будем думать, что нам делать и как нам поступать со своей стороны. Откуда такое отношение к нам?

Примаков высказался и относительно намечавшейся военной акции против режима сербского президента Слободана Милошевича:

— Что дадут военные удары по сербам? Вы нас опять загоняете в угол. Причем этот готовящийся удар не обоснован ни с какой точки зрения. Простите меня за эмоциональность, но нас действительно все это задевает.

В марте 1999 года Примаков должен быть участвовать в заседании российско-американской комиссии, которой по традиции руководили вице-президент Соединенных Штатов и глава правительства России. Но личные отношения вице-президента Альберта Гора и Евгения Максимовича не складывались. Узнав о назначении Примакова, Гор сказал своим помощникам:

— Раньше Россия была рыночной демократией. Теперь это вотчина Примакова. Не нравится мне этот парень — и подозреваю, что это взаимно.

Примаков, в свою очередь, говорил, что вице-президент Гор зависит от внутривнутриполитической ситуации и слишком думает о грядущих выборах, но повторял, что надеется наладить с ним какое-то взаимодействие. Но этому

помешал тяжелейший кризис в российско-американских отношениях из-за Косово.

Накануне поездки американцы заговорили о том, что необходимо остановить военно-полицейскую операцию в Косово.

23 марта утром самолет Примакова поднялся в воздух. Когда сделали промежуточную посадку в ирландском аэропорту Шеннон, позвонил российский посол в Вашингтоне Юрий Викторович Ушаков и сообщил, что, судя по всему, переговоры американского представителя Ричарда Холбрука с Милошевичем ничего не дали и Соединенные Штаты могут применить силу.

Примаков попросил соединить его с вице-президентом Алом Гором и предупредил его:

— Я вылетаю в Вашингтон. Но если все-таки во время моего полета будет принято решение нанести удар по Югославии, прошу немедленно меня предупредить. В таком случае я не приземлюсь в США.

В Белом доме, конечно, могли отложить начало бомбардировок до завершения визита Примакова, но не захотели идти на попятный, чтобы не обнадеживать Слободана Милошевича: он должен видеть, что никто его с крючка не снимет. Либо он прекратит операцию в Косово, либо подвергнется бомбардировке.

Ричард Холбрук, исходя из того, что сербские спецслужбы его подслушивают, прямо из Белграда позвонил в Вашингтон:

— Я полагаю, вы согласны, что мы не можем позволить, чтобы нас отвлекал или тормозил визит Примакова. Мы все равно разбомбим Милошевича к чертовой матери, если он не выведет войска и не прекратит противоправные действия в Косово, поскольку зверства, которые он совершает, — прямой повод для бомбардировок.

— Совершенно справедливо, Дик, — услышал он в ответ. — Мы здесь тоже смотрим на это именно так.

Строуб Тэлботт соединился с американским поверенным в делах в Белграде Ричардом Майлзом и передал ему

официальные инструкции: сжечь секретную переписку, собрать вещи и покинуть здание посольства.

В девять вечера по московскому времени вице-президент США перезвонил Примакову:

— Евгений, наши дипломатические усилия не дали результата. Ежедневно сербские силы убивают невинных людей, разрушают деревни, выгоняют людей из своих домов. И мы готовимся к удару. Прошу понять, что речь идет о том, чтобы остановить убийство ни в чем неповинных людей. Если ты примешь решение отложить свой визит, то предлагаю отметить в сообщении для прессы, что визит не отменяется, а откладывается, то есть мы как можно скорее назначим новый срок его проведения.

— Прежде всего, хотел бы поблагодарить тебя за откровенность, — сказал Примаков. — Мы дорожим отношениями с Соединенными Штатами. Однако мы категорически против военных ударов по Югославии. Считаю, вы делаете огромную ошибку. В условиях, когда ты говоришь, что удары по Югославии неминуемы, я, разумеется, прилететь в Вашингтон не могу.

Евгений Максимович соединился с Ельциным. Президент одобрил его решение.

Самолет главы российского правительства развернулся над Атлантикой и взял курс на Москву. Разворот над Атлантикой стал одной из самых громких политических акций Примакова.

Вернувшись домой, Евгений Максимович позвонил Слободану Милошевичу, сказал, что готов прилететь в Белград, если югославское руководство готово подписать политическое соглашение по Косово.

— Я вам очень благодарен за предложение о помощи, за поддержку, — ответил Милошевич. — Но вчера парламент Сербии полностью отверг это соглашение.

Примаков понял, что поездка в Белград не имеет смысла. Как и в случае с Саддамом Хусейном, он пытался спасти тех, кто вовсе не желал договариваться. И Ираку, и Югославии было нужно только одно — столкнуть Россию

с Западом в надежде, что Москва сорвет натовскую военную акцию. Это почти удалось. Ельцин по телефону чуть не кричал на президента Билла Клинтона:

— Не толкай Россию к войне! Ты знаешь, что такое Россия! Ты знаешь, что у нас есть! Не толкай Россию к этому!

В ночь на 25 марта 1999 года начались бомбардировки Югославии. Примаков убеждал западных политиков:

— Под ударами натовской авиации не удастся заставить Милошевича сесть за стол переговоров. Это нереальная задача.

Но вскоре оказалось, что именно бомбардировки заставили Милошевича пойти на попятный...

Секрет Примакова, как говорили, состоял в том, что в его речах все слышали то, что хотят услышать. Либерально настроенные граждане — обещание рыночных реформ и свобод. Коммунисты — государственное регулирование и контроль.

И верно. Некая двусмысленность постоянно присутствовала в высказываниях Примакова. Он рассуждал о необходимости чрезвычайных мер, но тут же замечал, что это отнюдь не введение чрезвычайного положения. Обещал «круто взять курс на то, чтобы продолжить движение к демократии, к реформе общества, к строительству многоукладной экономики, плюрализму политической жизни». И тут же бросал фразу:

— Мы не можем идти дальше, рассчитывая, что все решит рыночная стихия.

Евгений Максимович — дипломат, поэтому не так важно было прислушиваться к его словам, как следить за его действиями.

Поддержка, которую получил Примаков, — результат того, что он с первого своего шага в большой политике сделал упор на стабильность и на согласие в обществе. Причина того, что Примаков прошел на «ура» в Думе и пользовался поддержкой левой оппозиции, не только в том, что он взял бывшего первого заместителя председателя Совета министров СССР по оборонному комплексу

Юрия Маслюкова и бывшего первого заместителя председателя Совета министров РСФСР по агропромышленному комплексу Геннадия Кулика вице-преьерами, а в том, что он с самого начала искал согласия и компромисса.

Больше всего сил и времени уходило у него на то, чтобы убедить в своей правоте политических оппонентов и союзников, добиться их согласия на реализацию своих идей. Примаков по натуре осторожен, он продумывал каждый шаг и двигался, как по минному полю, поэтому на посту премьер-министра, возможно, допустил куда меньше ошибок, чем кто-то другой на его месте. Но вместе с тем его упрекали в том, что он не идет на решительные, радикальные, хотя и непопулярные меры, которые только и могут вытащить страну из кризиса.

Он следовал формуле «Политика — это искусство возможного». Он знал, что надо сделать много больше, и готов был это сделать, но понимал, что сейчас это невозможно. Правительство, которое называли прокоммунистическим, левым, красно-розовым, через три месяца разработало и пришло в Думу почти с той же программой, которую предлагали ненавистные молодые реформаторы. Это свидетельствует только об одном — экономика подчиняется объективным законам.

Андрей Николаевич Илларионов, который долгое время был советником президента Путина по экономическим вопросам, не принадлежит к числу поклонников Примакова. Но в газетном интервью он признал заслуги Евгения Максимовича на посту главы правительства:

— Мне вспоминается конец 1998-го — начало 1999 года. Тогда премьер-министром был Евгений Примаков, чьи публичные выступления вряд ли могли сойти за образец либерализма, за что он и получил в свой адрес немало критических стрел. Однако именно тогда у нас начался экономический рост. А чуть позже стало ясно, что экономическая политика, проводившаяся в тот период, по своему качеству оказалась наилучшей за несколько десятилетий.

Примаков приступил к работе с большим, невиданным кредитом доверия. Ни один глава правительства не имел такой массовой поддержки. Но всякий кредит, в том числе и кредит доверия, рано или поздно исчерпывается.

Понимал ли Евгений Максимович, что и его премьерство может оказаться недолгим? Что если он не сумеет справиться с кризисом, на него обрушится бешеный шквал критики, справедливой и несправедливой? Способен ли он в какой-то момент, увидев, что ничего не получается, махнуть на все рукой и уйти?

Я задавал этот вопрос всем его друзьям.

Ответы были почти одинаковые:

— Он не способен так поступить. Он невероятно настойчивый и упорный человек. Евгений Максимович не хотел становиться премьер-министром и отказывался искренне. Но теперь это значения не имеет. Он согласился, значит, принял на себя ответственность и уверен в том, что справится. Не справиться — это же для него означает опозориться. Этого он никогда не допустит...

Опросы общественного мнения показывали, что Евгений Примаков — самый популярный и влиятельный человек в стране. Раньше эту позицию занимали только два человека: как правило, Борис Ельцин и иногда, в порядке исключения, Виктор Черномырдин. Теперь же президент России отступил на второе место.

В конце октября 1998 года рейтинг доверия Примакова был самым высоким в России. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, ему доверяли четырнадцать процентов россиян. На втором месте был Зюганов (десять процентов), на третьем-четвертом — Явлинский и Лужков (по семь процентов). Пятое место занял Лебедь (пять процентов).

В середине ноября шестьдесят восемь процентов опрошенных одобрили идею поручить Примакову исполнять обязанности вице-президента (хотя такой должности уже не существовало). На вопрос о том, кто из политиков способен объединить политические силы, на первом месте

оказался Примаков — тридцать процентов опрошенных. На втором Юрий Лужков — двадцать один процент.

В конце года опрос общественного мнения показал, что число одобряющих действия Примакова за два месяца еще выросло. Его называли самым популярным политиком 1998 года. Конечно, в этих опросах была некая неточность. Оценивается скорее не популярность, то есть благорасположенность публики, а степень интереса к нему и мера его влияния на общественную жизнь. Начиная с сентября, все внимание было сосредоточено на Примакове. Вот и казалось, что он самый популярный политик в стране.

Социологи уже прикидывали, есть ли у него шансы на победу в президентских выборах 2000 года, вычисляли, кто именно за него проголосует, какие силы поддержат нынешнего главу правительства. Многие хотели видеть Примакова президентом именно потому, что он ни разу не заявил о своем желании стать президентом. Избиратели инстинктивно верят неамбициозным людям.

Сам Примаков относительно выдвижения его кандидатуры на пост президента выразился в ту пору предельно откровенно:

— Всякое безумство должно иметь пределы. Я исчерпал свое, согласившись на премьерство...

«Возможно, Евгений Максимович себя недооценивает, — писал я в начале 1999 года. — В нынешних обстоятельствах он, несомненно, не станет баллотироваться в президенты. Но ведь обстоятельства могут перемениться».

ОТСТАВКА

Первоначально Ельцин зависел от Примакова и даже в определенном смысле заискивал. Примаков потом расскажет, что через две недели после его назначения президент вдруг многозначительно и доверительно заговорил с ним:

— Я хотел бы обсудить ваши перспективы как моего преемника. Что нам следует делать в этом отношении.

Примаков благоразумно отказался развивать эту тему:

— У меня нет никаких президентских амбиций. Вообще считаю, что не смог бы по-настоящему работать во главе правительства, если бы нацелился на президентскую гонку...

Борис Ельцин поначалу называл Примакова «самым сильным, самым надежным премьером, которого поддерживает президент, поддерживает правительство, поддерживает Государственная Дума, поддерживают региональные власти на местах». Ельцин сказал, что получает удовольствие, видя, как Примаков решает проблемы, находя удачные компромиссы...

Президент поощрял его активность:

— Больше берите ответственности на себя.

Но едва кризис миновал, страна успокоилась, стало ясно, что Примаков неприятен Ельцину. Сергей Кириенко Ельцину нравился, потому что не имел никакого политического веса. А тут совсем наоборот — совершенно самостоятельная фигура. Заговорили о том, что между Ельциным и Примаковым пробежала черная кошка, что президент обижен на премьер-министра, который за его спиной договаривается с Государственной Думой о том, чтобы вывести правительство из-под контроля президента. Из-

вестно, как Ельцин любит, когда в его окружении кто-то занимается самостоятельной политикой...

Говорили и другое: что в момент обострения президентской болезни Примаков пытался взять под контроль силовые министерства. Это не так. Министры обороны, внутренних дел, директор Федеральной службы безопасности подчиняются только президенту. Это не значит, что они никогда не появляются в кабинете премьер-министра и не выполняют его просьб. Просто о каждом таком поручении премьер обязан поставить в известность президента, что Евгений Максимович и делал. Другое дело, что с Примаковым силовые министры явно сотрудничали с большим удовольствием, чем с его предшественниками. И он, уйдя из разведки, не утратил контакта и с бывшими подчиненными, и со смежниками.

Надо все назвать своими словами. Назначение Примакова премьер-министром и президент, и его окружение воспринимали как проигрыш: Ельцин дал слабину и позволил сделать главой правительства не того человека, которого хотел. Евгений Максимович пытался установить рабочие отношения с Татьяной Борисовной Дьяченко, объяснить, что у них единые цели, но дочь президента демонстративно не хотела откровенничать с главой правительства и делиться с ним своими планами.

9 апреля 1999 года Ельцин публично сказал:

— Не верьте слухам о том, что я хочу Примакова снять, правительство распустить и так далее. Все это домыслы и слухи. Такого нет и не предвидится. Я считаю, что на сегодняшней стадии, на таком этапе Примаков полезен, а дальше будет видно. Другое дело, что надо укреплять правительство. Этот вопрос стоит.

Это было крайне болезненное для Примакова заявление — президент говорил стране, что он в любую минуту готов расстаться с Евгением Максимовичем.

Примаков тут же ответил, выступив по телевидению:

— Пользуясь случаем, хочу еще раз заявить, особенно тем, кто занимается этой антиправительственной воз-

ней, — успокойтесь, у меня нет никаких амбиций или желания участвовать в президентских выборах, и я не вцепился и не держусь за кресло премьер-министра, тем более когда установлены временные рамки моей работы: сегодня я полезен, а завтра посмотрим...

Примакова пытались отговорить от этих слов — «не стоит раздражать президента», но он вел себя уверенно и смело. Не стал молчать.

Знатоки кремлевской жизни поняли, что и Евгений Максимович не задержится в своем кресле. В 1998 году сменилось три премьер-министра. На то, чтобы сменить главу правительства, у слабющего и больного президента в любом случае сил хватит. Так и получилось. В 1999 году тоже сменилось три премьера.

В мемуарной книге Ельцина «Президентский марафон», написанной Валентином Юмашевым, так объясняются причины отставки Евгения Максимовича. Это, собственно, развернутый обвинительный вердикт. Начинает с обвинений в зажиме прессы:

«Журналисты с самого начала почему-то не очень жаловали правительство Примакова. Как чувствовали, что нелюбовь будет взаимной и страстной. Вскоре выяснилось, что именно спровоцировало прессу на такую скорую и, как мне сначала казалось, несправедливую критику: абсолютная закрытость нового кабинета. Было дано четкое указание аппарату правительства скрывать информацию от прессы, минимум интервью, все общение с журналистами — только под жестким контролем... Сказывалась многолетняя школа работы Евгения Максимовича в закрытых учреждениях — ЦК КПСС, МИДе, СВР...»

Заметим, что в аппарате ЦК партии Примаков — в отличие от самого Бориса Николаевича — не работал...

Ельцин пишет, что был удивлен, когда Примаков принес пачку критических публикаций о правительстве и стал жаловаться президенту на журналистов.

Ельцин ответил премьер-министру:

— Евгений Максимович, я уже давно к этому привык... Обо мне каждый день пишут, уже много лет, знаете в каких тонах? И что же, газеты закрывать?

— Нет, но вы почитайте, Борис Николаевич, это же полная дискредитация нашей политики.

«Вот в таком духе мы могли разговаривать с Примаковым по часу... Было очень печально, что Евгений Максимович не может избавиться от старых советских стереотипов, от этой тяжелой нервозности при виде газетных страниц... Особо памятен разнос, который Евгений Максимович устроил российскому телевидению. Собрав творческий коллектив, он в течение чуть ли не часа распекал журналистов, указывал на недопустимый тон, на ошибки, на то, что можно и нельзя говорить о правительстве...»

Примаков пишет в своих мемуарах, что никаких подборок из статей, написанных против него, он не приносил: «Это все досужие домыслы».

Следующий пункт обвинений — подготовка массовых репрессий.

Ельцин:

«Весной того, 1999 года, произошел еще один очень знаменательный эпизод нашей общественной жизни. На заседании правительства министр юстиции Павел Крашенинников докладывал вопрос об амнистии... Всего из мест заключения выйдут на свободу 94 тысячи человек. Неожиданно министра юстиции перебил Евгений Максимович Примаков. Это проявление гуманизма, все правильно, сказал он. Но это необходимо сделать и для того, чтобы „освободить место для тех, кого посадить будем за экономические преступления“... Той весной многие российские граждане в массовом порядке начали паковать чемоданы...

Возбуждались непонятные уголовные дела. Под арест попадали невинные люди. Часть сотрудников спецслужб не скрывали при допросах и обысках бизнесменов, что ждут реванша за прежние годы... Эта ситуация грозила

настоящим расколом страны в главном вопросе, вопросе экономических реформ...»

Странно сейчас читать эти ельцинские слова.

Наступление на свободу слова, реванш спецслужб, возбуждение непонятных уголовных дел против видных промышленников, аресты и обыски — все это скорее описывает то, что стало происходить уже после отставки Примакова, когда президентом стал ельцинский преемник Владимир Владимирович Путин.

Примаков впоследствии сам рассказывал о мотивах своей политики:

«Я не обрушился на своих предшественников, не требовал объяснения, кто виноват в событиях 17 августа, не пошел на передел собственности. Хотя, если бы я затеял национализацию, аплодисменты заглушили бы тоненькие голоса против.

Передо мной стояла задача — вывести страну из кризиса. Для этого нужно было стабилизировать обстановку, не раскачивать лодку — это раз. И в то же самое время сохранить демократическую ориентацию, не дать возможности отката в командно-административную систему. Я никогда не пошел бы на массовые репрессии...»

Юмашев от имени президента старался выставить Примакова в книге «Президентский марафон» в самом мрачном свете, но приговор был вынесен несправедливый:

«Примаков с каждым днем становился для огромной части бизнеса, а значит, и для среднего класса, средств массовой информации, для многих политиков и целых думских фракций раздражающим фактором. Вольно или невольно Евгений Максимович консолидировал вокруг себя антирыночные, антилиберальные силы, вольно или невольно наступал на свободу слова, и журналистов не могло это не волновать.

Дальнейшее пребывание Примакова у власти грозило поляризацией общества. Разделением на два враждующих лагеря. Это была тяжелая тенденция. Затягивание этого процесса, сползание к прежним, советским, мето-

дам руководства могли превратить его отставку в настоящий гражданский конфликт. Стало понятно, что ждать до осени, тем более до 2000 года, как я запланировал раньше, просто нельзя».

Примаков не ходил к президенту с папкой «компромата». Это хлеб силовиков. Они его премьер-министру не отдадут, сами понесут президенту. Примаков принес Ельцину только аудиозапись нового руководителя президентской администрации Александра Стальевича Волошина, который собрал журналистов и говорил им, что Примаков ведет собственную игру и не может считаться сторонником президента.

Евгений Максимович закономерно возмутился: как это чиновник президентской администрации смеет выступать против главы правительства?

Примаков сам описал эту интригу:

«Вскоре после заседания Совета Безопасности, которое я проводил в отсутствие Ельцина, я попросил всех задержаться. Смотрю, все остались, а Волошин собирается уходить. Спрашиваю:

— Куда вы?

— У меня намечена встреча.

— Нет, останьтесь... Объясните, кто дал вам право, пока я еще премьер-министр, собирать журналистов и выступать против меня? Вы — руководитель администрации президента. Что это за игры?

Меня поддержали и Строев, и Селезнев. Но я не ограничился этим и пошел к Ельцину. Показал волошинский текст. Президент вызвал Волошина и сказал ему:

— Кто вы такой? Вы мелкий чиновник, вы стоите в моей тени, вы еще ничего сами не сделали. Как вы смеете сталкивать меня с председателем правительства! Я положу эту бумагу в сейф, и она все время будет висеть над вашей головой. Идите...

А потом обратился ко мне:

— Теперь вы видите, что это идет не от меня?

Я сказал Борису Николаевичу, что благодарен ему за поддержку. А меньше чем через месяц меня сняли».

Борис Николаевич Ельцин был мастер разыгрывать такие спектакли. Глава кремлевской администрации Волошин действовал не по собственной инициативе. В Кремле уже было решено любыми средствами избавиться от Примакова.

Евгений Максимович возглавлял правительство всего восемь месяцев. 27 апреля Ельцин отправил в отставку первого вице-премьера Вадима Густова, его должность перешла к министру внутренних дел Сергею Степашину. Назначение было неожиданным для Примакова.

12 мая 1999 года глава правительства пришел к Ельцину с очередным докладом. Оживленный и прибодрившийся президент внезапно сказал ему:

— Вы выполнили свою роль. Теперь, очевидно, нужно будет вам уйти в отставку. Облегчите мне эту задачу, напишите заявление об уходе с указанием любой причины.

Примаков в эти недели чувствовал себя очень плохо, страдал от тяжелого радикулита, нуждался в операции. Но присутствия духа не потерял и твердо сказал:

— Нет, я этого не сделаю. Облегчать никому ничего не хочу. У вас есть все конституционные полномочия подписать соответствующий указ. Но я хотел бы сказать, Борис Николаевич, что вы совершаете большую ошибку. Дело не во мне, а в кабинете министров, который работает хорошо: страна вышла из кризиса. Люди верят в правительство и его политику. Сменить кабинет — это ошибка.

Характер Примакова в Кремле знали, поэтому предусмотрели все варианты. Ельцин вызвал главу администрации Александра Стальевича Волошина, который вошел в кабинет с уже готовым указом об отставке главы правительства.

Ельцин вдруг спросил Примакова:

— Как у вас с транспортом?

Примаков равнодушно ответил, что для него машина — это не проблема, может и такси взять. Президенту

стало нехорошо, вызвали врачей. Примаков деликатно хотел уйти, Борис Николаевич удержал его. Когда медики ушли, Ельцин встал, обнял Примакова и сказал примирительно:

— Давайте останемся друзьями.

Примакову предложили любой зарубежный пост, например, взять на себя курирование всех ближневосточных проблем в ранге специального представителя президента. Он отказался.

«Меня обуревали смешанные чувства, — скажет потом Евгений Максимович, — с одной стороны, безусловно, обида, а с другой — потрясающее чувство свободы, я бы даже сказал точнее, освобождения».

Еще одна цитата из книги Ельцина «Президентский марафон»:

«Еще раз посмотрел на Евгения Максимовича. Жаль. Ужасно жаль. Это была самая достойная отставка из всех, которые я видел. Самая мужественная. Это был в политическом смысле очень сильный премьер. Масштабная, крупная фигура».

Так почему же Ельцин его уволил?

Самый очевидный ответ — Борису Николаевичу не нравилась самостоятельность премьер-министра. Не в том примитивном смысле, что Примаков не слушался Бориса Николаевича или принимал решения, противоречащие указаниям президента. Премьер-министр вел себя независимо, не спешил по каждому поводу кланяться Кремлю и советоваться с президентским окружением — у Примакова в прямом и переносном смысле оказался негибкий позвоночник. От радикулита его спасла операция, а характер остался прежним. Чем популярнее становился Примаков, тем большим был страх «семьи» перед ним. В ближайшем окружении президента Ельцина смертельно боялись Примакова.

Евгений Максимович никогда не был единомышленником Бориса Николаевича.

Примаков сожалел о распаде Советского Союза и о соглашении, подписанном Ельциным в Беловежской пуще. Примаков не был сторонником гайдаровских реформ и не скрывал своей точки зрения, только его мнением тогда не интересовались, потому что он возглавлял разведку. Примаков не разделял страстного желания Ельцина сблизиться и подружиться с Западом. И Примаков не питал такой ненависти к коммунистам, к лидерам левой оппозиции.

Одним словом, Примаков был первым непрезидентским премьер-министром. Его и выбрал-то не Ельцин. Примаков был ему навязан ситуацией. У президента осенью был выбор: либо распустить Думу, либо принять кандидатуру Примакова. Ельцин выбрал меньшее зло, потому что был в очень плохой форме, сильно болел.

Примаков сам сформировал правительство, чего не было ни до него, ни после, и в минимальной степени зависел от президентской администрации. Евгений Максимович с первого дня опирался на поддержку левой оппозиции, во-первых, потому, что она составляла большинство в Государственной Думе, во-вторых, потому, что — в отличие от президента — не видел в коммунистах ничего опасного.

Говорили: премьер-министр позволяет оппозиции использовать себя, он слишком ей удобен. В Кремле считали, что Примаков блокируется со злейшими врагами президента. Коммунисты готовили импичмент, а Примаков продолжал заседать вместе с ними, обсуждать дела. У коммунистов в руках был сильный козырь: если отправим Ельцина в отставку, то управлять страной по конституции будет такой уважаемый человек, как Евгений Максимович. Со стороны казалось, что на сей раз давно готовившийся импичмент может увенчаться успехом.

В июне 1998 года Государственная Дума единогласно приняла постановление «О Специальной комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по оценке соблюдения процедурных правил

и фактической обоснованности обвинения, выдвинутого против Президента Российской Федерации».

Депутаты-коммунисты предъявили Ельцину пять обвинений: государственная измена (Беловежские соглашения 1991 года); государственный переворот (события осени 1993 года); военные действия в Чечне; нанесение ущерба обороноспособности и безопасности страны; геноцид народа, ставший результатом президентских реформ.

Коммунисты были уверены, что большинство депутатов как минимум согласятся признать Ельцина виновным в чеченской войне. Еще никто не знал, что затея с импичментом лопнет, как мыльный пузырь, поэтому контакты популярного премьер-министра с оппозицией воспринимали в Кремле как враждебные.

Увольнение Примакова до импичмента было сильным ходом — импичмент терял всякий смысл для оппозиции: коммунисты рассчитывали, что власть перейдет к Примакову. Интуиция Ельцина оказалась сильнее, если это он, конечно, все сам придумал.

Несколько человек из высшего эшелона власти говорили мне, что были против увольнения Примакова. Не потому, что его любили, — боялись народного возмущения. Евгений Максимович был очень популярен. И как выяснилось позднее, уходу Примакова в отставку предшествовала некая попытка организовать восстание против президента.

Глава компартии России Геннадий Зюганов рассказывал, что накануне отставки правительства у Примакова прошло совещание с лидерами фракций, с руководством Государственной Думы:

— Затем мы остались — я, Рыжков и Харитонов — и еще два часа вели с Примаковым и его заместителями обсуждение ситуации в стране. Мы прямо сказали, что Ельцин и его команда пойдут на отставку Примакова... У Примакова была редкая возможность. Мы ему сказали, что завтра Ельцин отправит его в отставку, и про-

силы рассмотреть сложившуюся ситуацию на совместном заседании Федерального собрания и правительства. К сожалению, правительству не хватило мужества это сделать. Мы пригласили их в Думу, но они не появились. А затем не появились и в Совете Федерации. Если бы тогда они решились, уверен, две палаты и правительство Примакова нашли бы выход...

Если бы законодатели и правительство обратились ко всем силовым ведомствам с совместным призывом соблюдать спокойствие и не поддаваться на провокации, уверял Зюганов, то ни один солдат, ни один генерал не выступили бы против законного правительства, поддержанного народом... Тогда была бы реальная возможность рассмотреть поправки к конституции и перераспределить полномочия, появилась бы стопроцентная возможность поставить правительство под контроль двух палат...

Почему же, спросили Зюганова, коммунисты, как они это обещали, не вывели людей на улицы в знак протеста против отставки Примакова?

— Это можно было сделать при одном условии. Если бы Примаков сказал: «Да, я приду в Думу», — и официально обратился к стране. А когда он сказал, что уходит в отставку, ситуация поменялась кардинально... Мы собрали Совет Федерации, но и там не хватило мужества честно оценить происходящее. Звать людей на улицы, когда сами отставляемые не делают и шагу навстречу Думе, — смысла нет...

Депутат того состава Государственной Думы Владимир Лысенко тоже считал, что у Примакова был шанс изменить свою политическую судьбу и, может быть, судьбу страны:

«Авторитет Примакова был настолько велик, что, если бы он в этот период не подчинился Ельцину, если бы он обратился к народу, то я думаю, мы смогли бы пережить еще один самый сложный кризис в нашей стране и, возможно, с иным политическим результатом, чем получился после отставки Примакова.

Но Евгений Максимович как человек системы привык подчиняться руководству, хотя в этом отношении, может быть, это был не самый лучший вариант его поведения».

Да, Примаков не тот человек, который во имя обиженного самолюбия способен устроить мятеж и сломать государственную машину.

— Ельцин хорошо знает политическую элиту, знает людей, с которыми имеет дело, и это помогает его интуиции, — говорил мне его бывший помощник Георгий Сатаров. — Вот пример — отставка Примакова. Если бы в тот момент я был помощником президента, я бы ему сказал, что ни в коем случае этого не надо делать. Нельзя трогать Примакова — будут большие потрясения. Я был в этом уверен на сто процентов. Он бы мне так же протянул бы руку: давай поспорим, что все пройдет спокойно! И он оказался прав...

Ельцин опять рискнул и опять выиграл. Абсолютно непопулярный президент избавился от необыкновенно популярного премьер-министра, и ничего в стране не произошло — ни демонстраций, ни забастовок, ни массового возмущения! Примаков безмолвно ушел, невероятно страдая от унижения. Дума покорно проголосовала за нового премьер-министра Сергея Степашина.

Убрав Примакова, Ельцин нанес левым тяжелый удар. Они увидели, что президент абсолютно уверен в себе, но не могли понять, почему, — и растерялись. Поэтому и импичмент провалился. Коммунисты потерпели катастрофическое для них поражение. Еще вчера громогласно говорили о полевении России, о том, что вся страна поддерживает коммунистическую оппозицию, и вдруг замолчали. Коммунисты даже не решились сопротивляться назначению Степашина на пост главы правительства, хотя Сергей Вадимович — президентский премьер, полностью ему преданный человек и единомышленник.

Отставка едва ли была для Евгения Максимовича неожиданностью. Примаков помнил незавидную судьбу всех своих предшественников и наверняка понимал, что пре-

зидент его не очень любит. Хотя обставлен был его уход с должности отвратительно — люди, которых он, по существу, спас в критические дни осени 1998 года, не нашли в себе силы сказать положенное в таких случаях «спасибо».

Отставку Примакова одобрили всего два процента опрошенных. У многих в стране осталось ощущение, что с ним поступили непорядочно. Еще ни один глава правительства не уходил со своего поста в ореоле народной любви. Примаков поставил рекорд. И сменщик, надо отдать ему должное, не смотрел Евгению Максимовичу презрительным взглядом в спину, а говорил, что продолжит курс Примакова.

Последние месяцы 1998-го и начало 1999 года были временем отчаяния и тревоги в жизни обитателей Кремля. Стало ясно, что президент Ельцин тяжело болен и неизвестно, сколько времени он продержится.

В октябре 1998 года Борис Николаевич полетел в Узбекистан и Казахстан. Но чувствовал себя очень плохо. Прямо под прицелом телевизионных камер в аэропорту он едва не упал. Его удержал Ислам Каримов, президент Узбекистана. Поездку свернули, и президент досрочно вернулся в Москву. Врачи сообщили, что у президента трахеобронхит с высокой температурой. Но по Москве поползли слухи, что президент совсем плох, что у него развилась болезнь Паркинсона.

И страшная мысль: кто придет после него? и как он себя поведет? — не покидала ни самого Ельцина, ни его окружение. Ведь тогда сильны были позиции тех, кто говорил, что президента надо судить за развал страны. И в устах некоторых политиков это звучало угрожающе. В какой-то момент Ельцин, кажется, даже был готов передать государство Примакову. Евгений Максимович благоразумно отказался развивать эту тему. Да и Ельцин быстро понял, что Примаков слишком самостоятелен.

Идея подыскать преемника самому казалась разумной. Но кого выбрать? Эскизный портрет преемника набро-

сать было несложно: молодой, энергичный, располагающий к себе, желательнo из военных, из тех, кто в политике недавно и еще не успел примелькаться. Такие качества, как верность и надежность, обязательны. Он должен хранить верность своему крестному отцу в политике и после того, как сменит его в Кремле.

Первым на этот пост и опробовали Николая Николаевича Бордюжу. Казалось, он подходит идеально. Из военной семьи, двадцать лет прослужил в военной контрразведке КГБ, занимался кадрами, политико-воспитательной работой, потом в ФАПСИ — Федеральном агентстве правительственной связи и информации, и в пограничных войсках.

Бордюжа стал регулярно приходить в Кремль и многих буквально очаровал. Худощавый, подтянутый, улыбчивый — военная косточка, спокойный, внимательный, умеет ладить с людьми. Чем не кандидат в преемники? В сентябре 1998 года нового ельцинского фаворита сделали секретарем Совета безопасности, а в декабре еще и поставили во главе президентской администрации. Такой концентрации власти не было ни у кого из кремлевских администраторов.

Генерала призвали в Кремль в тот момент, когда Ельцин был очень слаб и левая оппозиция требовала его отставки. В книге «Президентский марафон» мотивы назначения Бордюжи изложены весьма откровенно:

«Легко стучать кулаком по думской трибуне, в очередной раз „отправляя в отставку“ ненавистного Ельцина, выводить на площади колонны демонстрантов под красными флагами, когда он лежит в больнице. Труднее это сделать, когда рядом с президентом возникает фигура генерал-полковника, который одновременно совмещает две важнейшие государственные должности — и главы администрации, и секретаря Совета безопасности».

Ельцин и его окружение надеялись, что молодой генерал-полковник станет им надежной защитой. Но исполнительный и доброжелательный офицер оказался непригод-

ным к этой работе. Он не только не разобрался в сложнейших кремлевских интригах, но и не проявил к ним ни малейшего интереса и склонности. Он либо совершенно не понял, чего от него ждут, либо не желал этим заниматься.

Бордюжа, условно говоря, был Путиным номер один. Но Бордюжа подкачал. У него не оказалось лидерской жилки, которая сразу же проявилась у Путина. Не проявил генерал и других искомым качеств — беспредельной жесткости и твердости. Не хватило ему, видимо, и политического кругозора. Ельцин в Бордюже разочаровался.

К тому же Бордюжа еще имел несчастье тесно сотрудничать с Примаковым, которого уважал и которого в Кремле многие ненавидели и боялись. На совещании в администрации Николай Николаевич сказал:

— Активизация позитивных ожиданий у населения после формирования нового правительства во многом связана с именем Примакова — прагматика и человека дела.

Об этих словах главы администрации, о контактах Примакова и Бордюжи соответствующим образом докладывали президенту.

Ельцин в своей книге объяснил, что к чему:

«Я вызвал Юмашева и сказал:

— Валентин, а вы уверены, что нет ошибки? Что-то я не чувствую Бордюжу.

Юмашев удивился. Внешне все шло гладко. Бордюжа старался изо всех сил, пытался стать командным человеком. Но я с самого начала видел — с ним что-то не то.

Позднее мне стало ясно, что же происходит с Бордюжей. Офицер, сделавший прекрасную карьеру в строгой военной системе, он плохо понимал устройство современной политической жизни, не улавливал ее тонких нюансов, не замечал подводных течений. Вся работа главы администрации была, с его точки зрения, нелогичной, нерегламентированной, странной. И он растерялся... Единственным, с кем Бордюже было комфортно, оказался Евгений Максимович Примаков...»

Когда Николай Николаевич потерял обе должности, Примаков удивленно спросил президента:

— Борис Николаевич, зачем вы Бордюжу уволили?

Президент ответил коротко:

— Не справляется.

С чем именно не справился Бордюжа, стало ясно, когда выяснилось, что на посту руководителя администрации его сменил широко известный в узких кругах экономист Александр Волошин, который находился в контрах с Примаковым. По указанию президента Александр Стальевич позвонил Примакову:

— Евгений Максимович, это Волошин. С сегодняшнего дня президент назначил меня главой администрации.

Примаков понял этот демонстративный звонок так: администрация президента начинает борьбу с главой правительства.

В кресле секретаря Совета безопасности Бордюжу сменил директор ФСБ Владимир Путин. Один из бывших коллег Путина уверял меня, что Владимир Владимирович задолго до увольнения Евгения Примакова с поста премьер-министра точно назвал день, когда это произойдет. Коллега возразил:

— Этого нельзя делать, ведь тогда Дума объявит президенту импичмент!

Путин уверенно сказал:

— Не беспокойся.

Угол поиска у Ельцина сузился. Борис Николаевич подбирал людей определенного склада: офицер Бордюжа, офицер Степашин, офицер Путин. В какой-то момент мелькнуло еще одно имя — министр иностранных дел Игорь Иванов. Он из военной семьи, окончил суворовское училище, сохранил офицерскую выправку. Иванова прощупали по поручению Ельцина. Игорь Сергеевич категорически отказался возглавить правительство и не захотел отречься от Примакова.

Время уходит катастрофически быстро, а окончательный выбор все еще не сделан. В полуфинал выходят

двое — генерал Степашин и путейский генерал Аксененко, министр железнодорожного транспорта. У каждого свои достоинства.

Сергей Вадимович Степашин тоже военный человек, достаточно молод, предан Ельцину, надежен. Известно, что он своих не выдает. Николай Емельянович Аксененко — новый человек, и это плюс. Он всю жизнь проработал на железной дороге, чистый хозяйственник. Политикой не занимался, ни в депутаты, ни в губернаторы не баллотировался.

Ельцин до последнего момента колебался и не знал, кого предпочесть — Степашина или Аксененко. Сначала Ельцин вроде бы остановился на Аксененко и даже назвал его фамилию в телефонном разговоре с председателем Государственной Думы Геннадием Селезневым. А потом все-таки прислал в Думу письмо с просьбой одобрить кандидатуру Степашина. Селезневу оставалось только развести руками:

— У нашего президента семь пятниц на неделе.

Николай Аксененко, говорят, чисто внешне приглянулся Ельцину. Он симпатизировал высоким, статным мужикам с рабочей биографией, которые так напоминают его самого в молодости.

Задним числом Ельцин с помощью Валентина Юмашева, написавшего ему книгу «Президентский марафон», уверял, что изначально брал Степашина на очень короткий срок:

«Да, уже внося кандидатуру Степашина, я знал, что сниму его. И это знание тяжким грузом висело на мне. Честно говоря, чувство страшноватое... Я знаю это чувство — когда посреди разговора, посреди обычной встречи вдруг как черная тень по комнате пробежит. Предрешенность того или иного поступка, той или иной политической судьбы дает о себе знать постоянно. И ты вынужден держать эту ношу, не выпускать наружу свои мысли».

Едва ли это было так. Ельцин подбирал себе наследника и каждому из возможных кандидатов он давал рав-

ный шанс. Степашин фигурировал в этом списке, и ему тоже позволили себя проявить на посту председателя правительства. Следующим в списке, надо понимать, значился Аксененко. Вот поэтому Сергей Степашин при назначении услышал мало вдохновляющее напутствие:

— Надо еще посмотреть, как у вас получится...

Иначе говоря: пока побудешь премьер-министром, но если не справишься, тебя сменит Николай Емельянович.

А в разговоре с Аксененко Ельцин, видно, произнес нечто утешительно-обещающее:

— Вы будете первым заместителем главы правительства, единственным первым замом и будете заниматься всем. Поработайте немного на этой должности, а потом...

На новичка в политике Аксененко интимное общение с президентом и такие громкие слова, видимо, произвели неизгладимое впечатление. Не искушенный в кремлевских интригах, Аксененко с прямоотой и решительностью путейского генерала взялся проводить слова Ельцина в жизнь.

Бывший первый вице-премьер Борис Немцов говорил мне:

— Это я предложил его сделать министром. Аксененко в своей области талантливый человек. Поставил дело. Он жесткий руководитель, у него дисциплина. Николай Емельянович в семь утра начинал летучки в Белом доме, где не привыкли собираться раньше девяти часов...

Дебют первого вице-преьера Аксененко произвел на публику невыгодное впечатление. Он с трудом формулировал свои мысли, зато громогласно заявлял, что будет заниматься решительно всем, даже тем, что входит в обязанности главы правительства. Николай Емельянович вел себя так, словно не Степашин, а он премьер, и преспокойно отменял распоряжения главы правительства.

Скоро станет ясно, что Николай Емельянович на премьера не тянет. Но Степашин-то оказался в неудачном и неприятном для него положении. Много ли сделает премьер-министр, если ему в затылок жарко дышит дублер и

тикают часы, неумолимо отсчитывая отведенное ему время? Степашин давно бросил курить, но когда стал главой правительства, как он сам говорит, «сорвался и выкуривал по две пачки в день».

Еще никогда общество не видело, чтобы администрация президента так откровенно командовала правительством, решала, кому быть министром, а кому нет. Именно в тот момент стало понятно, что все важнейшие кадровые решения в стране принимает узкая группа лиц, не наделенная никакими государственными полномочиями. Тогда и возник термин «Семья», обозначающий окружение Ельцина, которое обрело самостоятельность и проводило свою политику.

Ельцина страна когда-то поддержала как человека, выступившего против привилегий, готового разделить с людьми тяготы их жизни. А кончилось это святочным рассказом перед телезрителями о том, что жена будто бы жарит ему котлеты, купленные в магазине, чему уж точно никто не поверил, и красивой жизнью его окружения, которое даже не стеснялось демонстрировать свое процветание. Вот это, наверное, больше всего отвратило людей от Ельцина.

Степашин продержался в Белом доме всего три месяца, точнее — восемьдесят два дня. Чем же Степашин не угодил Ельцину?

Ельцин и его окружение были недовольны тем, что Степашин не в состоянии помешать Юрию Лужкову заниматься политикой, формировать свою партию, устанавливать контакты с другими губернаторами, завоевывать симпатии избирателей. Московский мэр воспринимался Кремлем как главная опасность на будущих выборах, на борьбу с ним были мобилизованы все силы.

Ельцин недовольно говорил Степашину:

— Ведь это же очевидно, Сергей Вадимович. Нужно создать твердый центр власти, собрать вокруг себя политическую элиту страны. Проявите решимость, попробуйте перехватить у них инициативу.

Но Степашин не сумел помешать Лужкову.

«Степашин слишком мягок, — говорится в последней книге Ельцина. — Я не уверен в том, что он будет идти до конца, если потребуется, сможет проявить ту огромную волю, огромную решительность, которая нужна в политической борьбе...»

Вот этого никто, кроме Ельцина, не уловил: Степашину не хватает характера. Властители такой страны, как наша, делаются из другого, куда более жесткого материала.

Степашин говорил:

— Я не Пиночет.

Вот поэтому с ним и расстались.

Рано утром 5 августа Ельцин вызвал к себе Путина:

— Я принял решение, Владимир Владимирович, и предлагаю вам пост премьер-министра. Вы примерно представляете, почему я вынужден отставить вашего предшественника. Я знаю, что Степашин ваш друг, тоже петербуржец, но сейчас нужно думать о другом. Ваша позиция должна быть твердой.

— На кого будем опираться на выборах? — деловито поинтересовался Путин.

— Не знаю, — ответил Ельцин, — будем строить новую партию. Но главное — ваш собственный политический ресурс, ваш образ.

Президент сказал Владимиру Владимировичу, что ему придется не просто сменить нерешительного Степашина, но и действовать предельно жестко. Скоро станет ясно, что на сей раз Ельцин не промахнулся. Он нашел того, кого столько времени искал. Множество людей, которые мечтали стать президентом, остались у разбитого корыта. Впервые главой России стал человек, который этого совершенно не ожидал.

И Бордюжа, и Степашин были искренне расстроены и потрясены тем, что с ними так обошлись. Они не понимали, что механизмы власти не знают никаких человеческих чувств. Действует только один принцип — полити-

ческой целесообразности. Как только человек перестает быть нужным, с ним расстаются без колебаний и даже не говорят на прощание «спасибо».

Путин, как говорится в книге «Президентский марафон», понравился Ельцину «холодным взглядом и военной точностью формулировок». Владимир Владимирович — в отличие от своего предшественника — не смущался и не краснел, было ощущение, что он «готов абсолютно ко всему в жизни, причем ответит на любой вызов ясно и четко». И главное — его не смущали постоянные столкновения президентского окружения с Примаковым и Лужковым.

Владимир Владимирович стал третьим подряд — после Примакова и Степашина — руководителем спецслужб, добравшимся до кресла главы правительства.

За три дня до назначения в правительство Путин похоронил отца — Владимира Спиридоновича. Путин-старший почти два года провел в онкологической больнице. Они легли в больницу одновременно с женой, но Мария Ивановна быстро умерла. Владимира Спиридоновича лечили от радикулита, а оказалось, что он поражен раком, который уже дал метастазы. Онкологи продлили ему жизнь на полтора года. Он вновь смог ходить. Сын прилетал к нему почти каждую неделю, навещал. Но Владимир Спиридонович так и не успел порадоваться за сына... Родителей Путина похоронили на Серафимовском кладбище, где потом найдут вечное упокоение моряки затонувшей подводной лодки «Курск». Несмотря на смерть отца, Владимир Владимирович в первый премьерский день держался спокойно.

Выступая по телевидению по случаю назначения Путина премьер-министром, Борис Ельцин уверенно сказал:

— Ровно через год будут президентские выборы. И сейчас я решил назвать человека, который, по моему мнению, способен консолидировать общество, опираясь на самые широкие политические силы, обеспечить про-

должение реформ в России. Он сможет сплотить вокруг себя тех, кому в новом XXI веке предстоит обновлять великую Россию. Это секретарь Совета безопасности, директор Федеральной службы безопасности Владимир Владимирович Путин...

При голосовании в Думе Путин набрал всего двести тридцать три голоса — меньше всех своих предшественников. Это была унижительно маленькая цифра. Слова Ельцина в поддержку Путина всерьез никто не воспринимал. А потом стало ясно, что на сей раз Ельцин не промахнулся. Он нашел того, кого столько времени искал.

В конце августа 1999 года Наина Иосифовна Ельцина рассказывала корреспондентам:

— Это просто глупо думать, что президент снимает премьер-министра, потому что на него кто-то влияет. Это (назначение Путина. — Авт.) было абсолютно продуманное решение. Сейчас его трудно объяснить, но пройдет некоторое время, и все поймут, что решение было правильным...

Когда Путин возглавил правительство, закончилась, собственно, эпоха Ельцина. Ни мы, ни он сам об этом еще не подозревали. Но в тот день, когда удивленная и раздраженная страна узнала, что появился новый глава правительства, началась эпоха мало кому известного Путина. В начале сентября 1999 года, судя по опросам общественного мнения, за Путина готов был голосовать всего один процент. Через два месяца — больше тридцати процентов.

Все считали, что его репутация и его политическое будущее во многом зависят от итогов второй чеченской кампании. Потом станет ясно, что люди готовы проголосовать за Путина не только из-за Чечни. А тогда, похоже, и сам Владимир Владимирович был потрясен внезапным ростом своего рейтинга, то есть популярности в народе. Его главным соперником в будущей борьбе за президентское кресло считался Примаков. Исход борьбы был совершенно не ясен.

Евгений Примаков оставался самым популярным политиком в России и после отставки. Судя по опросам общественного мнения, люди хотели видеть на посту президента именно Евгения Максимовича как олицетворение взвешенной, спокойной, разумной политики.

17 августа 1999 года Евгений Максимович Примаков принял предложение блока «Отечество — Вся Россия» возглавить федеральный список для участия в выборах в Государственную Думу и был избран председателем координационного совета блока. В августе и даже в сентябре мало кто сомневался, что на грядущих парламентских выборах победу одержит этот мощный блок «Отечество — вся Россия». А выборы в Думу воспринимались как репетиция президентских выборов.

В один из сентябрьских дней 1999 года на небольшой дружеской вечеринке я видел, как друзья и соратники Примакова совершенно искренне поднимали тосты:

— За Евгения Максимовича — надежду России!

И Примаков принимал эти тосты как должное.

У него были все основания баллотироваться в Государственную Думу, а потом и в президенты. Он тем не менее не спешил с решением.

Во-первых, после вынужденного ухода в отставку он сделал операцию по замене тазобедренного сустава, которая избавила его от невероятных страданий. Но он не желал показываться на публике с костылями. Ждал, когда сможет обойтись без костылей и даже без палки. Во-вторых, он не хотел идти на выборы в одиночку, а своей политической организации у него не было.

Впрочем, я, честно говоря, думал, что он вообще откажется от политической деятельности. Он ведь не принадлежит к числу политиков до мозга костей, которые себе иной жизни не мыслят. У него есть интересы за пределами политики: книги, друзья, семья.

Правда, есть у него одно качество, сыгравшее решающую роль. Евгений Максимович вырос в Тбилиси, и он не

прощает обид. А его сильно обидели, когда уволили так бесцеремонно. Со всех предыдущих должностей Примаков уходил только на повышение. Почти вся его жизнь — в смысле карьеры — это стремительное движение вперед и вверх. И вдруг такое увольнение. Желание если не отомстить, то как минимум взять реванш, и, конечно же, притягательная сила большой политики, вероятно, и заставили его пойти на выборы.

СМЕРТЬ СЫНА И ЖЕНЫ

Глубоко Евгения Примакова знают немногие, только те, кто входит в тесный круг его друзей. Пасмурный на вид, он в реальности веселый, искренний, жизнерадостный человек. Он пишет хорошие лирические стихи, любит застолье, знает множество анекдотов и хранит верность товарищам.

Он многое делал как бы играючи. Защищал диссертации, не собираясь посвящать себя полностью науке, а получилось, что академическая карьера стала главной. Ушел из научного института, не предполагая, что со временем займет крупные посты в правительстве и в конце концов возглавит кабинет министров.

Кажущаяся легкость карьеры — свидетельство многих талантов, хотя во всякой карьере имеет значение и элемент случайности, а точнее, везения. А вот в личной жизни он пережил настоящую трагедию — потерял жену и сына. Для человека его типа, его тбилисского воспитания эта утрата непереносима. Но Примаков никогда не жалуется, не показывает, как ему тяжело, и не впадает в тоску.

А ведь самым главным в жизни, несмотря на карьеру и профессиональные успехи, для него была семья. Он рано женился, но с годами их чувства с Лаурой Васильевной Харадзе нисколько не угасли. Они были не только мужем и женой, но и друзьями, дополняли друг друга. Они родили двоих детей — сына и дочь: Александра Примакова и Нану Примакову.

— Саша был потрясающий мальчик, — вспоминал Томас Колесниченко. — Для меня это идеал. У меня таких детей нет, и ни у кого я их не видел. Он пошел в Евгения Максимовича. Саша Примаков приехал в Нью-Йорк

на практику, а я работал там корреспондентом «Правды». Как раз в этот момент у меня произошел конфликт с одним из наших местных начальников. Первым заместителем представителя СССР в ООН был такой Михаил Аверкиевич Харламов. Что-то он не то сделал, не помню, но я на него обиделся.

А Саша Примаков должен был к Харламову пойти с каким-то материалом. Он объявил Томасу Колесниченко:

— Дядя Том, я к нему не пойду.

В Тбилиси друга отца принято называть дядей.

— Да ты что? — удивился Колесниченко. — Почему не пойдешь?

— Он вас обидел!

— Ты-то какое к этому имеешь отношение? Ты иди, у тебя дело.

Саша покачал головой.

— Я человек клановый, — твердо сказал младший Примаков, — я к нему не пойду...

Отцовский характер.

— Знаете, когда люди за границей оказываются, им есть чем заняться, столько соблазнов, — вспоминал Колесниченко. — А Саша приходил после работы ко мне, потому что он далеко жил, садился в моем кабинете и работал. До вечера сидел, писал. Он бы, конечно, далеко пошел. Это был необычайный парень.

Он учился в аспирантуре. Ему предлагали и корреспондентом в Каир поехать, и в науку идти. Но этому не суждено было случиться. Саша Примаков ушел из жизни совсем молодым человеком, внезапно, на руках у друзей.

— Это один из самых черных дней моей жизни, — говорит Валентин Зорин. — Саша Примаков был моим аспирантом. Трое аспирантов пошли дежурить в праздничный день — это было первое мая 1981 года. Прекрасный весенний день. Вдруг Саша схватил товарищей за руки и сказал: я умираю. И умер мгновенно.

Сердце не выдержало, как потом у матери, Лауры... Видимо, что-то такое по наследству от матери передалось. Саше Примакову было всего двадцать семь лет.

— Первым о смерти Саши узнал Виталий Журкин, будущий академик и директор Института Европы, — вспоминал Леон Оников. — Мне позвонил Журкин, и мы вместе повезли Сашину жену в больницу, зная, что он уже умер, и по дороге из последних сил старались не сказать ей об этом раньше времени.

Саша Примаков страдал сердцем, но умер так неожиданно, что никто к этому готов не был и не думал, что это может произойти.

— Сердечная болезнь у Саши проявилась внезапно? — спросил я у Оникова.

— Наш общий друг академик медицины Володя Бураковский мне сказал однажды: Саша умрет неожиданно. Так и получилось.

Когда это случилось, Примаков был в командировке в Мексике. Валентин Зорин с помощью посольства разыскал его в гостинице и сказал:

— Делай, что хочешь, но завтра ты должен быть в Москве.

— Он спросил, что случилось?

— Нет, но, наверное, догадался...

Друзья встретили его у трапа. Он спустился весь белый, и ему сказали:

— Саши больше нет.

Встречать его в аэропорт приехал и Владимир Иванович Бураковский. Он заказал «скорую помощь».

Томас Колесниченко:

— Вот они ехали с аэропорта в машине, а сзади «скорая помощь», чтобы оказать Жене помощь, если ему станет плохо.

Валентин Зорин:

— В полубессознательном состоянии мы доставили его домой, где лежало тело сына... Вот что ему выпало. Женя переживал это очень страшно. Если бы не дочь и внуки, он бы такое горе не перенес.

Томас Колесниченко:

— Он мальчика очень любил. Это была жуткая трагедия. Для него это и по сей день трагедия. А в то время и

говорить нечего: невыносимое горе. До сих пор мы ходим на Сашину могилу, не забываем.

Люди вокруг Примакова узнали об этой трагической истории и понимали, что переживает Евгений Максимович.

Алексей Малашенко, доктор исторических наук, сотрудник Института востоковедения:

— Я помню, что как раз после смерти его сына был назначен ученый совет у нас в институте. Все собрались, и стояла мертвая тишина. Сидели почтенные ученые и не знали, как им выразить свое сочувствие. А Примаков держался замечательно, ни жестом, ни словом не показал, каково ему сейчас.

Томас Колесниченко:

— Он продолжал работать. Да, вот в этом воля Жени. Он уходит в работу, он спасает себя работой.

Валентин Зорин:

— Два года после смерти Саши Примаков рабочий день начинал с того, что ехал утром на кладбище и час сидел у могилы сына, а потом ехал на работу...

Смерть сына была первой из двух трагедий, которые обрушились на Примакова.

Все, кто знал Лауру Васильевну Примакову, сохранили о ней наилучшие воспоминания. Очаровательная женщина, великолепная мать и умелая хозяйка. Она изумительно готовила, была гостеприимна, доброжелательна. Чудесно играла на фортепьяно. И все у нее получалось легко, просто. Всегда полон дом гостей. Они жили весело и интересно.

Одним из самых близких друзей Примакова был Владимир Иванович Бураковский, крупнейший кардиохирург, директор Института сердечно-сосудистой хирургии, академик медицины, лауреат Ленинской и Государственной премий, последний Герой Социалистического Труда, получивший звезду из рук Брежнева.

Бураковский тоже вырос в Тбилиси, но он был старше Примакова на семь лет — в детстве и юности это име-

ет значение. Потом эта разница перестала быть заметной. Они подружились уже в начале семидесятых, когда Примаков вернулся с Ближнего Востока.

Лилиана Бураковская, вдова Владимира Ивановича, вспоминала:

— Мы приехали к Примаковым в маленькую квартиру на улице Ферсмана. Я знала, что, как в каждой нормальной семье, у них были проблемы, трудности, в том числе материальные. Но жили интересно. Ничего у них не увидела роскошного, да они и не привыкли к роскошной жизни. Ни Примаков, ни Бураковский не создавали себе сокровищ на земле. Они знали Библию, они знали жизнь. Они понимали: когда мы уходим, мы с собой ничего не берем, кроме доброго имени.

— Но можно кое-что детям, внукам оставить. И это многими руководит.

— Да, можно обеспечить потомство в седьмом колене. Но они этого не делали. Не потому что не любили своих детей. Они считали, что того, что есть, достаточно. А остальное пусть сами зарабатывают.

Евгений Максимович оказался блестящим рассказчиком. Вообще он любит рассказывать анекдоты, любит пошутить. Когда потом собиралась вся компания, это был фейерверк остроумия.

— Каким я впервые увидела Евгения Максимовича, таким он и остался, — вспоминала Лилиана Бураковская. — Он и сейчас такой: всегда с улыбкой, доброжелательный. И Лаура была такая же. Не полюбить эту семью и не сблизиться с ней было невозможно.

Они никогда не относились к себе слишком серьезно, у них не было никакого чванства. Всегда были самокритичны, подшучивали друг над другом. Евгений Максимович не тщеславный и не напыщенный. Это люди не реализовавшиеся постоянно говорят о себе. А тот, у кого все получилось, — ему-то зачем? Напротив, такие люди относятся к себе критически, с иронией и даже несерьезно.

Хотя Лаура искренне гордилась, когда ее муж сделал такую карьеру:

— Я же говорила, что мой Женя — номер один!

Она всегда понимала, что Евгений Максимович в чем-то выше своих товарищей, вспоминает Лилиана Бураковская.

— Жена ведь тоже влияет на мужа. Мы незаметно сблизились. Лаура стала моей подругой. Она была необыкновенная, обаятельная, притягивала людей. Разносторонне образованная, всем живо интересовалась, ходила на концерты, на выставки. Она сама играла великолепно, напевала. На ее день рождения — 8 февраля — собиралось подруг, наверное, тридцать. Потом они с улицы Ферсмана переехали на Ленинский проспект, уже у них была хорошая квартира, но и она всех не могла вместить. Подруги ее обожали.

Лаура была такая жизнерадостная — друзья и предположить не могли, что она неизлечимо больна. Когда у нее случился первый приступ, Бураковский первым к ней прибежал, потому что Примаковы жили рядом с его институтом на Ленинском проспекте. Приступ купировали, а ее заставили обследоваться. Лаура тоже не очень серьезно относилась к своему здоровью. Но ей пришлось лечиться. Сначала Бураковский положил ее к себе в институт, затем она легла в Центральную клиническую больницу 4-го главного управления при министерстве здравоохранения СССР.

Врачи поставили тяжелый диагноз — миокардит. Миокард — это сердечная мышца. Миокардит — воспаление мышцы, она слабеет и перестает работать. Это неизлечимое заболевание. Юный Саша Примаков умер от миокардита.

В таких случаях показана пересадка сердца. Владимир Бураковский хотел начать операции по пересадке сердца, но тогдашний министр здравоохранения Борис Петровский, сам хирург-кардиолог, ему это запретил. А лекарства при миокардите не помогали, восстановить работоспособность миокарда не удавалось.

Наступил момент, когда врачи сказали, что жить Лауре Примаковой осталось всего лет пять. Они, конечно, сказали это не ей, а мужу. С этим страшным известием Евгений Максимович пришел к Бураковским. Он выглядел подавленным, притихшим, ушел в себя. Он мог говорить только с Бураковскими. Не только потому, что Владимир Иванович врач. Они тоже пережили страшную трагедию — в автомобильной катастрофе погибла их дочь. Ее могила рядом с могилой Саши Примакова.

— Евгений Максимович сказал жене о диагнозе? — спросил я Лилиану Альбертовну Бураковскую.

— Нет, нет! Никто не говорил. Делали вид, что все нормально. Примакова пригласили в Японию с женой. Он советовался, можно ли ей ехать? Решили: пусть Лаура съездит, отвлечется. И хорошо, что она поехала... А потом она чувствовала себя все хуже и хуже, лежала на даче, очень ослабела... Лаура и пяти лет не прожила.

В июне 1987 года, в день выборов, Лаура и Евгений Максимович вышли во двор. Она вдруг замерла и произнесла:

— Женя, у меня остановилось сердце.

Вызвали «скорую», но уже было поздно. Она умерла на руках мужа. Ей было всего пятьдесят семь лет, она на год младше Евгения Максимовича. Вторая трагедия за несколько лет. Евгений Максимович по-прежнему любит Лауру, думает о ней и страдает... В дни памяти Лауры и Саши Евгений Максимович обязательно собирает друзей на могиле, а потом везет на поминки.

У Примакова осталась дочка — Нана.

Лилиана Бураковская:

— Евгений Максимович обожает дочь и внуков. Нана — психолог. Она работает с отставшими в развитии детьми. Я ей говорю: ты святая... Она смотрит на тебя как-то вопросительно, изучает тебя. Она скромная и немногословная, сдержанная, может быть, не очень улыбкавая, но вдруг что-то скажет с большим чувством юмора, совсем как отец.

Старшая внучка Примакова — Саша, ее назвали в честь умершего Александра Примакова. От второго брака у Наны маленькая девочка — Маша. И от ушедшего сына остался внук Женя, названный в честь дедушки. Он тоже стал журналистом, работал собственным корреспондентом телекомпании НТВ на Ближнем Востоке.

В апреле 1991 года в Москве побывала группа американских сенаторов. Примаков пригласил их к себе на дачу. Американский посол Джек Мэтлок поразился:

«Традиционно иностранцев принимали только в ресторанах либо в особых „домах приемов“, содержавшихся для этой цели. Советские руководители никогда не приглашали иностранцев домой. Дача Примакова была уютной, но не роскошной. Большинство высокопоставленных персон пользовались государственными дачами, но Примакову было явно удобнее и уютнее в собственном жилище, и он с гордостью показывал свой дом.

Хозяйкой дома была дочь Примакова. Рассматривая фотографии и семейные реликвии, мы вспомнили о личных горестях, обрушившихся на хозяина. Семья была дружной и сплоченной, и у Примакова еще не зарубцевалась психологическая травма, порожденная тяжкими утратами. Показывая нам фото покойной жены, он заметил, что, хотя после ее кончины минуло четыре года, у него нет абсолютно никакого желания снова жениться. Работа заменила ему все».

Примаков даже в детстве не занимался спортом и не отличался богатырским здоровьем.

— Работая в институте, я унаследовал огромный письменный стол Примакова, — вспоминал сотрудник ИМЭМО Владимир Размеров. — Ему отвели кабинет с новой мебелью. А его старый стол достался мне. Я с ужасом обнаружил, что один из ящиков был полон лекарств. Он, бедный, глотал всякие таблетки. Но он держится. Знаете на чем? Я увидел это в совместных поездках. Он, как Черчилль, может спать в любое время, пользуясь любой минуткой. Я думаю, этим он компенсирует свои болячки и перенапряжение.

Когда он был директором разведки, Евгений Максимович перенес операцию на щитовидной железе. Став министром иностранных дел — операцию на желчном пузыре. Но особых хвороб у него нет, он еще не отменил и не отложил ни одного дела по причине собственного нездоровья. Он каждое утро проплывает полкилометра в бассейне, соблюдает режим, и никто не смеет сказать, что он не справляется со своими обязанностями.

Томас Колесниченко:

— У него все наладилось. Рядом с ним очень хорошая женщина, новая жена. Мы, старые друзья Евгения Максимовича, ее очень полюбили, потому что она его любит и создает ему полноценную жизнь, заботится о нем.

Во второй раз Примаков женился на своем лечащем враче — Ирине Борисовне Бокаревой. Она работала в санатории Барвиха, который был самым комфортабельным и престижным в системе 4-го главного управления при министерстве здравоохранения СССР. Хотя санаториев и домов отдыха для начальства было много — от Рижского взморья до Сочи, от Курской области до Валдая, в советские времена все большие начальники предпочитали Барвиху.

Мягкий климат средней полосы, показанный практически при любом заболевании, близость Москвы, большие комнаты, хорошее диетическое питание и настоящая медицина — это привлекало отдыхающих даже не в сезон. Получить путевку в Барвиху было особой честью. Здесь отдыхали высшие начальники. Менее высоким чиновникам в путевке отказывали.

Если ехать по Рублевскому шоссе, то, не доезжая до дачного поселка Жуковка и правительственных дач, можно увидеть простой указатель: Барвиха. Надо развернуться и съехать с шоссе на красивую лесную дорогу. И скоро появится новый указатель «Санаторий Барвиха». Во время войны здесь был госпиталь. Тех, кому врачи не сумели помочь, похоронили рядом — военное кладбище сохранилось и по сей день.

У ворот каменный домик, из которого появится бравый дежурный. Если вы приехали отдыхать, то надо предъ-

явить путевку. Если в гости — то ваша фамилия или номер машины должны значиться в списке, представленном главным врачом. Если вас ждут, то ворота открываются, и можно въехать в санаторий. Дорога — со строгими указателями «Стоянка машин у корпуса запрещена!» — ведет к главному корпусу. Двери раскрываются автоматически. За столиком сидит дежурный. Отдыхающих встречают, как родных. Вещи на тележке везут до номера, чтобы, не дай бог, самому не таскать.

В санатории мало отдыхающих, которые друг друга почти не видят, зато множество невероятно вежливых людей в белых халатах. Здесь не раздражаются и ни в чем не отказывают отдыхающим. Каждого называют по имени-отчеству. Имена помнит не только лечащий врач, но и сестры, и подавальщицы в столовой, и нянечки, и те, кто разносит неходячим больным пищу в комнаты.

Каждому отдыхающему, если он приехал без жены, полагается уютный одноместный номер с небольшим предбанником и собственной туалетной комнатой. В комнате одежный шкаф, телевизор, холодильник, письменный стол, журнальный столик, телевизор и телефон с московским номером. Семейные номера побольше. Обязательно горка с посудой и электрический самовар. В советские времена каждого бесплатно снабжали бельем, спортивными костюмами и кедами. Нравы в санатории либеральные. Можно держать в своем холодильнике вино и водку и попросить дежурную сестру принести штопор. Хотя это и санаторий, но никто не удивится.

Санаторий состоит из нескольких корпусов, соединенных ходами или зимним садом. Архитектура затейливая. Живут на первом и втором этажах, на третьем административные кабинеты, кинозал — кино каждый вечер. Когда-то это было главным вечерним развлечением. Врачебные кабинеты раскиданы по разным этажам. В каждом номере маленький балкончик, в том числе и на первом этаже.

В столовой шведский стол — овощи, зелень, а остальное по заказу из меню. В санатории свое птичье хозяйство. Можно получить разгрузочное питание — его носят в номер, чтобы желающий похудеть не ходил сам в столовую и не смотрел с завистью, что едят другие.

Летом катаются на велосипеде, играют в пинг-понг, купаются в пруду. Но велосипед и лодка — только по назначению врача. Помимо лодочника дежурит сестра — вдруг кому-то из отдыхающих станет плохо. Построили красивый чайный домик, там на свежем воздухе пьют чай — с медом, с вареньем, с конфетами.

Желающие ходят в бассейн и сауну. Но в основном в Барвихе лечатся. Через полчаса после прибытия отдыхающего в его номере появляется лечащий врач. Он, или чаще — она, будет приходить каждый день, кроме выходных (когда остается только дежурный врач), в удобное время между завтраком и обедом. Всем назначают много процедур — так что до обеда все заняты. Санаторий славится физиотерапией: магнитотерапия, электрофорез, токи Бернара, гидропроцедуры, вихревые ванны, гидромассаж, углекислые ванны, да и обычный массаж замечательный.

Врачи живут в доме для персонала — рядом с территорией санатория. Часа в четыре дня лечащие врачи собираются домой. Но прежде врач заглядывает к больному:

— Нет ли проблем? Не нужна ли я вам больше сегодня?

Только после этого она может уйти. Врачей всегда старались подбирать знающих, умелых, любезных, способных сделать жизнь отдыхающего приятной. Одним из лечащих врачей в перестроечные времена в Барвихе была Ирина Борисовна Бокарева. Молодая женщина, она с семьей приехала из Ставрополя, где закончила медицинский институт, — землячка Горбачева, о чем тогда рассказывала не без гордости. Ее муж — высокий человек, несколько замкнутый, с пшеничными усами — тоже работал в Барвихе врачом. Дочка училась в школе, на лето ее отправляли к бабушке с дедушкой.

На Ирину Борисовну сразу обратили внимание: милая женщина, улыбчивая. Для всех у нее находится доброе слово. Каждый человек, разговаривая с ней, чувствует, как она ему симпатизирует. Она приходила утром к своим пациентам в прекрасном настроении и этим настроением заражала пациентов: доброе утро, как вы спали? И спрашивала искренне, участливо. Запоминала все просьбы и пожелания отдыхающих. Говорила не о себе, а о больных, что не так уж часто бывает среди врачей. Пишу об этом со знанием дела — в конце восьмидесятых в санатории отдыхали мои родители, Ирина Борисовна была у них лечащим врачом, и они остались очень довольны.

Ирину Борисовну любили отдыхающие, ценил обслуживающий персонал и, видимо, начальство, потому что она получила большое повышение. Ее поставили заведовать отделением для высшего руководства. Когда в Барвихе отдыхал Примаков, Ирина Борисовна сама им занималась. В 1989 году Евгений Максимовича избрали кандидатом в члены политбюро ЦК КПСС. Отныне ему полагался личный врач, который занимался только им, постоянно наблюдал пациента и в случае необходимости призывал на помощь любых специалистов.

Спецполиклиника находилась на улице Грановского в старом трехэтажном здании, принадлежавшем 4-му главному управлению при министерстве здравоохранения СССР. На втором этаже принимали членов и кандидатов в члены ЦК КПСС, членов Центральной ревизионной комиссии. На первом этаже — самых больших начальников страны: членов и кандидатов в члены политбюро, секретарей ЦК.

Примаков сам выбрал себе личного врача. Ирина Борисовна много позже рассказала об этом в газетном интервью. Примаков позвонил ей:

— Ирина Борисовна, мне в моем нынешнем положении полагается личный врач. Не хотите им стать?

Она ответила молниеносно:

— Да.

Это был, несомненно, счастливый случай.

После смерти Лауры Примаков долго не женился и даже не думал об этом. Но Ирина Борисовна оказалась именно той женщиной, которая ему нужна. Отношения между ними развивались несколько лет.

— Евгения Максимовича, — рассказывала Ирина Борисовна, — останавливала большая, как ему тогда представлялось, разница в возрасте. Меня же пугало, что его родным, друзьям может прийти в голову мысль: не человек мне нужен, а то, что за этим человеком стоит. Положение, должность...

После августовского путча 1991 года институт личных врачей упразднили. Отношения между ними приобрели чисто личный характер.

Ирина Борисовна:

— Когда надо было возвращаться домой, я обычно вздыхала: «Как не хочется уходить». В одну из таких минут он сказал: «И не надо. Остайся навсегда». Вот так и выглядело предложение, которое Евгений Максимович мне сделал за два года до свадьбы.

Они поженились, и у Примакова, можно сказать, открылось второе дыхание. Не будь рядом с ним такого человека, едва ли бы он справился с теми испытаниями, через которые ему предстояло пройти в конце девяностых.

Компенсацией всех горестей было обилие преданных друзей, окружающих Примакова. У него множество товарищей и здесь, и на Кавказе. Он любит друзей, друзья любят его. Это стиль такой кавказский, тбилисский.

Виталий Игнатенко:

— Его мужественное поведение — наверное, это закладка с детства, он в тяжелое время вырос, да еще и без отца. Но были верные друзья. И они всегда были монолитны, у него был хороший тыл. Ничего не могло случиться. Он всегда мог вернуться к прекрасным товарищам. Везде его всегда ждали и сейчас ждут. Это очень важно чувствовать, что за тобой товарищи, которым все равно — кто ты,

где ты, на какой машине ты едешь, есть ли вообще у тебя эта машина. Это придает жизненную силу...

На экранах телевизоров Примаков часто представлялся мрачноватым, казалось, он постоянно недоволен. Когда он стал министром иностранных дел, то первое время появлялся на публике в непроницаемых темных очках. Это производило не очень приятное впечатление. И я, помню, написал полосный материал в «Известиях» о Примакове под заголовком «Темные очки мешают увидеть истинное лицо министра». Видимо, кто-то еще ему сказал об этом, и он вскоре очки сменил, чтобы можно было видеть его глаза.

Его друзья в один голос говорят, что в жизни он совершенно другой человек.

В день, когда Примакова утверждали в Государственной Думе на пост премьер-министра и он выступал перед депутатами со словами «я не фокусник», его друга Валентина Зорина увезли в больницу с подозрением на перитонит. Вечером, узнав об этом от жены, глава правительства Примаков приехал в больницу, чтобы навестить товарища.

Когда на перекрестке Рублевского и Успенского шоссе открылось новое здание научно-исследовательского института кардиохирургии имени В. И. Бураковского, глава правительства, отложив другие дела, побывал на открытии и сказал несколько теплых слов. Телекамеры показали лицо Примакова, который печально смотрел на бюст своего покойного друга, чьим именем назван институт. Примаков сыграл не последнюю роль в том, что эта стройка, которая началась еще при жизни Бураковского, завершилась.

Когда академик Александр Яковлев отмечал свое семидесятипятилетие, Примаков, разумеется, приехал. Все ушли, оставили их вдвоем поговорить за накрытым столом. Примакову предстояли трудные переговоры с директором-распорядителем Международного валютного фонда Мишелем Камдессю. Это не помешало Примакову произнести несколько тостов и выпить за здоровье юбиляра

энное число рюмок водки — без ущерба для сложных отношений России с Международным валютным фондом.

25 декабря 1998 года, на следующий день после того, как Государственная Дума в первом чтении утвердила проект представленного ей правительством бюджета, Примаков в девять утра приехал в здание «Известий» на Тверской, чтобы поздравить Станислава Кондрашова с семидесятилетием. Попил с ним чаю, посидел часок и только после этого поехал в правительство, где его ждала встреча с президентом Белоруссии Александром Лукашенко.

Если он кому-то поверил, сложились дружеские отношения, тут хоть что — даже если человека снимут с должности, с грязью смешают — Примаков к нему все равно не изменится. Он продолжает созваниваться с этим человеком, встречаться. Один из политиков, чье имя не так давно гремело, а теперь почти забыто, лишенный должностей и, кажется, вообще работы, говорит о Примакове:

— Я оценил, какой он хороший товарищ. Когда он бывает в наших краях, то заходит и ко мне. Это всегда приятные встречи. Примаков — широких взглядов человек. Чужое мнение принимает и уважает — так мне, во всяком случае, кажется. Веселый, искренний, жизнерадостный человек. С ним легко.

Дружить по-примаковски означает не только троекратно лобызаться и поднимать рюмки за здоровье друг друга. Он бережно хранит память об ушедших. Обычно люди в жизненной суматохе теряются. А он — нет. Он всегда остается близок с семьями тех, кто ушел. Для него это очень важно.

Маргарита Максимова, вдова академика Иноземцева:

— Моя внучка буквально погибала. В больнице, где она лежала, не оказалось нужного детского врача, а надо было срочно откачать гной. И ее никак не могли перевести в детскую клинику. Я не выдержала и позвонила с просьбой о помощи помощнику Примакова Роберту Вартановичу Маркарян. Евгений Максимович был тогда в Верховном Совете и возглавлял Совет Союза. Через пятнадцать

минут больница получила указание немедленно связаться с детской клиникой, ребенка отправили, выкачали гной и спасли. Я благодарна ему по гроб жизни.

Евгений Максимович сохранил всех своих друзей, в том числе еще со школьных времен. И какую бы должность он ни занимал, это ничего не меняет в его отношении к друзьям. Он прошел с ними по жизни, ничего не растеряв.

Леон Оников говорил:

— У нас есть свой кодекс дружбы. В дружбе не имеет значения ни нация, ни религия. Возраст надо почитать — больше ничего. Вот это все Примаков впитал с детства.

Повсюду, где он был, он заводил дружбу с людьми, крепкую, надолго. С Робертом Маркаряном они подружились с тех пор, как Примаков был директором Института востоковедения. В ИМЭМО его другом стал Григорий Морозов, бывший муж Светланы Аллилуевой. На радио — Валентин Зорин. В «Правде» — Томас Колесниченко.

— Один человек долдонит, что политика и дружба несовместимы, — говорил Оников. — Я ответил ему: брось политику, несчастный, займись дружбой! У нас могут быть разные взгляды, свои симпатии и антипатии, но дружбе они не помеха.

Сердечность своего отношения к друзьям Примаков словно переносит и на всех остальных. Когда он стал начальником разведки, министром, главой правительства, в окружении Примакова с изумлением отмечали его очевидные промахи в кадровых делах, неправильные назначения.

Первая жена Примакова Лаура Васильевна очень беспокоилась, что Евгений Максимович плохо разбирается в людях, излишне доверчив. Они всех любили, у них было множество приятелей. Они приходили к ним домой, но ей не все нравились. Кто-то совсем не нравился. Лаура считала, что Евгений Максимович не способен распознать в людях дурное, и очень беспокоилась, что это может ему повредить.

Ошибки у всех случаются. Но его помощники действительно иной раз изумлялись: и этого человека он назначил на такую важную должность? Как это могло случиться?

Татьяна Самолис работала с Примаковым в Службе внешней разведки:

— Он парадоксально сочетает в себе государственный ум и душу наивного ребенка. Мне иногда казалось, что я старше его бог знает на сколько лет. Он поразительно наивен в отношении людей... Он исходит из презумпции порядочности любого человека — так бы я это определила. Людей можно условно поделить на две категории — одни оценивают человека исходя из того, что каждый хорош, пока не станет очевидным, что он плох, а другие полагают, что каждый плох, пока он не докажет, что хорош. Вот для Примакова абсолютно все хорошие. Все мои товарищи, умные, гениальные, замечательные. Но вот потом что-то накапливается — одно, другое. Он долго скрипит. Ему не хочется вслух произнести, что не так уж хорош этот человек. Но потом смирится, что надо расставаться... Но уж чтобы он на кого-то так сильно осерчал, чтобы не захотел о нем говорить, — это редкий случай! ...Мне приходилось бывать с ним в ситуациях, где собирался узкий круг людей, которым он доверял и, видимо, говорил то, что думает, — за исключением каких-то невероятных государственных тайн, — вспоминает Татьяна Самолис. — Но никогда не говорил плохого о тех, кто о нем отзывался, мягко говоря, неодобрительно... Когда его в чем-то обвиняли, он так всегда расстраивался, руками разводил. Он понимал, что может быть расхождение во взглядах. Безусловно. Но почему вокруг закручивается столько грязи, оскорблений — этого он не понимал.

— Примаков такой опытный администратор. Он постоянно сталкивался с серьезными конфликтами, и вы хотите сказать, что ему было странно, что кто-то занимается интригами? — спросил я Татьяну Самолис.

— Нет, конечно, теоретически он об этом знал. И практически знал — у него, может быть, тысяча была конфлик-

тов на работе. Но у него все равно оставалась наивная вера в то, что все люди неплохие. И любая моя попытка его образумить ему очень не нравилась. Пока он уже сам не убеждался в том, что был неправ в отношении того или иного человека. Вот для меня это парадокс. Сочетание такого жизненного опыта и наивности в отношении людей... И в любых ситуациях — когда вокруг него клокотали какие-то интриги и бог знает что еще, и люди в этом купались, — у него такая наивность сохранялась. Когда он говорит о людях, он расплывается в улыбке. Для него удовольствие произнести имя его друга, а у него их невероятное количество. Да я бы от этого уставала, я бы физически не могла с ними со всеми общаться. А потом, я бы не могла любить так много людей. Я бы ограничилась узким кругом друзей. Он — нет, он может всех любить. Ему нужно время от времени их всех ощущать, трогать, разговаривать, встречаться.

— Так что же, он не в силах расстаться с негодным работником?

— Это зависит от того, чем этот человек его от себя оттолкнул, — считает Татьяна Самолис. — Это может произойти очень быстро — если человек такая помеха делу, что каждый день, проведенный им на важном посту, опасен. Он быстро его уберет. Примаков может быть жестким. Он вполне на это способен. Он знает, чего он хочет, к чему идет. Иначе у него и жизнь была бы другая. Но он вполне способен работать с человеком, который ему лично неприятен. Скажем, Примаков в ком-то заметил какие-то недостатки, но считает хорошим профессионалом. Такого человека Примаков будет терпеть. И мало того — создаст вокруг него хорошую рабочую обстановку, не позволит другим играть на этих недостатках и настраивать себя против этого человека. Принцип простой — раз он нам нужен, дело делает хорошо — все, ребята, прекращаем пустые разговоры.

Казалось, что Примаков нерешительный человек. Это так?

— Ну, это заблуждение, — говорит Виталий Игнатенко. — Он очень решительный человек и очень волевой в проведении своей идеи, политики. Когда он стал главой правительства, это, наверное, почувствовали и в глобальном, геополитическом масштабе. Можно сказать, что по словам он мягкий — не повышает голоса. Но он исключительно решительный и принципиальный человек. В этом его сила.

— Вы никогда не видели его грустным, тоскливым?

— Никогда, — твердо говорит Игнатенко. — Он, может быть, конечно, как и всякий человек, подвержен сомнениям, грусти, печали — у него для грусти и печали есть много поводов в жизни. Но на людях он всегда оптимистичен, рядом с ним чувствуешь любую свою неудачу такой маленькой. Это черта его характера — уверенность в том, что все можно преодолеть, переломить. Эта черта характера, думаю, помогает ему во всей его работе, в любых начинаниях. И я уверен, что и в нынешней его работе она ему поможет.

Леон Оников:

— Чаще всего мы собирались у Володи Бураковского, пока он был жив. Два-три раза в неделю созванивались вечером, встречались у него в институте. Выпивали. И в длинной ванночке, в которой когда-то дезинфицировались шприцы, варились сосиски. Всегда собирались, когда приезжал кто-нибудь из Тбилиси. А они часто приезжали — его школьные друзья. Многие у него дома останавливались. Если к нему кто-то приезжал, меня звали. Если ко мне приезжали, я его звал. Говорили о друзьях, о верности, о ценностях, кто друг, кому надо помочь, кто негодяй. Или шутили, рассказывали анекдоты.

Примаков большой любитель анекдотов. Вот один из его любимых анекдотов.

Встречаются два старика. Один говорит:

— Беда со мной! Полностью потерял память. Все забыл, что знал.

Второй его успокаивает:

— Да не бойся ты. У меня было то же самое. Но мне прислали пилюли из Америки, и теперь все в порядке.

Первый:

— Слава богу. А как пилюли называются?

Второй задумался:

— Знаешь, есть такие цветы, высокий стебель, заканчивается белым или красным цветком... Как они называются?

— Гвоздики.

— Нет, не гвоздики. На стебле колючки...

— Розы, что ли?

— Точно, роза!

Он поворачивает голову и кричит в сторону кухни:

— Роза, Роза, как называются таблетки, которые мне полностью восстановили память?

Леон Оников:

— Для нас застолье — это времяпрепровождение, это беседы. Мы не глушим себя крепкими напитками. Кавказские застолье — это не выпивка: быстро разлили, давай-давай, будем-будем и все. Кавказские тосты — взаимное общение. Разговоры у нас были застольные, но не стандартно-застольные, как в Москве. Никого не хочу обидеть, но кавказское застолье имеет свои принципы, свои цели. В молодости мы пили только вина. Когда он сменил вкусы, я не уследил. Но теперь рядом с ним ставят именно водку. Даже если стоит множество разных напитков — коньяк, виски, водка, вино, он предпочитает водку. Пьяным, когда голову теряют, я его никогда не видел.

У нас культ тостов. Тамада он очень хороший, но когда мы бывали вместе, то обычно я тамада. И он, когда хочет произнести тост, обязательно на меня оглядывается. Что важно в тосте? Во-первых, изюминка — не просто «за здоровье такого-то», надо что-то придумать оригинальное. Он умеет. Во-вторых, искренность. В-третьих, доброжелательность. И немногословность. Болтливость не годится. Тосты есть изысканные, есть обязательные. Вот,

например, тост: выпьем за здоровье тех, кто пьет за наше здоровье в наше отсутствие.

— За российским столом считается, что каждый должен сказать, — рассказывал Леон Оников. — Если кому-то не дают слова, он обижается. У нас на Кавказе наоборот. Говорит только тамада, и обижается тот, за кого не выпили. Переняли в Москве выражение «алаверды». В порядке алаверды... И что теперь? Я пью за твое здоровье, а он в порядке «алаверды» пьет за мое. Так нельзя. Один тост за одного человека — так положено...

По словам друзей Примакова, рыбалка его не увлекала, страсти к игре у него никогда не было. Нарды, карты, шашки, шахматы — это не для него. Отдыхал Примаков на юге. Он любит море. Все-таки чуть было не стал морским офицером.

Я сделал это отступление, рассказал о личной жизни Евгения Максимовича, совершенно сознательно, чтобы понятнее были мотивы его поступков и решений.

ПОЧЕМУ ОН НЕ СТАЛ ПРЕЗИДЕНТОМ?

За поведением Примакова в 1999 году многие следили с затаенным интересом, понимая, что он может сильно помочь избирательному блоку, к которому присоединится, и сильно помешать другим кандидатам в президенты, если бы решился участвовать в президентских выборах. Первым ему предложил союз московский мэр Лужков.

Юрий Михайлович сам подумывал об участии в президентских выборах, но колебался, реально оценивая свои шансы. Тем не менее в 1999 году он создал свое движение «Отечество». Когда Примакова отправили в отставку, Лужков сразу заговорил, что Евгений Максимович очень близок к «Отечеству». Союз Лужкова и Примакова казался очень сильным. Но Евгений Максимович не хотел быть чисто московским кандидатом.

Тогда группа влиятельных губернаторов, создав свою организацию «Вся Россия», предложила Лужкову союз с тем, чтобы общий избирательный список возглавил Примаков. «Вся Россия» — это прежде всего президент Татарстана Минтимер Шаймиев, губернатор Санкт-Петербурга Владимир Яковлев и президент Ингушетии Руслан Аушев. Все трое воспринимались как сильные региональные лидеры, на которых ориентируются другие губернаторы. К блоку присоединилась часть расколовшейся Аграрной партии во главе с Михаилом Лапшиным и бывшим вице-премьером Куликом. Получилась внушительная предвыборная сила.

Местные начальники по всей стране охотно строились под примаковские знамена, считая, что формируется новая партия власти, а в таких случаях главное — не опоздать. Ельцина к тому времени списали окончательно.

но, считая, что он тяжело болен, ни на что не способен и уже никому не опасен. Говорили, что у Ельцина серьезные проблемы с сосудами головного мозга, что иногда во время беседы он вдруг выключается, теряет нить разговора и потом не может вспомнить, о чем говорил. В обществе были уверены, что его политическая карьера закончилась и ему пора уходить.

Лидер коммунистов Геннадий Зюганов уверенно заявлял:

— Режим уже изжил себя окончательно. Он агонизирует. Ельцин уже не может управлять по-старому, а по-новому он не умеет. В ближайшее время «семья» его изолирует, чтобы он не мешал. Администрация президента растерянна, ослаблена, она не имеет авторитета. Время либералов ушло, народ их ненавидит...

Кто-то, правда, вспоминал, что прежде Борис Николаевич был хорош именно в критических ситуациях, когда его зажимали в угол. Но его взлеты и победы, казалось, остались в прошлом. Он не в состоянии был целый день высидеть в Кремле и все больше времени проводил в загородной резиденции. Его появление на телеэкране производило странное и жалкое впечатление.

Он казался далеким не только от народа, но и от собственного правительства. Многие министры видели его только по телевидению. Он замкнулся в узком окружении, где главную скрипку играли его дочь Татьяна Дьяченко и журналист Валентин Юмашев. Пошли разговоры, что за него все делает окружение. И, не спрашивая президента, выпускает указы с помощью резиновой печатки с факсимиле подписи Ельцина, которая хранится в сейфе заведующего канцелярией президента России...

Как только президент замкнулся в узком кругу особо близких и доверенных лиц, сложилось впечатление, что эти люди и принимают все ключевые решения в стране. Летом 1999 года общество было убеждено, что вся власть сосредоточилась в руках этих людей. Со страниц газет не сходил термин «семья», потому что часть этого доверен-

ного круга была связана с президентом не только служебными, но и родственными отношениями. Самовластие «семьи» особенно наглядно проявилось летом 1999 года, в период короткого премьерства Степашина, когда он не в состоянии был назначить ни одного министра против воли администрации. Это очень настроило людей против Ельцина и его окружения. И практически одновременно в мировой прессе появились сообщения о том, что в различных иностранных банках обнаружены личные счета Ельцина, его дочерей, зятьев и ближайших к президенту чиновников.

Эти сообщения — особенно в отношении Ельцина — вызывали большие сомнения. Президентская пресс-служба опровергала эти обвинения, заявляла, что президент, его жена и их дети никогда не открывали счета в зарубежных банках. Борис Николаевич привык к тому, что все заботы о его жизни несет на себе государство. Ему никогда не надо было думать о деньгах, он сам ни за что не расплачивался. Для этого существовала Служба безопасности и управление делами.

Чаще других в западной прессе мелькало имя управляющего делами президента Павла Бородина, которым занялась прокуратура Швейцарии — он нанимал швейцарские фирмы для строительных работ в Москве. Швейцарские прокуроры считали, что и сам Бородин, и привлеченные им фирмы немало нажились на ремонте Кремля.

Коррупция в Кремле стала одной из главных тем предвыборной кампании 1999 года.

Лужковское «Отечество» подхватило эти сообщения и строило свою предвыборную программу на прямых обвинениях президентской «семьи» в коррупции и на том, что самозванцы (руководителей администрации никто не выбирал) засели в Кремле и пытаются командовать правительством и всей страной. Это была очевидная, но не очень удачная идея. Впоследствии ее сочтут главной предвыборной ошибкой Примакова и Лужкова.

«Семья» восприняла разговоры о кремлевских махинациях как личную угрозу. Тем более что один из руководителей предвыборного штаба «Отечества» крайне неблагоразумно напомнил о судьбе семьи румынского вождя Чаушеску, сметенного волной народного гнева. Это прозвучало достаточно зловеще, потому что Николае и Елена Чаушеску были расстреляны без суда и следствия, а их сына посадили на скамью подсудимых...

Многие влиятельные и очень богатые люди решили, что приход к власти Лужкова и Примакова для них смертельно опасен. Юрий Михайлович призывал проверить, насколько честно была проведена в стране приватизация, и расторгнуть незаконные сделки. Евгений Максимович требовал расследовать сомнительный бизнес олигархов. Еще в роли премьер-министра он многозначительно сказал, что ожидаемая амнистия позволит освободить в тюрьмах и лагерях места для экономических преступников.

Большая группа стоящих у власти и распоряжающихся большими деньгами людей считала, что победа Примакова и Лужкова может стоить им не только власти и положения, но и свободы. Поэтому они, зажатые в угол, дрались отчаянно. Тогда, в начале осени 1999 года, объединились разные силы — администрация президента и некоторые олигархи; их интересы совпали: во что бы то ни стало не допустить победы Примакова и Лужкова. Стратегия была разработана такая: во-первых, разрушить репутацию обоих политиков в глазах общественного мнения, во-вторых, сформировать новую политическую партию, способную составить конкуренцию предвыборному блоку «Отечество — Вся Россия».

Кремль с его административным ресурсом быстро перешел в контратаку. Ответ был симметричный. Поскольку жена московского мэра Елена Батурина занимается бизнесом, то принялись за нее. Московские прокуроры и чекисты, надо понимать, к этому не захотели иметь отношения. Нашли более исполнительных людей во Владимире, где Елена Батурина имела свои деловые интересы.

По указанию владимирского прокурора сотрудники областного управления Федеральной службы безопасности, расследуя дело о незаконном переводе денег за границу, занялись и компанией «Интеко», которую возглавляла жена московского мэра. В офис компании явились чекисты, забрали документы. Об этом рассказали по телевидению: жена Лужкова подозревается в незаконном вывозе денег за границу!.. Чем же в таком случае семья Лужкова лучше семьи Ельцина?

Разразился скандал. Юрий Лужков оказался не готов к обвинениям против его жены. Он стал возмущаться, оправдываться, объясняться, и это еще больше повредило ему в общественном мнении.

В начале сентября политическое пространство нашей страны превратилось в поле боя. Рвались снаряды и авиабомбы и орудовали снайперы. Соперники уже ощутили вкус политической крови, и на глазах пораженной, а может быть, и довольной публики они рвали друг друга на куски.

Теоретически в ходе кампании мы должны были услышать, что именно предлагают кандидаты, с какой политической и экономической программой они собираются войти в Государственную Думу, что могут для нас сделать. Но вот об этом решительно никто не вспоминал и даже не спрашивал кандидатов! Избирательная кампания превратилась в натравливание общественного мнения на тех или иных лиц. Юрия Лужкова пытались просто уничтожить. Для телекомпании ОРТ (Первый канал) он превратился в главную мишень. Ему предъявлялись самые фантастические обвинения. Московский мэр неизменно подавал в суд и выигрывал процессы. Но это не имело никакого значения. На телеэкране его продолжали смешивать с грязью. Даже те, кто возмущался такими методами, смотрели эти передачи. Эта пропагандистская кампания нанесла невероятный урон Лужкову. Из солидного и уважаемого хозяйственника он превратился в предмет насмешек.

Лужков меньше других был готов к тому, что на него выльют такие ушаты грязи. Пока его политические интересы не выходили за пределы Москвы, его в основном хвалили. Он привык к комплиментам. Похоже, он даже не подозревал, что настоящая политическая борьба — это драка без правил. В последние дни перед выборами 19 декабря 1999 года Юрий Михайлович выглядел неважно. Ему эта предвыборная кампания дорого обошлась.

Ошибка Лужкова состояла в том, что он с самого начала занял неверную позицию: реагировал на каждый выпад телевидения. Получилось, что крупный политик Лужков ведет борьбу не с другими политиками, не со своими соперниками, а всего-навсего с телевизионным журналистом.

Досталось и Примакову. В успех его партии на думских выборах верили не только друзья Примакова, а многие были уверены, что следующим шагом станет избрание его президентом России. Поэтому он попал под прицельный огонь пропагандистских орудий крупного калибра.

Говорили, что Примаков так и не оправился после операции, что его ждет следующая операция и закончится все это инвалидностью. Как можно голосовать за инвалида, который не сможет исполнять свои обязанности? При этом на экране телевизора возникали лужи крови, которые должны были вызывать определенные ассоциации.

В те дни, когда стране рассказывали, что Примаков с трудом передвигается, я наблюдал Евгения Максимовича в неформальной обстановке. Он пребывал в прекрасном настроении, за столом ни в чем себе не отказывал, а после застолья пел и пританцовывал. Но это видели человек двадцать, страна же верила телевидению.

Примаков так и не сумел наладить отношения с прессой и телевидением и многих журналистов настроил против себя. Тем не менее не стоит говорить, что выборы в Государственную Думу в декабре 1999 года выиграло телевидение. Юрий Лужков был переизбран мэром Москвы абсолютным большинством голосов. А вот за политиче-

ский блок «Отечество — Вся Россия», в котором он играл ключевую роль, проголосовало значительно меньше людей, чем ожидалось, — всего тринадцать процентов избирателей.

В чем причина поражения на выборах в Государственную Думу блока «Отечество — Вся Россия», который в начале коалиции казался очевидным фаворитом? Ответов много.

Главный предвыборный лозунг ОВР: избавиться от Ельцина в Кремле — уже устарел к моменту выборов. Никто и не сомневался в том, что Борис Николаевич вскоре уйдет. А вот кто и что будет после него? Жесткие атаки на Ельцина и «семью», обвинения в коррупции били мимо главного соперника Примакова — нового в политике человека Владимира Путина и его блока «Единство».

От политиков ждали не жесткой критики, а позитивной программы действий. А ее внезапно стал олицетворять новый премьер-министр Владимир Путин. Молодой и динамичный премьер выгодно смотрелся и на фоне семидесятилетнего Примакова. Опрос общественного мнения в декабре 1999 года показал, что на будущих президентских выборах за Путина готовы голосовать пятьдесят два процента избирателей, за Примакова — только двенадцать.

В Вашингтон прилетел Валентин Юмашев. Он рекламировал Путина как современную альтернативу Примакову, который так и не отказался от своего советского менталитета.

— Примаков, — доверительно говорил Юмашев заместителю государственного секретаря Соединенных Штатов Строби Тэлботту, — будучи премьер-министром, использовал спецслужбы для запугивания своих политических противников, а вот Путин обуздает спецслужбы и позаботится о том, чтобы они превратились в законопослушные ведомства демократического государства...

Решительность и твердость Путина в новой чеченской кампании более всего принесли ему симпатии. Недаром тогдашний министр внутренних дел Владимир Бори-

сович Рушайло, прилетев в Чечню, поднял тост за Путина и сказал, что военная победа в Чечне будет вкладом в предвыборную кампанию Владимира Владимировича.

Вторая война в Чечне была воспринята как свидетельство восстановления былой мощи государства и единения общества, хотя бы на почве противостояния общему врагу. Это привело к неожиданному эффекту: социологи зафиксировали ожидание позитивных перемен в стране.

Предвыборный блок «Единство» был создан для того, чтобы помешать Примакову победить на выборах и создать базу поддержки Путину. Блок «Отечество — Вся Россия» обогнал «Единство» только там, где местные лидеры твердо поддержали Примакова и Лужкова. Например, в Татарстане за ОВР проголосовало сорок с лишним процентов избирателей (за «Единство» всего шестнадцать), в Башкирии — тридцать пять (за «Единство» четырнадцать).

Выборы декабря 1999 года дали Борису Ельцину повод покинуть Кремль.

31 января Ельцин подписал указ № 1761:

«1. В соответствии с частью 2 статьи 92 Конституции Российской Федерации прекращаю с 12 часов 00 минут 31 декабря 1999 г. исполнение полномочий Президента Российской Федерации.

2. В соответствии с частью 3 статьи 92 Конституции Российской Федерации полномочия Президента Российской Федерации временно исполняет Председатель Правительства Российской Федерации с 12 часов 00 минут 31 декабря 1999 г.

3. Настоящий указ вступает в силу с момента его подписания».

Это был последний указ президента Ельцина. Владимир Владимирович Путин подписал следующий по номеру указ — первый в своей жизни:

«В связи с отставкой Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина приступил в соответствии со статьей 92 Конституции Российской Федерации к временному исполнению полномочий Президента Российской Федерации с 12 часов 00 минут 31 декабря 1999 г.».

Вскоре к ним присоединился Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Своим присутствием он как бы осветил церемонию передачи власти. Волнующая всех передача «ядерного чемоданчика» прошла самым простым образом. Дежурный офицер-оператор, обладатель переносного терминала «Чегет», обеспечивающего постоянный доступ президента к закрытой системе связи «Казбек», стал теперь сопровождать не Ельцина, а Путина. Эта система связи дает возможность в любой точке и в любой момент устроить совещание между президентом, министром обороны и начальником генерального штаба и — в случае необходимости — принять решение о нанесении ядерного удара.

12 января 2000 года инициативная группа трудящихся выдвинула Владимира Путина кандидатом в президенты Российской Федерации. Состав инициативной группы произвел впечатление: политики широкого спектра — от Александра Руцкого до Анатолия Чубайса и деятели культуры — от Марка Захарова до Михаила Боярского. Самые заметные люди в стране спешили выразить свою поддержку Владимиру Путину и заявить, что лучшего президента они себе и представить не могут.

Примаков не участвовал в президентских выборах.

За день до голосования в Государственную Думу, 17 декабря 1999 года, он специально появился на телеэкранах, чтобы заявить о своем твердом намерении баллотироваться в президенты. Нужды в этом не было, но Евгений Максимович желал подчеркнуть свою решимость идти до конца и добиваться победы. Но результаты думского голосования были разочаровывающими.

Он объяснял, что его слова накануне парламентских выборов в декабре 1999 года были навязаны ему советниками. Они доказывали, что это надо обязательно сделать, это прибавит голосов блоку «Отечество — Вся Россия».

Потом будут задавать вопросы: почему Примаков совершил так много ошибок в предвыборную кампанию? Почему организаторы и планировщики кампании позво-

лили ему втянуться в прямую полемику с тележурналистом Сергеем Доренко, хотя это не его уровень, критиковать чеченскую войну, хотя ясно было, что избирателю это не понравится?

Примаков говорил, что избирательная кампания была плохо организована, что ему давали плохие советы, что сам он выступал лучше. Но все это скорее детали. В аппарате блока «Отечество — Вся Россия» недооценили подвижность массового сознания и были уверены в избрании Примакова. Взрывы в Москве изменили массовое сознание. Люди предъявили новые требования к власти и к первому человеку в стране, и идеально на месте оказался Путин. Кроме того, правящий класс, губернаторы, большие и малые чиновники уже переориентировались на нового хозяина.

Первоначально Евгений Максимович принял на себя обязанности лидера фракции «Отечество — Вся Россия» в новой Государственной Думе. Он оказался руководителем сравнительно небольшой фракции. И победители на каждом шагу, начиная с распределения мест в комитетах Думы, напоминали ему о неудаче на выборах.

Понимая реальную ситуацию в стране, Примаков 4 февраля 2000 года, выступая по телевидению, отказался участвовать в заведомо проигрышной президентской кампании:

— После 17 декабря 1999 года, когда я сказал о согласии на участие в президентской гонке, я получил поддержку, тысячи телеграмм и писем. Это меня должно было утвердить в положительном решении, однако во время выборов и в начале работы в Госдуме я почувствовал, как далеко наше общество от гражданского облика, от истинной демократии. Я не думаю, что положение может коренным образом измениться за несколько недель.

Чтобы противостоять Путину, Евгений Максимович должен был возглавить оппозицию — левую или правую, но он не принадлежал ни к той, ни к другой. Да и вообще не был он оппозиционером. Примаков уже в первой по-

ловине 2000 года хотел уйти из практической политики, говорил об этом близким. 3 сентября 2001 года Примаков ушел с поста руководителя фракции.

— Это не политический шаг, — говорил он журналистам. — Это ясно хотя бы потому, что я остаюсь во фракции. Почему же я уйду? Первая причина, главная — я считаю, что руководитель фракции должен быть обязательно представлен в высшем органе той партии, которая образует эту фракцию. «Отечество» становится партией, будет съезд. А я в партийном строительстве не участвую. В этих условиях я считаю, что на мое место должен прийти человек, который займет одно из руководящих мест в партии.

Решение Примакова для многих все равно оказалось неожиданностью. Но ведь когда два года назад он возглавил избирательную кампанию блока «Отечество — Вся Россия», то вовсе не собирался работать в Думе. Это же была избирательная кампания с прицелом на президентский пост. Тем более что именно работу в парламенте Примаков никогда не любил. Евгений Максимович, конечно, в частной жизни человек очень веселый, живой, остроумный, компанейский, но для публичного политика ему не хватает некоторой доли позерства, самоуверенности, самолюбования и склонности к витийству. Он, как я понимаю, считает, что красиво говорить надо за дружеским столом, когда тост поднимаешь, а не на рабочем месте. Кстати говоря, лучше всего — он много раз это повторял — ему работалось в Службе внешней разведки, подальше от телевизионных камер.

Думаю, что, когда стало ясно, что первоначальные планы — завоевать большинство голосов в Думе и баллотироваться в президенты — не удались, Примаков сразу хотел покинуть политическое поприще. Он остался, уступая просьбам и не желая выглядеть дезертиром. Он отбыл половину срока и заслужил право на условно-досрочное освобождение.

Я вообще был крайне удивлен тем, что Примаков вступил в политическую борьбу. Он совершенно к этому не расположен. Он довольно неохотно стал министром иностранных дел и с трудом согласился возглавить правительство. Он был первым премьер-министром, который действительно не хотел занимать эту должность. И то, что он потом все-таки втянулся в избирательную борьбу, я могу объяснить только тем, что его очень уговаривали. Да и он был крайне обижен и уязвлен в самое сердце тем, как с ним поступили, когда Ельцин и его окружение выбросили Примакова из правительства — после того, как он перестал быть нужным. И желание реваншироваться было.

«Если Евгений Максимович Примаков уходит из большой политики, то я крайне сожалею об этом, — эти слова я сказал тогда в прямом эфире телекомпании ТВЦ, где тогда работал. — Он один из тех немногих политиков, кому авторитет позволяет иметь собственную точку зрения, ее безбоязненно высказывать и отстаивать. Дума без Примакова станет более одинаковой и более послушной».

Так и произошло.

Предположения относительно его будущего строились самые разные. Говорили, что Путин поставит Примакова во главе Совета Федерации или вновь доверит ему правительство как человеку, обладающему бесценным опытом и значительным авторитетом. Мне эти предположения казались наивными. Несмотря на преувеличенно вежливое отношение к Примакову в Кремле, думаю, что там несказанно обрадовались его уходу из политики.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

30 октября 2004 года Евгений Максимович Примаков с размахом отмечал свой юбилей. Накануне ему исполнилось семьдесят пять лет. С большим опозданием, часа через полтора после начала торжества, приехал Владимир Владимирович Путин. Что появится президент, было ясно заранее — по обилию охраны в форме и в штатском вокруг здания, в подъезде и в самом зале ресторана.

Примакова предупредили, они с женой встали и пошли встречать главу государства. Путин появился с большой свитой. Сел на предусмотрительно оставленный ему стул между Примаковым и Ириной Борисовной. Появились многочисленные фото- и телеоператоры, запечатлели торжественный момент и исчезли. Растворилась и президентская свита.

За главный стол в центре зала усадили особо почетных гостей — министра иностранных дел Сергея Викторовича Лаврова, секретаря Совета безопасности Игоря Сергеевича Иванова, президента Академии наук Юрия Сергеевича Осипова, одного из давних друзей юбиляра — Александра Сергеевича Дзасохова, тогда еще президента Северной Осетии.

Речь Осипова ничем не выдавала того, что ее произносит глава академии наук России. Министр Лавров подарил Примакову шарманку, сделанную в Одессе и найденную в Тбилиси. Игорь Иванов говорил хорошо и, как всегда, замечательно улыбался.

Путин встал и прошел к микрофону. Он хорошо продуманными словами напомнил о служении Примакова отечеству, о его мужестве, мудрости, честности. Я записал несколько ключевых фраз:

— Евгений Максимович — один из самых уважаемых граждан. Ценный партнер и товарищ. Прямой: говорит то, что думает, а думает то, что основано на опыте и интуиции. Надеюсь, что и впредь смогу использовать опыт и интуицию Евгения Максимовича.

Президент преподнес подарок со смыслом: золоченый поднос — Александр Македонский разрубает Гордиев узел — в знак уважения к дипломатическим талантам Примакова.

Тогдашний директор Службы внешней разведки Сергей Николаевич Лебедев, еще один бывший подчиненный юбиляра, старавшийся улыбаться, вручил Примакову медаль ветерана СВР.

Евгений Максимович с гордостью произнес:

— Моя заслуга состоит в том, что министерство иностранных дел и Служба внешней разведки стали думать одинаково.

Сделал театральную паузу и добавил:

— Но не потому, что МИД восторжествовал.

Министр иностранных дел Лавров что-то сказал Примакову.

Евгений Максимович опять взял микрофон:

— Сергей Викторович меня поправил. Получается, что министерство иностранных дел — это сплошная Служба внешней разведки. Это не так. Среди прочего именно я отменил пригляд за дипломатами.

Оживившийся президент Путин — разговор пошел на близкую ему тему — схватил микрофон и радостно произнес:

— Даже Примаков совершает ошибки!

Примаков в тон подхватил:

— Так, я уже вижу, что надо следить за дипломатами.

На что сидевший рядом министр иностранных дел Лавров его громко успокоил:

— Не беспокойтесь, Евгений Максимович, следят!

Путин не торопился покинуть торжество, просидел демонстративно долго, много улыбался. Когда подходил

неугомонный Иосиф Кобзон и требовал вместе спеть музыкальную фразу, не отказывался. Кто-то в зале пошутил:

— Неважно, что у Владимира Владимировича нет музыкального голоса, зато у него есть голоса...

Гостей, по моим подсчетам, собралось несколько сотен человек. Поздравить Примакова пришли люди разных эпох, и правильно рассадить их мог только опытный человек, знакомый с искусством дипломатического протокола. Бывшие соратники Михаил Горбачев и Николай Рыжков, ныне предусмотрительно разведенные по разным столикам. Бывший первый заместитель главы правительства при Ельцине Олег Сосковец и бывший министр внутренних дел Виктор Ерин (он тоже был подчиненным Примакова в разведке). Второй человек в компартии Валентин Купцов и председатель Совета Федерации Сергей Миронов. Сергей Степашин, который много шутил и вполне прилично спел вместе с неутомимым Кобзоном.

В качестве символа счастливой советской эпохи присутствовали Александра Пахмутова и Николай Добронравов. Я далеко не всех гостей знал, но заметил знакомые лица. Бывшие заместители Примакова по министерству иностранных дел Александр Авдеев и Григорий Карасин. Генеральный директор ТАСС Виталий Игнатенко, неизменный Никита Михалков, помощник президента по международным делам Сергей Приходько и кинорежиссер Станислав Говорухин. Бывший заместитель Примакова по Службе внешней разведки Григорий Рапота с очаровательной женой Татьяной Самолис. Космонавты — прекрасно выглядевшая Валентина Терешкова, Алексей Леонов, Юрий Батурин, он же в прошлом помощник президента России. А также множество старых друзей, сослуживцев, журналистов...

Слушая поздравительные речи в адрес юбиляра, я вспоминал, что не так давно Евгений Максимович Примаков был самым популярным и влиятельным человеком в стране. В середине ноября девяносто восьмого года шестьдесят восемь процентов опрошенных одобрили идею

сделать Примакова вице-президентом, хотя и не было уже тогда такой должности. И почти сразу пошли разговоры о том, что Примаков должен баллотироваться в президенты на выборах 2000 года. Кому же, как не ему, возглавить страну? И сразу же вспыхнули красные огни стоп-сигнала. Кто-то страшно испугался Примакова-президента.

Конечно, не стоит считать Примакова мягкотелым или излишне уступчивым человеком. Вряд ли можно позавидовать тому, кто встанет к нему в прямую оппозицию. Некоторые говорят даже сильнее: Примакову нельзя становиться поперек дороги. У него железный характер. Но коварства и жестокости, тяги к диктаторству в его характере не было и нет. Его политика, стань он президентом, была бы твердой, но только в рамках конституции.

Кто-то испугался не за страну, а за себя лично. Кто-то в ближайшем окружении первого президента. Как договариваться с Примаковым, если он, чуть ли не единственный в политической элите, вообще не занимается бизнесом? Не имеет доли ни в одном предприятии, никому не оказывает услуги и никого не крышует? Не потому ли Примакова так быстро вытолкнули из политики?

Евгений Максимович не амбициозный и не напыщенный человек. Это люди не реализовавшиеся постоянно говорят о себе. А тот, у кого все получилось, ему-то зачем? Напротив, такие люди относятся к себе критически, с иронией и даже несерьезно. Есть качество, которое Примаков пронес через всю жизнь: любовь к друзьям и верность товариществу... Это сильно отличает Примакова от других политиков, которые повинуются неписанному правилу: друзья — это те, кто тебе нужен в данную минуту.

Он, конечно же, не идеальный человек, у него есть свои недостатки. Он всегда был счастлив в друзьях, но несчастлив в отношениях с прессой. Те, кто знает его близко, его любят. Те, кто наблюдает издали, в чем-то подозревают.

Его огромное достижение состоит в том, что, возглавив правительство после дефолта в 1998 году, он сумел успокоить страну, вернуть людям утерянное чувство надежности.

Ему приписывали много дурного. Примаковым пугали. Один человек из ельцинского окружения даже заявил, что при мысли об избрании Примакова президентом его охватывают ужас и стремление бежать из страны. Чем же их всех так напугал Евгений Максимович? Может быть, и в самом деле Примаков намеревался железной рукой навести в стране порядок? Он много лет руководил спецслужбой, и ходили слухи, что он всю жизнь в кадрах КГБ... Говорили, что Примаков, если станет президентом, возьмет под контроль телевидение, расправится с оппозиционной прессой, все должности займут чекисты и начнутся карательные процессы...

Сейчас очевидно, как нелепо было выставлять его в роли мрачного диктатора, одержимого властью, жестокого и мстительного! Евгений Максимович легко ушел из политики. Без обиды и гнева. Нисколько не сожалел о той должности, которую не занял. Сожалуют только те, кто считал его достойным высокой должности. И, думаю, еще те, кто тогда так отчаянно с ним боролся. Кажется, они сильно просчитались.

СОДЕРЖАНИЕ

«Я готов подписать этот указ»	5
Секретные миссии на Ближнем Востоке	10
Смена караула	30
А мог стать адмиралом!	61
Он знал всех арабских лидеров	77
Первый опыт тайной дипломатии	94
Дружеские объятия с Саддамом Хусейном	101
В лес и из леса	109
Кабинет № 2131	116
Приказано выжить	132
Сколько нужно агентуры?	160
Вербовочный подход	178
Из Ясенево на Смоленскую площадь	195
Хозяин Белого Дома	208
Отставка	225
Смерть сына и жены	249
Почему он не стал президентом?	270
Вместо послесловия	282

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Млечин Леонид Михайлович

ЕВГЕНИЙ ПРИМАКОВ

Человек, который спас разведку

Редактор *С.В. Чертопруд*
Художник *Б.Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 23.01.2018.

Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15, 12.

Тираж 1 500 экз. Заказ 7102

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-906995-80-3

9 785906 995803 >

Академик Евгений Примаков — одна из самых ярких фигур российской политической жизни. Примаков был главой Службы внешней разведки, министром иностранных дел, председателем Совета министров. Невероятно популярный, он даже считался самым вероятным кандидатом в президенты страны. В книге Леонида Млечина рассказывается о тайных миссиях Евгения Примакова на Ближнем Востоке. Это и встречи с лидером Народного фронта освобождения Палестины Жоржем Хабашем, прославившимся громкими терактами, и посредничество между лидером курдов Мустафой Барзани и правительством Ирака, и его неофициальные визиты в Израиль после разрыва дипломатических отношений СССР с этой страной, и подготовка переговоров между Сирией и Ираком, между Египтом и Израилем. Возглавив российскую разведку, Примаков не только воспрепятствовал ее вливанию в общую структуру госбезопасности, но и вернул элитной спецслужбе былую мощь, не только сформулировал новую доктрину, отменявшую борьбу с «мировым империализмом на всех фронтах» и сводившуюся к приоритету национальных интересов, но и модернизировал СВР, сделав основную ставку на аналитику.

ISBN 978-5-906995-80-3

9 785906 995803 >

